

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№6–2 2025 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

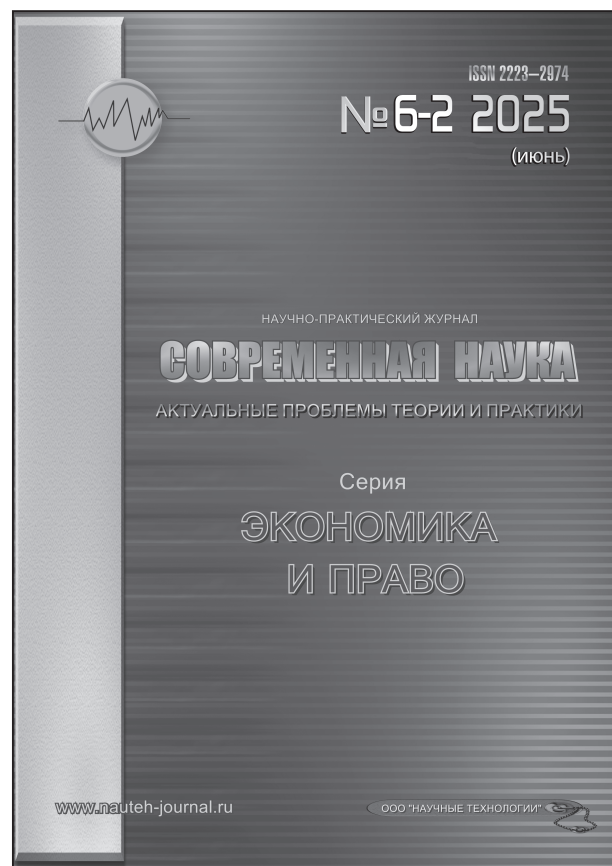
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK — 5.1x, 5.2x, 5.4x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 28.06.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Гамазин С.В. — Значимость лизинга в контексте оценки финансовой стабильности транспортных компаний РФ

Gamazin S. — The importance of leasing in the context of assessing the financial stability of Russian transport companies4

Не Сюань — Российско-китайское программное исследование правил оборота цифровой культуры
Nie Xuan — Russian-Chinese programmatic study of digital culture turnover rules11

Олейник Н.М., Грызайкина С.П. — Развитие аддитивных технологий в обеспечении технологического суверенитета России
Oleynik N., Gryzaikina S. — Development of additive technologies in ensuring technological sovereignty of Russia16

Соколова Ж.Е. — Потенциал сотрудничества стран БРИКС в сфере ресурсного обеспечения аграрного сектора в современных геоэкономических условиях
Sokolova Zh. — Cooperation opportunities of the BRICS countries in the resource supply of the agricultural sector in modern geo-economic environment22

Хуан Хай, Чжан Вэй, Ма Баофа — «Один пояс, один путь» как движущая сила озеленения зимних видов спорта: китайско-российское сотрудничество
Huang Hai, Zhang Wei, Ma Baofa — «One Belt, One Road» as the driving force behind the greening of winter sports: Sino-Russian cooperation36

Право

Ионцев М.А. — О принципе технологической нейтральности и своевременности регулирования цифровых инноваций, в частности, децентрализованных финансов и гражданского оборота цифрового имущества
Iontsev M. — On the principle of technological neutrality and timeliness of regulation of digital innovations, in particular, decentralized financial and cyclical property turnover43

Ионцев М.А. — О договоре номинального счета в цифровом сегменте финансового рынка

Iontsev M. — On the nominal account agreement in the digital segment of the financial market51

Коровяковский Д.Г., Романова М.Е. — Роль международных организаций в унификации правовых стандартов и преодолении юридического плюрализма
Korovyakovsky D., Romanova M. — The role of international organizations in unifying legal standards and overcoming legal pluralism58

Теряева Е.В. — Правовой статус судебных чиновников в Российской империи в XVIII веке
Teryaeva E. — The legal status of judicial officials in the Russian empire in the 18th century63

Федорин В.Е. — О независимости деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве
Fedorin V. — On the independence of defense attorney activities in criminal proceedings67

Юнусов А.А., Гильмутдинов Б.Х. — Явка с повинной: миф или реальность?
Yunusov A., Gilmutdinov B. — Turning in oneself: myth or reality?73

Яковлева Ю.Г. — Специфика правового обеспечения системы упрощенного налогообложения в РФ
Yakovleva J. — The specifics of the legal support of the simplified taxation system in the Russian Federation79

СОЦИОЛОГИЯ

Писаревская Н.С., Толмачева И.В. — Эффективное деловое взаимодействие в условиях гибридной рабочей среды
Pisarevskaya N., Tolmacheva I. — Effective business collaboration in a hybrid work environment84

Сафиуллина Ф.Р. — Социальное предпринимательство: новая модель взаимодействия бизнеса и общества
Safullina F. — Social entrepreneurship: a new model of business-society interaction88

Скопа В.А. — Проблемы социализации личности в условиях техногенной цивилизации
Skopa V. — Problems of personal socialization in the context of technogenic civilization95

Наши авторы99

ЗНАЧИМОСТЬ ЛИЗИНГА В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ РФ

Гамазин Сергей Владимирович

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени П. Лумумбы, Москва
114220745@pfur.ru

THE IMPORTANCE OF LEASING IN THE CONTEXT OF ASSESSING THE FINANCIAL STABILITY OF RUSSIAN TRANSPORT COMPANIES

S. Gamazin

Summary. The paper presents a methodology for assessing the financial well-being of a company based on a comprehensive test result. Thanks to the balanced assessment, the transport companies from road, rail, sea and air transportation were compared with each other. The paper reveals a systematic dependence of the efficiency of leasing use depending on the size of the company. Small companies, as well as the largest companies, do not receive comparative benefits from the use of leasing. On the contrary, medium-sized companies can be recommended to use leasing, since the results of the study showed its effectiveness.

Keywords: transport industry of the Russian Federation, leasing of the transport industry of the Russian Federation, assessment of financial stability of transport companies, leasing efficiency.

Аннотация. В работе представлена методология оценки финансового благополучия компании на основе комплексного результата тестирования. Благодаря полученной взвешенной оценке были сравнены между собой транспортные компании из автомобильных, железнодорожных, морских и авиaperевозок. В работе выявлена систематическая зависимость эффективности использования лизинга в зависимости от размера компании. Малые компании также как и крупнейшие компании не получают сравнительную выгоду от использования лизинга. Средним компаниям наоборот можно рекомендовать использовать лизинг, поскольку результаты исследования показали его эффективность.

Ключевые слова: транспортная отрасль РФ, лизинг транспортной отрасли РФ, оценка финансовой стабильности транспортных компаний, эффективность лизинга.

Введение

Транспортная отрасль РФ является одним из элементов отечественной экономики и ее эффективное функционирование оказывает непосредственное влияние на устойчивое экономическое развитие государства. Неравномерное расселение граждан и обширная территория увеличивают значимость эффективного управления участниками транспортной отрасли РФ. Несмотря на высокое значение транспортной отрасли, ее развитие и финансовая стабильность в большей степени зависят от внешних источников финансирования, о чем свидетельствуют данные Росстата. Транспортная отрасль РФ на 70 % финансируется за счет внешних источников, что ставит ее в один ряд с такими социально значимыми отраслями, как здравоохранение и образование. [1] Необходимость внешнего финансирования вызвана прежде всего низкими показателями маржинальности в отрасли — с 2020 г. маржинальность транспортной отрасли составляла не более 5 %. [2].

Ключевым источником финансирования транспортной отрасли РФ является лизинг, который с учетом своих

преимуществ перед другими кредитными средствами служит инструментом обновления и пополнения парка транспортных средств, о чем говорит ряд авторов. [3,4,5,6] С 2013 г. не менее 75 % всех предметов лизинга относятся к транспортной отрасли: легкие и грузовые автомобили, железнодорожные вагоны, морские и речные суда и авиационный транспорт. Доля транспортных средств в портфеле лизинговых компаний увеличивается и в абсолютных значениях (увеличение суммы лизинга транспортных средств), и в относительных значениях (увеличение доли транспортных средств от общей суммы предметов лизинга) [7].

В 2022 г. в отношении отечественной экономики были введены санкции, которые ограничивают развитие транспортной отрасли из-за запрета на перемещение в страны ЕС и прочие недружественные государства, а также ограничения финансирования деятельности. Таким образом лизинг, который является ключевым инструментом финансирования деятельности транспортных компаний, становится критически важным инструментом поддержания финансовой стабильности этих компаний. С одной стороны, транспортные компании

становятся отрезаны от части международного рынка перевозок и должны развивать свою деятельность на внутреннем рынке, что требует использования внешних источников финансирования. С другой стороны, с учетом общей макроэкономической ситуацией в РФ, когда рост ключевой ставки повышает стоимость заемных денег, в том числе лизинга, транспортные компании должны эффективно использовать лизинг, чтобы заемные основные средства генерировали соразмерную чистую прибыль. [8]

В ситуации ограниченности доступа к финансированию необходимо оценить значимость и эффективность использования лизинга в транспортной отрасли на основе финансовых показателей компаний. Результаты исследования позволяют участникам транспортной отрасли скорректировать свою финансовую и операционную деятельность.

Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи были использованы методы теоретического обобщения и систематизации данных, полученных из открытых источников. Применены также логический и аналитический подходы. Информационной базой исследования послужили статистические данные информационного агентства СПАРК, материалы исследовательских организаций и рейтинговых агентств, размещенных в открытом доступе.

Основная часть

Согласно данным СПАРК всего в транспортной отрасли РФ представлено свыше 80 000 компаний в 2023 г., которые занимаются автомобильными, железнодорожными, морскими и авиа перевозками. Для оценки компаний было принято разделить их первоначально на 4 категории в зависимости от типа перевозок, а также в дальнейшем разделить еще на 4 категории по размеру чистой прибыли:

- Чистая прибыль в размере до 1 млн руб.
- Чистая прибыль в размере от 1 до 10 млн руб.
- Чистая прибыль в размере от 10 до 100 млн руб.
- Чистая прибыль в размере от 100 млн руб.

Таким образом полученные выборки компаний позволяют оценить значимость и эффективность лизинга в каждой отдельной категории, учитывая разницу в размере компаний. Для оценки финансовой стабильности транспортных компаний будут рассмотрены их финансовые показатели исходя из данных СПАРК и Ресурса БФО.

Существует набор моделей оценки финансового положения и стабильности компаний, который основан на показателях финансовой и бухгалтерской отчетности компаний. Каждая из таких моделей имеет

свои преимущества и недостатки, акцентируя внимания на определенных статьях баланса или сравнивая все по рентабельности основных средств. Ввиду этого, в данной статье для сравнения финансового положения компаний будет использован стандартизированный результат нескольких моделей, что позволит снизить значимость различий в разных подходах к оценке компаний. Для оценки финансового положения компаний выступают 4 модели, а именно: модель Альтмана, модель Таффлера, модель Сайфуллина-Кадыкова, модель Лиса. Данные модели по-разному оценивают стабильность компаний (имеют разные метрики значимости), что позволит всецело и всесторонне оценить финансовое положение транспортных компаний. [9, 10, 11, 12]

Модели оценки финансовой стабильности имеют разные метрики эффективности компаний, то есть они несравнимы между собой, и как следствие необходимо провести стандартизацию полученных данных:

$$W_{\text{станд}} = \frac{W_{\text{исход}} - M[W_{\text{исход}}]}{\sigma[W_{\text{исход}}]},$$

где $W_{\text{исход}}$ — первоначальный результат оценки компании по каждой модели;

M — мат. ожидание;

σ — стандартное отклонение.

Для того, чтобы данные можно было сравнить и расположить на промежутке от 0 до 1 необходимо их преобразовать следующим образом:

$$W_i = \frac{W_{\text{станд}} - z}{y - z},$$

где W_i — обновленное значение показателей, расположенное на отрезке [0;1];

z — минимальное значение показателя $W_{\text{станд}}$ в соответствующей выборке;

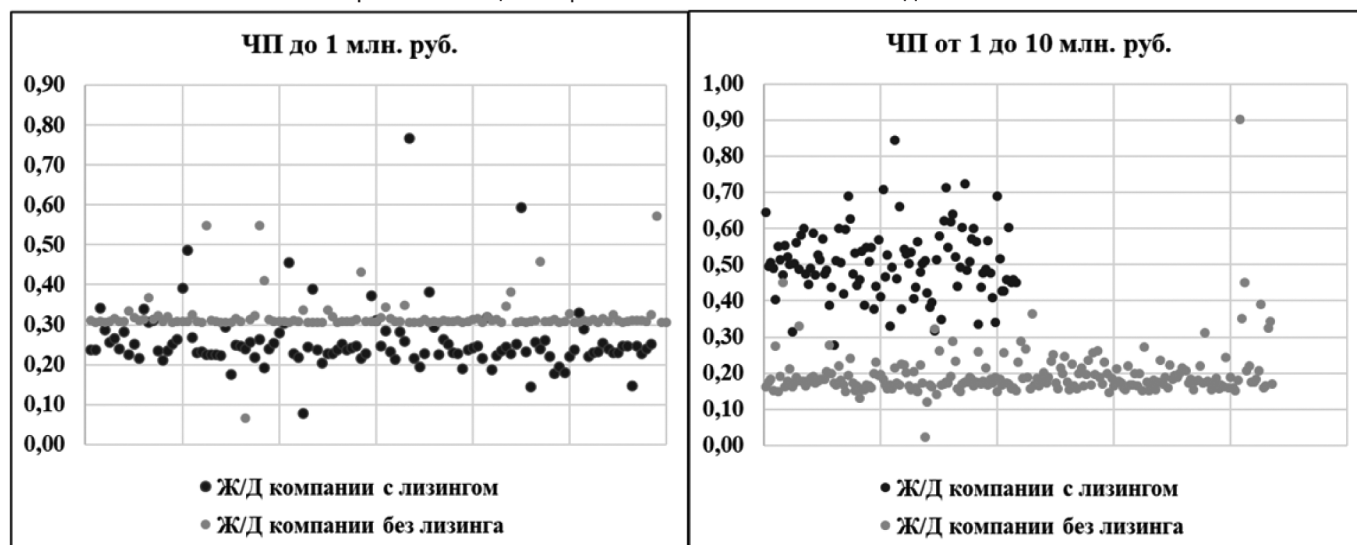
y — максимальное значение показателя $W_{\text{станд}}$ в соответствующей выборке.

Для выведения совокупного показателя финансовой стабильности каждой компании, необходимо будет вывести среднее значение полученных оценок, что позволит получить единый результат финансового благополучия компании. Таким образом, ожидаемые нами результаты оценок финансовой стабильности будут расположены на отрезке от 0 до 1, и значения, стремящиеся к 1 будут говорить о более высокой финансовой устойчивости компании среди своих конкурентов в выборке.

На Диаграммах №1–2 представлено распределение оценок железнодорожных компаний с лизингом и без лизинга, распределенных в зависимости от раз-

Диаграмма 1.

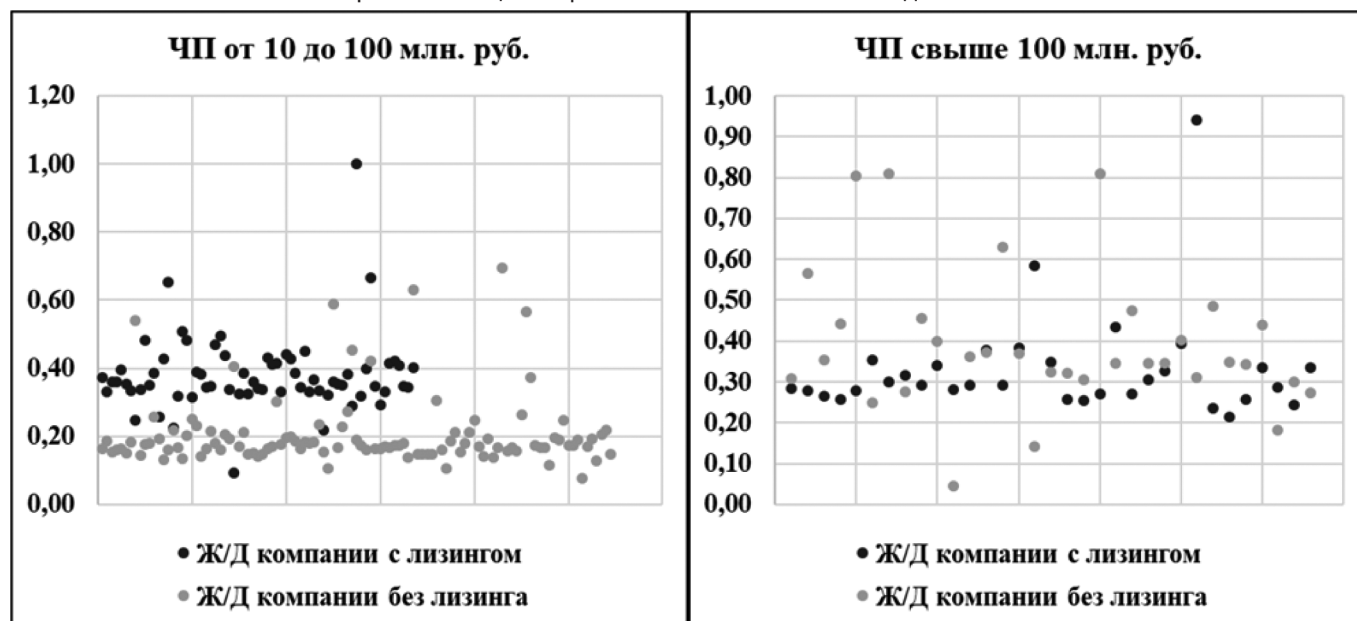
Сравнение оценок финансовой стабильности ж/д компаний

Источник: составлено автором

Диаграмма 2.

Сравнение оценок финансовой стабильности ж/д компаний

Источник: составлено автором

мера чистой прибыли и уровня финансовой стабильности. Можно заметить, что при уровне чистой прибыли до 1 млн руб. или свыше 100 млн руб. компании с лизингом имеют более низкие оценки финансовой стабильности по сравнению с компаниями без лизинга. Это может быть объяснено тем, что при слишком малом объеме бизнеса лизинг не является необходимым средством финансирования, поскольку аналогичных показателей (уровня чистой прибыли) можно достичь и без его использования. При слишком крупном размере компании ее активы, которые были профинансированы с помощью лизинга, не всегда могут генерировать столько

выручки, чтобы соразмерно покрывать свои расходы по обязательствам. При этом важно отметить, что увеличение парка железнодорожных вагонов, с одной стороны, увеличивает долю компании на рынке перевозок, что дает свои преимущества перед конкурентами, с другой стороны у компании увеличиваются расходы на техническое обслуживание парка и содержание обслуживающего персонала.

Средние транспортные компании, в данном виде перевозок, с прибылью от 1 до 100 млн руб. наоборот извлекают повышенную эффективность от использо-

вания лизинга, что видно из расположения их оценок на Диаграмме № 1–2. При увеличении бизнеса ж/д перевозок компании обращаются к лизинговым компаниям с целью получения в финансовую аренду вагонов, что положительно сказывается на уровне их финансовой устойчивости по сравнению с конкурентами, которые финансируются другими источниками. Лизинг может быть использован ж/д перевозчиками, как инструмент развития своего бизнеса, учитывая высокую значимость ж/д перевозок в РФ, которые формируют до 85 % общего грузооборота в РФ. Важно обращать внимание на увеличивающиеся обязательства по мере увеличения лизингового парка и понимать, что эффект масштаба, когда при росте парка увеличивается прибыль, имеет предел и важно вовремя перестраивать свои финансовые и операционные планы.

Примерно аналогичные результаты получены при оценке компаний, занимающихся автомобильными перевозками, которые не менее значимы для отечественной транспортной отрасли. На Диаграммах №3, №4 представлена информация о расположении оценок финансовой стабильности автомобильных перевозчиков. Малые компании, с уровнем чистой прибыли до 1 млн руб., с лизингом и без лизинга имеют не столь значительную разницу в своей финансовой состоятельности. Средние компании, с чистой прибылью от 1 до 100 млн руб. с лизингом демонстрируют значительное превосходство по сравнению со своими визави без лизинга. В автомобильных перевозках довольно много мелких фирм, которые осуществляют перевозки

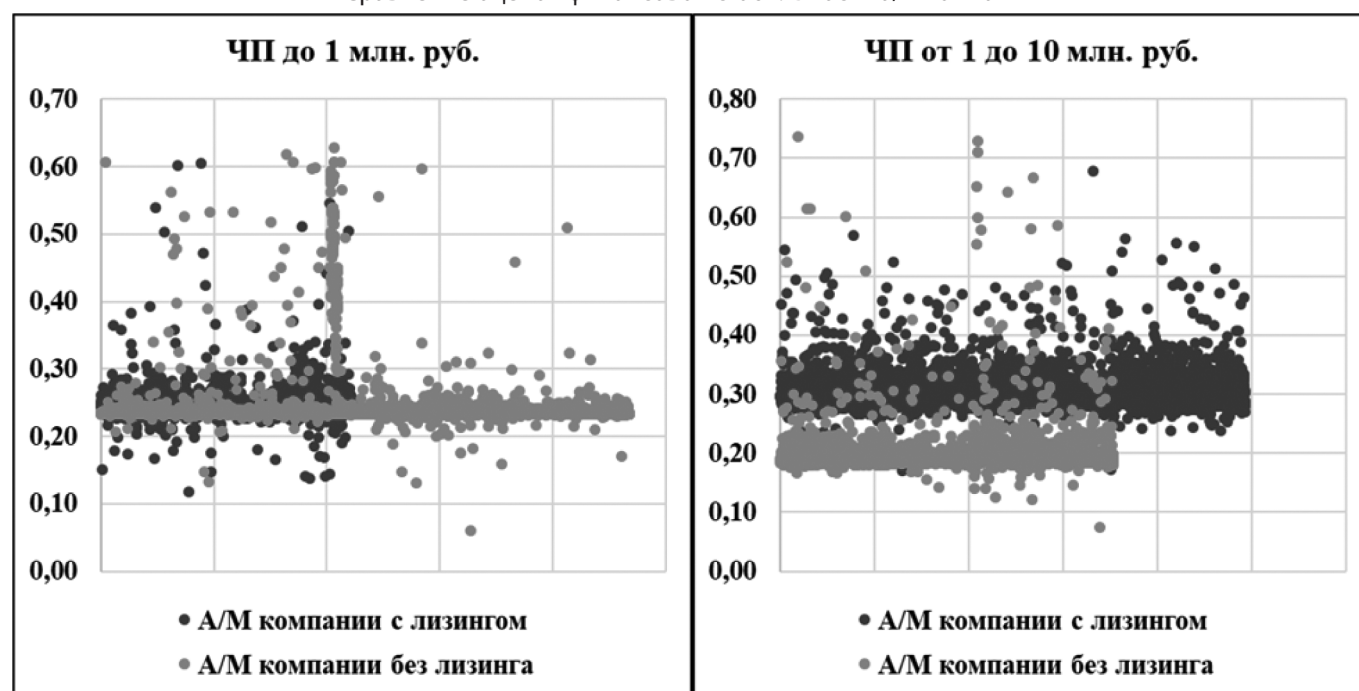
за счет ТС, которые как правило в собственности и обращаться к кредитным инструментам большой необходимости нет. Эффективность использования лизинга снижается при увеличении компании до уровня чистой прибыли свыше 100 млн руб., что можно наблюдать исходя из данных Диаграмм. В данном случае автомобильные перевозчики могут рассматривать опцию оптимизации своих текущих обязательств и расходов с целью повышения своей маржинальности.

Автомобильные перевозки являются капиталоемкой отраслью, однако для начала ведения бизнеса достаточно иметь малое количество транспортных средств. При расширении своего бизнеса транспортные компании обращаются к лизингу и показывают более высокие результаты, чем их конкуренты без лизинга, что доказано в рамках полученных результатов исследования. Благодаря лизингу автомобильные перевозчики могут позволить себе легко получить требуемое ТС, которое может генерировать дополнительную выручку. За последние несколько лет доля автомобильных перевозок растет, что вызвано развитием электронной коммерции, которая использует множество грузовых автомобилей для доставки малогабаритных товаров.

Однако крупным компаниям важно уметь эффективно управлять денежными потоками и операционной деятельностью, чтобы использовать свои ТС наиболее эффективно. Большой парк ТС требует эффективно работающих СТО, логистов и отлаженный функционал операционного блока компаний. Именно поэтому решение

Диаграмма 3.

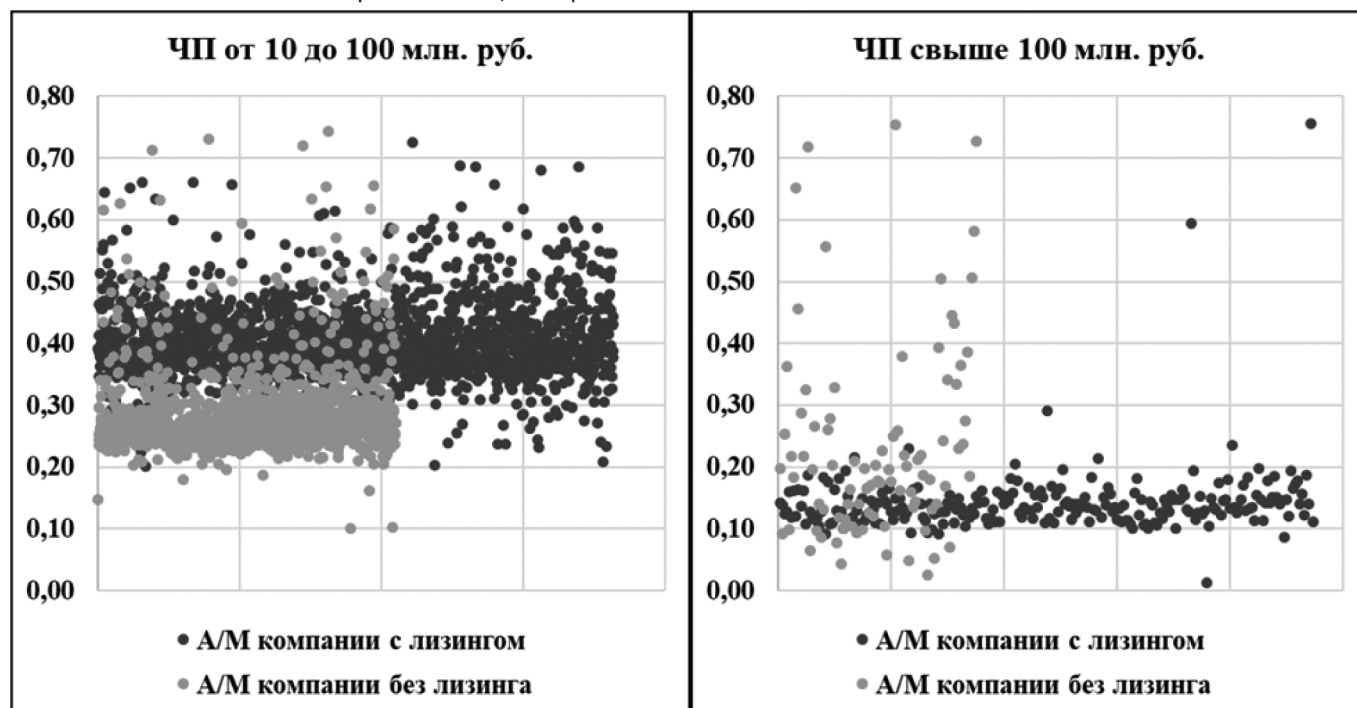
Сравнение оценок финансовой стабильности а/м компаний

Источник: составлено автором

Диаграмма 4.

Сравнение оценок финансовой стабильности а/м компаний

Источник: составлено автором

о продолжении финансирования крупных компаний лизингом является важным решением и требует от руководства компании выверенного финансового плана на будущие периоды.

Еще одним немаловажным видом перевозок являются морские перевозки, которые осуществляют перевозки по внутренним и внешним водам РФ. Мелкие перевозчики в большей степени предпочитают не использовать лизинг и финансировать свою деятельность другими способами, при этом по оценке финансовой устойчивости они примерно наравне с компаниями, которые имеют лизинговые обязательства, исходя из данных Диаграммы №5.. Учитывая специфику отрасли морских перевозок, где крупные размеры выручки генерируются при наличии большого флота крупнотоннажных кораблей, способных перевозить полезные ископаемые и нефть, использовать лизинг для мелких компаний не является рациональным решением.

Примерно похожая ситуация складывается с крупнейшими морскими перевозчиками, среди которых также не выявлен положительный эффект использования лизинга, что показано на Диаграмме № 6. Часть компаний выигрывают от использования лизинга, другие же компании наоборот менее финансово стабильны, что наглядно видно на Диаграмме № 6. Однако значимый эффект положительного использования лизинга, как инструмента пополнения и обновления средств видно на примере средних компаний, участвующих в морских перевозках.

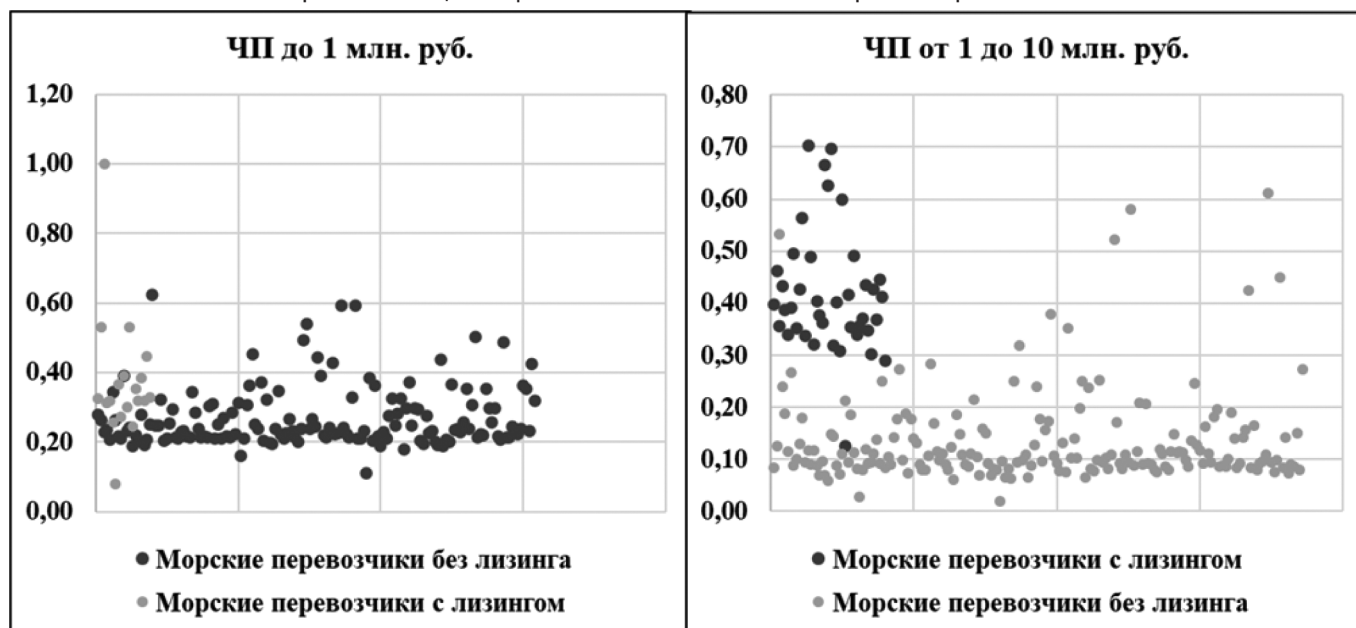
Средние компании, которые обращаются к лизингу для обновления и пополнения основных средств, демонстрируют более высокие финансовые результаты, что сказывается на их оценках финансовой стабильности. Важно отметить, что среди морских перевозчиков лизинг не является приоритетным способом финансирования и позволить его использовать себе может не каждая компания. Смотря на распределение компаний на Диаграммах № 5–6 можно заметить, что в целом в данной отрасли интерес к лизингу значительно ниже, поскольку относительно общего числа компаний, число лизингополучателей крайне мало. Это связано прежде всего с высокой стоимостью основных средств (морских судов), которые даже при приобретении в лизинг являются дорогостоящим обязательством.

В авиационных грузовых перевозках, ввиду специфики отрасли представлено малое количество компаний, что видно из Таблицы №1. Авиационная отрасль имеет высокие барьеры вхождения, и чтобы предоставлять услуги по грузоперевозке товаров необходимо иметь дорогостоящие самолеты, которые в разы дороже, чем ж/д вагон или грузовой а/м.

Специфика отрасли накладывает свой эффект на результаты проведенного исследования. Во-первых, можно заметить, что компаний-лизингополучателей сильно меньше, чем компаний необремененных лизингом, однако важно отметить, что большинство компаний без лизинга все-таки относятся к мелким и средним компаниям.

Диаграмма 5.

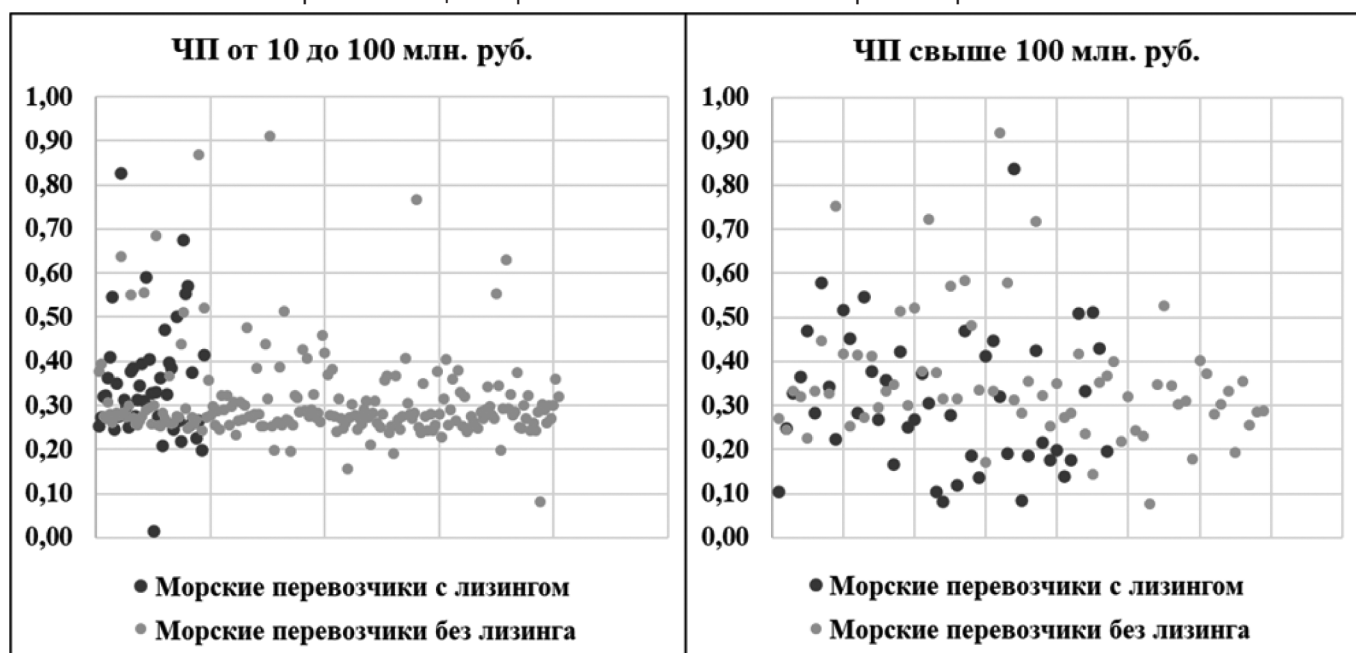
Сравнение оценок финансовой стабильности морских перевозчиков

Источник: составлено автором

Диаграмма 6.

Сравнение оценок финансовой стабильности морских перевозчиков

Источник: составлено автором

Во-вторых, среди компаний без лизинга большая часть получила 4 положительных балла по моделям оценки компаний, что говорит о том, что они более финансово стабильны, чем их конкуренты с лизингом. При этом также встречаются выборки, например компании с чистой прибылью до 1 млн руб., что где компании с лизингом получили более высокие баллы, чем их визави. Важно учитывать тот факт, что, как и в случае с морскими перевозчиками авиационные перевозчики обязаны обра-

щаться к кредитным инструментам, поскольку основные средства довольно дорогостоящие.

Заключение

Текущая макроэкономическая среда в РФ, которая подвержена воздействию санкций и присутствуют ограничения на ведение ряда деятельности, обязывает участников рынка гибко адаптироваться и менять свои

Таблица 1.

Распределение оценок среди авиаперевозчиков

		Σ баллов по моделям оценки финансового положения					ИТОГО
Наличие Лизинга	Чистая прибыль	0	1	2	3	4	
да	От 0 до 1 млн. руб.			3		2	5
да	От 1 до 10 млн. руб.		1	2	1	1	5
да	От 10 до 100 млн. руб.		2	2	2	2	8
да	Более 100 млн. руб.		1		1	1	3
Сумма		0	4	7	4	6	21
нет	От 0 до 1 млн. руб.		13	8	12	19	52
нет	От 1 до 10 млн. руб.		1	1	4	19	25
нет	От 10 до 100 млн. руб.		1	3	1	17	22
нет	Более 100 млн. руб.					3	3
Сумма		0	15	12	17	58	102
ИТОГО		0	19	19	21	64	123

Источник: составлено автором

решения в зависимости от ситуации. Значимым звеном отечественной экономики является транспортная отрасль, которая при эффективном функционировании снижает конечную себестоимость товара, который в том числе поставляется на экспорт. Для поддержания функционирования отрасли, ее участникам важно уметь эффективно распоряжаться источниками финансирования, такими как лизинг, и планировать свои доходы и расходы.

В данной статье рассмотрено как использование лизинга отражается на финансовой устойчивости компаний и приведено сравнение его эффективности при разных уровнях чистой прибыли и разном виде деятельности. В результате была получена следующая тенденция, основанная на средневзвешенных стандартизированных оценках финансовой устойчивости транспортных компаний:

Мелкие транспортные компании могут использовать альтернативный лизингу источник финансирования, что

позволит им быстрее развивать свой бизнес. Использование лизинга не является эффективным инструментом финансирования их деятельности;

Средние компании с прибылью до 100 млн. руб. должны использовать лизинг, поскольку благодаря нему они могут эффективнее, чем без него, расширять свою операционную деятельность. Благодаря лизингу транспортные компании могут позволить себе нарастить показатели выручки, прибыли и расширяться за счет эффекта масштаба;

Крупнейшие компании обязаны использовать лизинг только при условии эффективного управления большим парком ТС, поскольку обслуживание и распределение парка должно позволять генерировать соразмерную затратам выручку. Лизинг может выступать инструментом обновления парка и удерживания доли на рынке перевозок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инвестиции в России. 2023: Статистический сборник/ Росстат. — М., 2023. — 229 с.
2. Интернет-ресурс СПАРК-Интерфакс. Статистика отраслей. // URL: <https://spark-interfax.ru/statistics>
3. Маслова Т.Н., Нечехуина Н.С., Черненко Алексей Федорович ВЫБОР ИСТОЧНИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕНОВАЦИИ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ // Социум и власть. 2021. №2
4. Решетникова, А. Преимущества лизинга над другими формами финансирования / А. Решетникова, Е. Путникова // Организационно-правовые аспекты инновационного развития АПК (см. в книгах). — 2015. — № 12. — С. 239–240. — EDN YXRHHN.
5. Beattie V., Goodacre A., Thomson S., Operating leases and the assessment of lease–debt substitutability, Journal of Banking & Finance, Volume 24, Issue 3, 2000, Pages 427–470, ISSN 0378-4266
6. Lian H., Financial leasing and enterprise innovation, Finance Research Letters, Volume 66, 2024, 105675, ISSN 1544-6123
7. Рынок лизинга по итогам 2023 года: время ренессанса // РА ЭКСПЕРТ. URL: <https://raexpert.ru/researches/leasing/2023/>
8. Мельникова Наталия Сергеевна, Быканова Наталья Игоревна, Хайрулина Ирина Геннадьевна, Попов Сергей Эдуардович, Прядко Евгения Андреевна ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА ЛИЗИНГА В РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ САНКЦИЙ // Научный результат. Экономические исследования. 2023. №4.
9. Вишнякова Т.М. Методы и модели оценки финансовой устойчивости корпорации // Концепт. 2018. №8.
10. Егоров И.С., Букреев А.В. ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ АЛЬТМАНА ДЛЯ ОЦЕНКИ ВЕРОЯТНОСТИ БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЯ // Экономика и социум. 2019. №1-1 (56).
11. Егоров И.С., Лупандин В.В. СРАВНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ Р.ТАФФЛЕРА И У.БИВЕРА ПРИ ОЦЕНКЕ БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЯ // Теория и практика современной науки. 2019. №1 (43).
12. Губина А.М., Котелянец О.С. ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ БАНКРОТСТВА ПО МОДЕЛЯМ Z-СЧЕТА АЛЬТМАНА, МОДЕЛИ R-СЧЕТА САЙФУЛИНА-КАДЫКОВА, МОДЕЛИ БИВЕРА НА ПРИМЕРЕ ПАО «ТМК» И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВЫХОДУ ПРЕДПРИЯТИЯ ИЗ КРИЗИСА // Форум молодых ученых. 2017. №7 (11).

© Гамазин Сергей Владимирович (1142220745@pfur.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПРОГРАММНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛ ОБОРОТА ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Не Сюань

Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова
nxuan1025@gmail.com

RUSSIAN-CHINESE PROGRAMMATIC STUDY OF DIGITAL CULTURE TURNOVER RULES

Nie Xuan

Summary. This scientific review examines the progress and transformation of the regulatory principles that govern the field of digital commerce in Russia and China. Analyzing the features and problems faced by these states on the way to integration into the global digital economy, the work reveals the dynamics of changes in trade legislation, which are due to the transition from traditional trade to transactions with digital goods and services. The study focuses on reforming regulations, which was required to adequately respond to the challenges of the digital economy. At the center of the analysis is China's initiatives to develop avant-garde rules in the field of digital commerce. The study takes a detailed look at key aspects of digital trade, such as cross-border data sharing, intellectual property protection and principles of equitable economic competition for digital products.

Analysis of China's strategic scientific and technological activities aimed at digital transformation and the introduction of innovative technologies, such as artificial intelligence and cybersecurity, occupies an important place in the work. The final part of the study highlighted the importance of China's formation of unique competitive mechanisms and interaction with global trading systems for the effective development of the digital economy and strengthening its position in the international arena.

Keywords: digital trade, international trade rules, China, Russia, digital economy, cross-border data flow, intellectual property protection, digital infrastructure, artificial intelligence, trade agreements.

Аннотация. Этот научный обзор посвящен изучению прогресса и трансформации нормативных принципов, которые управляют сферой цифровой торговли в России и Китае. Анализируя особенности и проблемы, с которыми сталкиваются эти государства на пути к интеграции в мировую цифровую экономику, работа выявляет динамику изменений в торговом законодательстве, которые обусловлены переходом от традиционной торговли к сделкам с цифровыми товарами и услугами. Исследование акцентирует внимание на реформировании нормативных регламентов, что потребовалось для адекватного ответа на вызовы цифровой экономики. В центре анализа — инициативы Китая по разработке авангардных правил в сфере цифровой торговли. Исследование детально рассматривает ключевые аспекты цифровой торговли, такие как трансграничный обмен данными, защита интеллектуальной собственности и принципы равноправной экономической конкуренции в отношении цифровых продуктов.

Анализ стратегических научно-технологических мероприятий Китая, направленных на цифровую трансформацию и внедрение инновационных технологий, таких как искусственный интеллект и обеспечение кибербезопасности, занимает важное место в работе. Итоговая часть исследования выделена значимостью формирования Китаем уникальных конкурентных механизмов и взаимодействия с мировыми торговыми системами для эффективного развития цифровой экономики и укрепления её позиций на международной арене.

Ключевые слова: цифровая торговля, международные торговые правила, Китай, Россия, цифровая экономика, трансграничный поток данных, защита интеллектуальной собственности, цифровая инфраструктура, искусственный интеллект, торговые соглашения.

В современной динамике, западные державы, представленные Европой и США, придают особое значение разработке стандартов в сфере цифровой экономики, что отражает их стратегические и политические амбиции. Эти стандарты ожидают стать глобальным ориентиром для экономических и торговых отношений. В тоже время, цифровая торговля оказалась в центре мировой конкурентной борьбы. Для того чтобы Китай мог занять лидирующие позиции и выстроить новые конкурентные преимущества в этом поле, ему необходимо активно участвовать в формировании международного экономического и торгового законодательства, а также реализовать свою стратегию в области цифровой торговли.

Цифровая торговля Китая показывает впечатляющие темпы роста: в 2022 году объем цифровых услуг

достиг поразительных 2,5 триллиона юаней, что выросло на 78,6 % по сравнению с пятилетней давностью. Трансграничная электронная коммерция Китая также показывает устойчивый рост, достигая 2,1 триллиона юаней, что на 30,2 % выше, чем двумя годами ранее. Эти данные подчеркивают актуальность анализа высокостандартных правил цифровой торговли для Китая и его практическую значимость в мировых экономических рамках.

В разгар развития глобальной цифровой экономики, информация оказалась ключевым ресурсом, формирующим экономическую среду. Такая динамика меняет основы международной торговли, привнося новации в предметы и способы ведения бизнеса. Физические товары уступают место цифровым, размывая традиционные различия между товарами и услугами. Это ведет

к необходимости пересмотра и обновления торговых правил и стандартов в цифровую эру, ставя перед мировым сообществом задачу адаптации к новым торговым реалиям.

Исследование направлено на оценку и сопоставление законодательств Китая и России в сфере цифровой торговли для выявления ключевых преимуществ и недостатков, и предложение путей их устранения в соответствии с международными стандартами. Изучение проведено через всесторонний анализ научных работ, международных документов, законов и статистики, с акцентом на сравнительный и контент-анализ нормативных актов двух стран в контексте цифровой экономики, а также изучение международных договоров и инициатив.

Современные исследования в области правил цифровой торговли фокусируются на их развитии, сравнении контента цифровых соглашений и стратегии Китая в этой сфере. Лян Гоюн в 2023 году отметил прогресс в обновлении правил цифровой торговли: они превратились из подразделов традиционных торговых договоров в специализированные соглашения с расширенным объемом и детализацией. Некоторые ключевые усовершенствования включают многостороннее признание запрета на тарифы в электронной коммерции, увеличение региональных правил цифровой торговли, и дальнейшее развитие двусторонних норм, охватывающих тарифы, недискриминационное обращение с цифровыми продуктами, электронную аутентификацию и защиту интересов потребителей в сети.

Исследователи Чэнь Ин и Гао Юнин выделяют три основные модели в правилах глобальной цифровой торговли: американский подход, предполагающий полную открытость; европейский, который предусматривает открытость с оговорками; и китайский, ориентированный на постепенное увеличение открытости. Ли Цзяцян и коллеги проанализировали отличия в правилах цифровой торговли, представленных в различных международных соглашениях, таких как RCEP, CPTPP и DEPA, и утверждают важность соблюдения принципа недискриминации в отношении цифровых продуктов и повышения доступности для иностранных инвестиций, соблюдая при этом национальную безопасность. Лю Бин и Цуй Наньчэнь указывают, что для Китая критично важно настроить баланс между безопасностью, предварительной открытостью и открытостью данных, вырабатывая при этом стратегии для управления с различной степенью открытости [5].

Чжу Фулин предложил продолжение моратория на введение тарифов на электронные передачи, выступая за свободное движение данных между странами без использования локализации данных как барьера, при этом подчеркивая важность защиты личных данных

и электронной идентификации, а также необходимость строгой защиты интеллектуальной собственности, включая исходные коды и ключи алгоритмов. Пэн Лэй и Цзян Юэ отмечают, что положения, касающиеся правил цифровой торговли в соглашениях, подписанных Китаем, на данный момент преимущественно касаются электронной коммерции и подчеркивают значение регуляторного суверенитета, а также необходимость контроля за безопасностью, особенно в вопросах трансграничной передачи данных. Пэн Делей и Чжан Цзылинь считают, что RCEP стал для Китая важным шагом в формировании передовых стандартов в сфере цифровой торговли, сделав акцент на свободный поток данных, локализацию данных и их защиту. Ван Жуй и его коллеги подчеркивают, что Китай должен принять осознанный стратегический подход к решению сложных вопросов, связанных с открытостью и безопасностью, включая разработку классификации защиты данных и укрепление системы интернет-безопасности через комбинацию «негативного списка» и управления классификацией. Чжао Руоцин и Ли Цзюнь рекомендуют рассмотреть применение сочетания «мягкого» и «жесткого» регулирования для обеспечения эффективного трансграничного контроля данных [5].

Исследования в области цифровой торговли касаются вопросов, таких как управление данными, доступ к цифровым продуктам, сетевая безопасность и интеллектуальная собственность. Эффективность расширения открытости рынков зависит не только от принципов открытости и безопасности, но и от учета особенностей национального регулирования. В статье подчеркивается, что Китаю следует устанавливать свои стандарты в цифровой сфере, способствующие международному сотрудничеству, и выработать регламенты для сложных аспектов цифрового обмена и интеграции, включая науку и искусственный интеллект.

Китай поэтапно улучшает свои правила цифровой торговли, ориентируясь на безопасность [7]. До 2015 года были приняты только начальные нормативы, такие как законы о тарифах и электронной подписи. Сейчас эти правила включены в многочисленные соглашения о свободной торговле, охватывающие защиту данных, электронную документацию и торговлю. В 2015 году Китай дополнил соглашение с Южной Кореей разделом о электронной коммерции, заложив основу для развития цифровой торговли.

Китайские политика и регулирование цифровой торговли обладают тремя ключевыми особенностями. Первая включает в себя развитую и комплексную систему для трансграничной электронной коммерции, включая стандартизацию бизнес-практик и создание пилотных зон. Вторая характеристика указывает на строгое ограничение дигитальной торговли, в частности, находящееся

еся на начальном этапе регулирования в сфере защиты цифровой интеллектуальной собственности и дискриминации в отношении цифровых продуктов. Например, Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики, введенный в 2017 году, предусматривает, что личная информация и важные данные, созданные в Китае для ключевой информационной инфраструктуры, должны храниться в Китае. Закон о безопасности данных Китайской Народной Республики, реализованный в сентябре 2021 года, предусматривает: создание национальных мер по классификации и защите данных, разработку важных каталогов данных, а также создание централизованной, эффективной и авторитетной оценки рисков безопасности данных, отчетности, обмена информацией, мониторинга и механизмов раннего предупреждения [7].

В Китае действует закон о защите личной информации, введенный в ноябре 2021 года, требующий государственной оценки и сертификации данных, обрабатываемых для международных операций. Китай акцентирует внимание на контроле и соблюдении суверенитета в сфере цифровой торговли, стремясь сбалансировать открытость, развитие и безопасность. Это подход выражен в положениях RCEP, подчеркивающих право стран формулировать собственные регулирующие требования. Хотя регулирование цифровой торговли в Китае ещё находится на ранней стадии и не соответствует стандартам для международной цифровой торговли, непрерывное улучшение политики и регуляторных мер, а также постепенное снятие ограничений, являются приоритетными направлениями для развития высококачественных правил в цифровой торговле [2].

К 2024–2025 годам Китай добился значительного прогресса в разработке и внедрении нормативов цифровой торговли, опираясь на такие стратегические инициативы, как «Цифровой шелковый путь» и «Made in China 2025». Эти начинания способствовали формированию устойчивой цифровой экономики и усовершенствованию систем управления цифровой торговлей.

Сфера цифровой торговли Китая показывает впечатляющие результаты: рост торговли цифровыми услугами до рекордных уровней, расширение кросс-бордерной электронной коммерции и значительные инвестиции в информационные технологии, включая искусственный интеллект и облачные вычисления.

Руководство Китая по реформированию и инновационному развитию цифровой торговли отражает план наращивания доли цифровых услуг, создания безопасной системы управления и регулирования трансграничного потока данных, а также активное участие в международных стандартах цифровой торговли. Особое внимание уделяется открытости и сотрудничеству для продвижения глобальной цифровой торговли.

Развитие цифровой инфраструктуры также получило импульс, с увеличением внутренней вычислительной мощности и генерации данных, укрепляя позиции Китая в мировом технологическом секторе.

Китай предвидит усиление своей цифровой экономики и передовых технологий к 2025 году, стремясь довести вклад ключевых цифровых отраслей в ВВП до 10 %. Особенное внимание будет уделено интеграции искусственного интеллекта в ключевых сферах, включая здравоохранение и образование, при этом ускоряется процесс цифровизации государственных услуг [1].

Таким образом, в контексте глобальных цифровых тенденций, Китай нацелен на углубление своего вклада и влияния через инновационные политические решения и сотрудничество на международной арене. Стратегические планы включают укрепление инфраструктуры, основанной на «Цифровом шелковом пути» и «Made in China 2025», упор на регулирование данных и активное участие в создании международных цифровых протоколов и стандартов [10].

В рамках развития цифровой торговли, Китай акцентирует важность формирования правил, соответствующих высоким международным стандартам, при этом подчеркивая необходимость выполнять роль надзора, а не ограничиваться лишь сравнением с существующими западными нормами. Учитывая свои уникальные национальные особенности, Китай стремится к созданию собственной модели правил цифровой торговли, которая уважала бы цифровой суверенитет различных государств и использовала бы преимущества своего большого масштаба в данной сфере.

Активное участие Китая в международных переговорах означает, что страна не только соблюдает глобальные тенденции, но и предлагает своё видение, способствуя формированию экономических и торговых соглашений нового поколения. Важной задачей является поиск консенсуса и выработка стандартов, которые были бы оптимальны для мирового сообщества и одновременно отражали бы интересы и характеристики Китая. Это даст возможность упрочить международное взаимопонимание и корректировать правила цифровой торговли с учётом взаимной выгоды, устойчивого и инклюзивного развития в цифровую эпоху [9].

Каждая страна разрабатывает уникальные регуляторные стандарты, которые могут быть признаны эквивалентными другими государствами через нормативное сотрудничество. Такое сотрудничество особенно важно в области цифровой торговли, где вопросы конфиденциальности, безопасности данных и национальной безопасности усложняют снижение торговых барьеров. Международное взаимодействие в регулировании мо-

жет помочь эффективно решить эти проблемы, укрепить доверие и уменьшить трения в цифровой торговле.

Для усиления трансграничного взаимодействия и решения возникающих проблем, рекомендуется разработать систему регулирования, основанную на сотрудничестве, обмене информацией и взаимном доверии, что помогает переходу от пассивных позиций к активным решениям. Китай стремится построить собственные регуляторные рамки цифровой торговли, начиная с консультаций с развивающимися странами, особенно участниками инициативы «Один пояс, один путь» и Региональным комплексным экономическим партнерством (RCEP), чтобы формировать международные альянсы.

Двусторонние отношения могут постепенно переходить в многосторонние, создавая стабильные и долгосрочные основы для цифровой торговли. Важным шагом является учреждение специализированных механизмов надзора и исполнения, включая возможность третейского разрешения споров, что способствует гармонизации стандартов и урегулированию разногласий.

Сегодня актуальны международные дебаты относительно правил трансграничной передачи и локализации данных. Китай активно поддержал Глобальную инициативу по безопасности данных, выступая за уважение к суверенитету, юрисдикции и управленческим правам стран в вопросах защиты данных. По инициативе, страны не должны получать доступ к данным, размещенным за рубежом, без одобрения соответствующего государства, а корпорации должны подчиняться законам страны присутствия и не должны быть обязаны к локализации данных. Одним из первых шагов в данном направлении является реформирование и усовершенствование внутренней системы управления данными [8].

В современном научном дискурсе ещё не сформировался окончательный консенсус по таким фундаментальным понятиям как верификация, распределение и долевое участие в данных. Существует возможность создания структурированной системы прав на данные, основанной на трёхкомпонентном разделении полномочий, которую предлагает Государственный совет КНР и Центральный комитет КПК. Такая система предполагает уточнение прав собственности, акцентируя внимание на пользовании данными.

Необходимо разработать и внедрить конкретные политики и регламенты, касающиеся проверки, разделения и распределения доходов от данных, чтобы обеспечить стандартизацию рынка данных. Кроме того, следует углубить классификацию данных как активов, уточняя подходы к сделкам с данными. Оптимизация правил, управляющих категориями публичных, корпоративных и личных данных, способствует их более детальной классификации и порядку использования.

Основополагающим этапом в управлении данными является усиление мер подтверждения прав на использование данных и совершенствование инфраструктуры систем обработки данных. Далее, необходимо обеспечить организованный трансграничный поток данных, при этом приоритетом должна стать защита персональной информации пользователей.

В этом контексте можно брать пример с практик Европейского Союза, чей подход к регулированию персональных данных выделяется своей детализацией. Регламенты ЕС по защите данных включают в себя чёткие ограничения, например, относительно целесообразности сбора данных, их качества и необходимости; они также обеспечивают прозрачность в обработке данных, определяют меры безопасности, права на доступ и их последующую передачу. Помимо защиты конфиденциальности данных, в ЕС применяются строгие механизмы регулирования и правоприменения, а также соблюдения международных договорённостей и соглашений между вовлечёнными сторонами.

В области международных сотрудничеств, ключевым аспектом является разработка и внедрение гибких правил для сотрудничества, включая обмен данными. Третий шаг — реализация пилотных проектов в экономических зонах свободной торговли, касающихся трансграничного потока данных. Анализ и обобщение практик в таких зонах, как Пекин, Шанхай, Чжэцзян и Хайнань, позволят усилить поддержку регионов, способствующих расширению секторальной и международной коммерческой деятельности, включая разработку оценок трансграничного потока данных на предмет безопасности, методик оценки защиты личной информации и инновационных механизмов для упрощения процедур получения решений.

Четвертый пункт касается постепенного усовершенствования системы контроля за трансграничным потоком данных. Это предполагает создание совместных механизмов для оценки безопасности данных, регулярных и внеплановых инспекций безопасности, а также мониторинга в реальном времени и полного обзора трансграничной передачи данных.

Наконец, в пятом аспекте уточняется необходимость проработки правил и исключений в контексте трансграничного потока и локализации хранения данных, чтобы ещё более облегчить пересечение данных через национальные границы. Это направление требует внимания к законодательным рамкам, способствующим снижению барьеров без ущерба для защиты личных и корпоративных данных.

Актуальные международные торговые соглашения, в которых принимает участие Китай, едва ли отража-

ют последние достижения в области развивающихся технологий, таких как финансовые технологии и искусственный интеллект. Тем не менее, эти новаторские технологии представляют собой растущий тренд и играют стратегическую роль в будущем торговли, что предопределяет их значимость в контексте будущих обязательств в рамках международных торговых стандартов.

Перед Китаем стоит задача адаптироваться к международным стандартам кооперации в сфере передовых финансовых технологий и искусственного интеллекта. Это потребует усовершенствования внутренних нормативных актов и гармонизации их с международными соглашениями.

Кроме того, необходимо расширить и углубить международное сотрудничество в новых технологичных секторах. Важно продолжить изучение и внедрение инноваций в областях, таких как большие данные, облачные вычисления, а также вести активное содействие в направлении более широкого сотрудничества по вопросам интернета вещей, 5G, 3D-печати и автономных летательных аппаратов в контексте глобальных нормативных рамок.

Цифровая экономика набирает обороты, становясь чрезвычайно значимым сегментом мировой экономике-

ской системы, что обуславливает необходимость адаптации торгового законодательства как на местном, так и на международном уровне. В ответ на эти вызовы, Китай активизирует меры по формированию эффективного контура регулирования в сфере цифровой торговли, стремясь обеспечить себе признанные лидерские позиции в данном сегменте.

Россия также испытывает потребность в доработке законодательных механизмов в контексте развития цифровой экономики, задача которой — соответствовать мировым тенденциям и снижать потенциальные риски, связанные с прогрессирующими цифровыми инновациями. Основными направлениями синхронизации нормативно-правовой базы выступают унификация методов контроля за трансграничным обменом данными, защита интеллектуальной собственности и стимулирование интеграции новейших технологических достижений, включая искусственный интеллект.

Учитывая стремительные изменения, потребованные цифровой трансформацией, ключевым аспектом становится сотрудничество на глобальном уровне и разработка национальных стратегий, что предоставит базис для устойчивого развития и поддержания конкурентоспособности наций в рамках мировой цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китай ускорит развитие цифровой торговли [EB/OL]. 2023-03-03. https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/03/content_5744223.htm (дата обращения: 08.05.2025).
2. Комиссия по международной торговле США (USITC), Глобальная цифровая торговля 1: рыночные возможности и ключевые перспективы ограничения торговли ign [EB/OL]. https://www.usitc.gov/publications/332/pub4716_0.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
3. ОЭСР, ВТО, МВФ. Справочник по измерению цифровой торговли, версия 1 [EB/OL]. 2019-03 (2023-01-03). <https://www.oecd.org/sdd/its/Handbook-on-Measuring-Digital-Trade-Version-1.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).
4. Департамент торговли и коммерческих услуг Министерства торговли Китайской Народной Республики. Отчет о развитии цифровой торговли в Китае 2021 [R/OL]. 2023-01-03. <http://images.mofcom.gov.cn/fms/202301/20301/2023011711116854.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).
5. Отдел внешнеэкономических исследований Научно-исследовательского центра развития Государственного совета Китайского института информации и коммуникации. Отчет о развитии и сотрудничестве в области цифровой торговли за 2021 год [М]. Пекин: China Development Press, 2022.
6. Китайский институт информации и коммуникаций. Белая книга о развитии цифровой торговли (2020) Торговля цифровыми услугами, Движущая изменения [EB/OL]. 2020-12-16. www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202012/P020201216506475945126.pdf (дата обращения: 07.05.2025).
7. Китайский институт информационных и коммуникаций и администрация по разработке приложений больших данных в Чунцине. Отчет о цифровых правилах Blue Skin (2021) [EB/OL]. 2021-12-10. www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/ztbg/202112/P020211210403054888030.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
8. Закон о содействии цифровой экономике Китайской Народной Республики (проект экспертного предложения) [EB/OL]. 2023-05-10. http://dsj.hainan.gov.cn/zcfg/zybs/202305/t20230510_3413980.html (дата обращения: 06.05.2025).
9. ECIPE. Индекс ограничений цифровой торговли [EB/OL]. 2018-04. [21.05.2023]. https://ecipe.org/wp-content/uploads/2018/05/DTRI_FINAL.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
10. Статистика ОЭСР. Индекс ограничений торговли цифровыми услугами [EB/OL]. <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 08.05.2025).

© Хе Сюань (hxuan1025@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ АДДИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

DEVELOPMENT OF ADDITIVE TECHNOLOGIES IN ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

**N. Oleynik
S. Gryzaykina**

Summary. The research is devoted to the urgent problem of the Russian economy — the search for directions to ensure technological sovereignty. One of the promising directions is additive manufacturing, which has been actively developing in recent years, contributing to the introduction of innovative solutions in various sectors of the economy. The purpose of the article is to develop recommendations on risk management in the sphere of industrial entrepreneurship, state corporations and improve standards and regulations for the use of additive technologies. Objectives of the study: to analyse the state of the market of additive technologies; to determine the role of innovative technologies in ensuring technological sovereignty of the Russian economy; to identify risks; to propose recommendations to eliminate the identified problems; to identify promising areas for the development of additive manufacturing. Result of the research: development of recommendations on the use of additive technologies as one of the tools of import substitution policy.

Keywords: additive technologies, technological sovereignty, import substitution, threats, risks, problems of legislative regulation.

Олейник Наталья Михайловна

кандидат экономических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — Филиал
РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
oleynik-nm@ranepa.ru

Грызайкина Софья Павловна

Северо-Западный институт управления — Филиал
РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
sgryzaykina-20@ranepa.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме российской экономики — поиску направлений обеспечения технологического суверенитета. Одним из перспективных направлений являются аддитивное производство, которое в последние годы стало активно развиваться, способствуя внедрению инновационных решений в различных секторах экономики. Целью статьи является разработка рекомендаций по управлению рисками в сфере промышленного предпринимательства, госкорпораций и совершенствование стандартов и регламентов применения аддитивных технологий. Задачи исследования: анализ состояния рынка аддитивных технологий; определение роли инновационных технологий в обеспечении технологического суверенитета российской экономики; выявление рисков; предложение рекомендаций по устранению выявленных проблем; определение перспективных направлений развития аддитивного производства. Результат исследования: сформулированы рекомендации по применению аддитивных технологий, как одного из инструментов политики импортозамещения.

Ключевые слова: аддитивные технологии, технологический суверенитет, импортозамещения, угрозы, риски, проблемы законодательного регулирования.

Развитие аддитивных технологий (АТ) относится к одному из стратегических направлений по обеспечению технологического суверенитета России и решению проблем импортозамещения. Согласно Концепции технологического развития, в РФ должен реализоваться новый подход к формированию и использованию ресурсного потенциала, критических и сквозных технологий, созданию условий для инновационной деятельности [1]. Это потребовало обновления национальных целей развития РФ и выделения в самостоятельное направление достижение национальной цели «технологическое лидерство», обеспечение технологического суверенитета. Под технологическим суверенитетом понимается способность государства создавать и применять наукоемкие технологии и на их основе организовывать производство товаров в значимых сферах деятельности общества и государства, что ведет к независимости и росту конкурентоспособности страны [2]. Технологический суверенитет отрасли машиностроения является одним

из главных приоритетов по созданию технологически независимой экономики, что особенно важно в сложных условиях геополитической напряженности. Предполагается, что к 2030 г. производство отечественной высокотехнологичной продукции в общем объеме потребления должно составить не менее 75 %, уровень инновационной активности возрасти до 27 % посредством реализации программ импортозамещения [1]. Импортозамещение, как ответ на геополитические проблемы (переход к многополярному миру на фоне продолжающихся военных конфликтов, разрыв экономических связей с зарубежными партнерами, ввод внешнеэкономических и политических санкций и др.) ведется в РФ с 2014 г., является стратегией государственной экономической политики, направлена на открытие новых производств, создание рабочих мест, снижение зависимости от импортной продукции, развитие технологий с переходом на отечественное производство, поддержку производителей инновационных товаров и услуг. Однако, в услови-

ях импортозамещения российские производители могут ощутить нехватку нужных технологий и комплектующих, ухудшения качества продукции и рост ее себестоимости, снижение конкуренции, а переход на производство заменителей зарубежных материалов внутри страны не только снизит риски, связанные с внешнеэкономическими санкциями и негативными факторами внешней среды, но и приведет к росту инновационной продукции и обеспечению технологического суверенитета. Государственная поддержка политики импортозамещения сопровождается предоставлением кредитов и субсидий на НИОКР, инновационных проектов, приоритетных предприятий в различных секторах экономики. Так, новый этап импортозамещения, который начался с 2022 г. и который необходимо реализовать до 2030 г. потребует более 5 трлн рублей [3].

Одним из перспективных направлений в политике импортозамещения являются аддитивные технологии (АТ) — это технологии послойного создания трехмерных деталей посредством их цифровых моделей, позволяющие изготавливать изделия сложных конструкций. АТ — отрасль экономики, включающая в себя разработку и производство аддитивного оборудования, комплектующих, материалов для аддитивного производства и специализированного программного обеспечения, а также услуг и инжиниринга в сфере АТ [4]. Роль АТ в обеспечении технологического суверенитета определяется: импортозамещением в отдельных отраслях экономики РФ, производстве критически важных компонентов (локализация производства деталей для энергетики, медицины, транспорта, которые ранее закупались в технологически развитых странах) [5]; ускорением НИОКР (например, быстрое прототипирование в автомобилестроении позволяет создавать новые изделия в течение нескольких дней / часов по сравнению с производственными процессами, которые могут занять много месяцев для подготовки инструмента и создания модели) [6]; развитием новых материалов (синтез радиационно-стойких сплавов для атомной отрасли, жаропрочных композитов для авиации; так в стратегии ГК «Росатом» прописана задача к 2029–2030 гг. войти в топ мировых производителей композитных материалов) [7]; поддержкой ОПК (печать запчастей для военной техники, производство беспилотных летательных объектов и составных частей радиоэлектронной борьбы [8]).

Согласно Стратегии развития АТ на период до 2030 г., основными направлениями деятельности являются: совершенствование нормативно-правовых актов, регулирующих новые способы изготовления изделий на основе трехмерных моделей, минуя этап технологической подготовки производства и без непосредственного участия человека; модернизация и техническое перевооружение производственных процессов, технологий АТ; оптимизация и создание новых направлений; освоение

приоритетных промышленных АТ; создание конкурентоспособной отрасли. Продукция отрасли представлена на различных рынках. В таблице 1 показаны виды рынков АТ, стадии их жизненного цикла и технологии производства.

Таблица 1.

Основные рынки аддитивных технологий [4]

Вид рынка АТ	Стадия жизненного цикла	Производственный процесс
Традиционный	Зрелость	Сформирован, технологии стабильны.
Традиционный с новыми сегментами	Активный рост	Оснастка, формы и модели для литья, прототипирование, экспериментальные образцы, НИОКР.
Формирующийся	Начальная стадия формирования	3D-печать: зданий; электронных комплектующих; 3D-биопечать органов, лекарств, пищевых продуктов; другие.

АТ — это один из видов цифровых технологий, которым отводится важная роль в достижении стратегических целей государства и создании технологического суверенитета. Опираясь на статистические данные по использованию цифровых технологий в РФ за период 2020–2022 гг. [9], отмечаем, что темп применения АТ отстает от других видов (технологии сбора, обработки и анализа больших данных; облачные сервисы; искусственный интеллект и др.) и занимает одно из последних мест. Сдерживающими факторами являются: ограниченные расходы предприятий на инновационное развитие, высокая стоимость оборудования, недостаток информации о возможностях и преимуществах АТ, проигрыш в ценовой конкуренции с китайскими производителями, кадровый дефицит, низкая квалификация разработчиков.

В 2023 ситуация изменилась и спрос на продукцию стал расти. На сегодняшний день рынок АТ (мировой, отечественный) развивается динамично. По итогам 2023 г. мировой рынок АТ достиг 20 млрд долларов, к 2033 году будет составлять 97,1 млрд долларов [10]. По данным Ассоциации развития АТ объем российского рынка по итогам 2023 г. составил почти 12 млрд рублей, ожидается, что к 2030 г. он должен достигнуть показателя в 23,5 млрд рублей, но темпы роста говорят о том, что этот показатель может быть достигнут значительно раньше [11]. Примером может служить атомная промышленность (ГК «Росатом»), где развитие АТ представляет собой комплексные решения по всей производственной цепочке от создания линейки 3D-принтеров до предоставления услуг 3D-печати. Таким образом, являясь одновременно поставщиком и заказчиком в области технологий аддитивного производства (АП), компания укрепляет технологический суверенитет государства. Активное разви-

тие и применение АТ также отмечается в авиационной промышленности и энергетике (доля рынка 40 %), автомобильной промышленности, медицине и науке [12].

Рассмотрим состояние рынка АП за период 2021–2023 г. или рынка 3D-печати по следующим продуктам: 3D-принтеры, материалы, 3D-сканеры, услуги аддитивных центров, поставки и интеграция. Наибольший рост в 2023 г. демонстрируют технологии 3D-принтеры (6853,9 млн руб.) с ростом в 2,3 раза по сравнению с 2021 г.; материалы (3426,6 млн руб.) с ростом в 2,2 раза с соответствующим периодом. В целом рынок АП вырос в стоимостном выражении на 33,9 % с 2021 по 2022 г. и на 60,1 % с 2022 по 2023 г., однако, даже растущие темпы АП не удовлетворяют запросы общества при переходе на новый технологический уровень [13].

На состояние рынка АТ оказывают влияние следующие факторы: проводимая правительством РФ политика импортозамещения и курс на технологический суверенитет; создание индустриальных консорциумов (вузы, научные институты, крупные индустриальные и коммерческие компании) для разработки 3D-принтеров, материалов, изделий; государственная инвестиционная поддержка производителей и инновационных проектов через Фонд содействия инновациям, Минпромторг РФ, Российский экспортный центр и другие; рост спроса на продукцию в ВПК и в ведущих отраслях экономики посредством включения 3D-печати в госзаказы и субсидирование внедрения технологий на предприятиях АПК и ТЭК; уход с российского рынка игроков из индустриально развитых стран; рост предпринимательской активности МСП, ориентированных на АТ, что открывает новые возможности для стартапов и развития инновационных проектов; государственные программы по подготовке кадров по АТ в технических вузах страны; формирование новых цепочек поставок и внедрение АТ посредством международного сотрудничества со специалистами Индии, России и Ближнего Востока.

В критический период 2022–2024 гг. российские производители, столкнувшись с дефицитом компонентов, которые ранее закупались за рубежом, перешли на альтернативные варианты. Китайские производители, ставшие основными конкурентами, начали активно осваивать рынок России, однако, высокие требования и стандарты, установленные в ряде отраслей, главных потребителей продукции АП, стали преградой для выхода на рынок новых зарубежных поставщиков, что способствовало развитию отечественной ниши. Выгоды очевидны: при АП используется точное количество материала, необходимого для создания детали, есть возможность изготавливать объекты со сложной геометрией, происходит сокращение затрат на сырье и утилизацию отходов [14]. АП может сократить использование материалов до 50 % одновременно со снижением объема от-

ходов и вредных выбросов в окружающую среду. Компании, которые внедрили систему переработки повысили эксплуатационную эффективность и снизили количество отходов на 90 % и потребление энергии на 60 % по сравнению с традиционными методами производства [15]. Тем не менее, полностью заменить иностранное оборудование на российское в современных реалиях невозможно из-за технических проблем, требующих серьезных организационных мер на государственном уровне. Несмотря на значительный рост индустрии применение АТ ограничено рядом причин. Анализ состояния рынка АП позволил нам выделить, описать их и предложить рекомендации по управлению рисками, которые приведены в таблице 2.

Основной проблемой можно считать недостаточный темп принятия стандартов, законодательной базы. Отметим, что процесс развития стартовал в 2017 г. с публикации двух стандартов, касающихся аддитивных технологий: ГОСТ Р 57558–2017 (аналог американского ASTM 52900) и ГОСТ Р 57556–2017. Указанные документы узаконили такие понятия, как 3D-принтер, 3D-печать, 3D-сканирование, 3D-оцифровка и постобработка. С 2020 г. функционирует НКО — Ассоциация развития аддитивных технологий, которая консолидирует усилия предприятий стратегических отраслей промышленности в развитии трехмерной печати. С целью создания фонда стандартов по был учрежден технический комитет «Аддитивные технологии» (ТК 182), его ключевыми задачами являются разработка программы стандартизации, экспертиза проектов национальных и межгосударственных стандартов, проверка действующих на территории РФ стандартов для определения необходимости их актуализации или отмены. Благодаря работе комитета ситуация в правовом поле меняется в лучшую сторону. На начало 2025 г. внедрено более 50 стандартов, однако этого числа недостаточно для того, чтобы АТ стали повседневной практикой, основой для серийного производства и способствовали обеспечению технологического суверенитета страны.

Среди потенциально новых ниш — гражданские отрасли, где АТ еще не активно внедрены в процессы, что связано с низкой технологической зрелостью компаний. У потенциальных пользователей есть опасения, связанные с отсутствием четкого понимания качественных и количественных характеристик подобных инноваций, что замедляет процесс активного внедрения и развития серийного производства как самих технологий, так и продуктов с их использованием на рынке. В частности, уязвимое место индустрия 3D печати, это — срок использования принтеров, частоты проведения техобслуживания, процесс утилизации оборудования и материалов по окончании срока службы. Общепринятого стандарта или рекомендаций касающегося данного вопроса в России не разработано.

Таблица 2.

Реестр рисков, рекомендации по управлению рисками [4, 5, 7, 8, 10, 13]

Вид риска		Описание риска	Рекомендации
Экономические:	Высокая стоимость внедрения	Производство 3D-принтеров, закупка материалов, обслуживание требует значительных инвестиций.	Взаимодействие с государственными структурами, субсидии и налоговые льготы для предприятий, внедряющих АТ.
	Длительный срок окупаемости	Переход на АТ из-за высоких затрат на внедрение покажет низкую рентабельность особенно при малых сериях.	Развитие индустриальных консорциумов, поиск эффективных решений по производству и внедрению инновационных продуктов в наукоемких отраслях.
Технологические:	Проблемы качества	Из-за недостатка отечественных стандартов и сертификации наблюдаются сложности в контроле изделий с требуемой точностью.	Разработка национальных стандартов и системы сертификации; становление партнерских отношений между государством, бизнесом, научными институтами, вузами.
	Киберриски	Действия киберпреступников могут привести к потере важной информации, остановке технологических процессов, финансовым потерям.	Проведение технологий кибербезопасности, направленных на предотвращение утечек данных, защиты от атак и вирусов; обучение персонала правилам кибербезопасности.
Политические:	Санкционные ограничения	Ограничения на поставку высокотехнического оборудования и ПО может замедлить переход на применение АТ.	Поиск альтернативных поставщиков оборудования, программного обеспечения, технологий, материалов из дружественных стран.
Социальные:	Недостаток квалифицированных кадров	Дефицит специалистов в сфере АТ: производство изделий, обслуживание оборудования.	Государственные программы по подготовке кадров по аддитивным технологиям в технических вузах страны.
Экологические:	Энергоемкость	Высокое потребление энергии при печати крупных изделий	Плавный переход на применение технологий энергосберегающих.
	Воздействие на окружающую среду токсичных отходов	Сложность переработки отходов из-за их высокой токсичности.	Применение современных технологий нейтрализации и утилизации токсичных соединений.
Правовые:	Риски интеллектуальной собственности	Отсутствие защиты интеллектуальной собственности, может привести к нарушению обеспечения безопасности и снижению контроля качества продукции.	Защита интеллектуальной собственности: лицензирование, авторские права, борьба с незаконным копированием 3D-моделей.
	Состояние правового режима АТ	Недостаточные темпы развития законодательной базы, принятие стандартов, межведомственного взаимодействия может привести к замедлению реализации Стратегии развития АТ.	Разработка новых отраслевых стандартов для применения, контроля качества, сертификации развития АТ.

Дальнейшее развитие, по нашему мнению, должны получить стандарты для различных отраслей промышленности. Предлагается дополнять ГОСТ(ы) терминами, вследствие чего произойдет унификация языка и снижение правовых рисков, что особенно важно для междисциплинарных проектов. Создание четких научно обоснованных регламентов качества порошковых и других материалов становится еще одной важной задачей. Введение терминов и четких критериев качества в стандарты позволит создать ясные рамки для оценки материалов, процессов и конечной продукции.

Обзор перечня стандартов, утвержденных ТК 182, показывает преобладание направлений, связанных с металлическими материалами, в то время как полимерные не затрагиваются должным образом [16]. Это важно, поскольку на них делается основной упор в гражданских отраслях, что говорит о необходимости расширения направлений стандартизации. Соответственно предлагается рассмотреть возможность включить в Стратегию развития АТ направление по разработке и промышленному освоению полимерных материалов для создания серийного производства.

Проблемное место производственной технологии — высокая себестоимость заготовки после 3D-печати, что становится препятствием для массового внедрения технологии в различные отрасли. Для решения этой проблемы необходимы консорциумы крупных игроков с МСП и научно-производственных объединений с пользователями. Во-первых, совместная работа с разработчиками аддитивного оборудования над улучшением эксплуатационных характеристик и регулярная обратная связь позволит развивать продукты компаний, работающих в сфере материалов для 3D-печати. Во-вторых, прямое сотрудничество органов власти с производителями для разработки модуля по проблемам утилизации устройств поможет упорядочить процесс. Потребители должны получать всю информацию о товаре, его свойствах и возможных рисках. Это могут быть сертификаты качества, инструкции по эксплуатации, советы по использованию. Установление единого срока гарантии для обслуживающих организаций на уровне стандартов будет способствовать повышению уровня защиты прав потребителей.

На сегодняшний день в России действует единая система конструкторской документации, основанная на Госстандартах (ГОСТах), которая закрепляет требования к документам на всех этапах жизненного цикла изделия. Эксплуатационная документация применяется в процессе обязательной или добровольной сертификации не только к традиционным методам производства, но и к изделиям, созданным с использованием 3D-печати.

В связи с этим возникает необходимость в разработке нового порядка, который будет учитывать специфические аспекты аддитивного производства, уменьшит бюрократический барьер и упростит сам процесс сертификации. Это включает в себя пересмотр перечня документов, необходимых для подачи заявления.

Таким образом, развитие АТ играет одну из ключевых ролей в обеспечении и укреплении технологического суверенитета РФ, позволяя снизить зависимость от импорта важных материалов и комплектующих изделий, ускорить процесс разработки и принятия инновационных решений, привести к снижению производственных затрат, обеспечить конкурентоспособность российской промышленности. Однако несмотря на все преимущества АТ занимают малый объем рынка сбыта, который в свою очередь делает экономически непривлекательным инвестирование в данную отрасль, где изначально требуются большие вложения. В ближайшее время такие отрасли, как авиация и ОПК останутся в приоритете. Исследование показало, что АТ способны стать локомотивом технологического суверенитета РФ, для этого требуется разработка системных мер поддержки: госинвестиции в отечественных производителей и в инновационные проекты, создание условий для кооперации государства, науки, бизнеса; следование разработанной Стратегии развития АТ; создание новых стандартов качества. Политика импортозамещения критически важных компонентов может значительно повлиять на развитие АТ, предоставляя как возможности, так и угрозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. №1315-р Концепция технологического развития на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения 30.03.2025).
2. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=4> (дата обращения 30.03.2025).
3. Полетаев И. Вместо импорта — своё! Правительство подвело предварительные итоги импортозамещения [Электронный ресурс]. URL: https://www.stoletie.ru/ekonomika/vmesto_importa_svojo_821.htm (дата обращения 30.03.2025).
4. Распоряжение Правительства 14.07.2021 г. №1913-р Стратегия развития аддитивных технологий в РФ на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401404208/> (дата обращения 30.03.2025).
5. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра. Аналитический доклад НИУ ВШЭ / Я.И. Кузьминов, Ю.В. Симачев, М. Г. Кузык и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» при участии РСПП, Института исследований и экспертизы ВЭБ. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 272 с.
6. Lyndon Jmerson Rapid Prototyping for the Automotive Industry. URL: <https://firstmold.com/tips/rapid-prototyping-automotive-industry/> (дата обращения 30.03.2025).
7. Зачем атомщикам композиты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=11039> (дата обращения 30.03.2025).
8. Аддитивные технологии в оборонной промышленности 3D-печать компонентов БПЛА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jetcom-3d.ru/application/3d-pechat-komponentov-bpla/> (дата обращения 30.03.2025).
9. Индикаторы цифровой экономики: 2024 Статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 276 с.
10. Аддитивные технологии сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://indpages.ru/auto/tehnologii-na-vyrost/> (дата обращения 30.03.2025).
11. Ассоциация развития аддитивных технологий изменит рынок 3D-печати [Электронный ресурс]. URL: <https://gclnk.com/5u6yRkhh> (дата обращения 30.03.2025).

12. На «АТОМЭКСПО-2024» эксперты обозначили основные тренды международного сотрудничества в области композитов и аддитивных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://atommedia.online/2024/03/26/osnovnye-trendy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения 30.03.2025).
13. Исследование российского рынка аддитивного производства [Электронный ресурс]. URL: <https://polymerbranch.com/articles/issledovanie-rossijskogo-rynka-additivnogo-proizvodstva/> (дата обращения 30.03.2025).
14. Huang Y, Leu M C, Mazumder J and Donmez A 2015 Additive manufacturing: current state, future potential, gaps and needs, and recommendations J. Manuf. Sci. Eng. 137 014001. URL: https://tsapps.nist.gov/publication/get_pdf.cfm?pub_id=916019 (дата обращения 30.03.2025).
15. Sitcharangsie S, Ijomah W и Wong TC 2019 Decision-makings in key remanufacturing activities to optimise remanufacturing outcomes: A review. / J. Clean. Prod. 232 1465–1481. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S095965261931738X> (дата обращения 30.03.2025).
16. Всероссийский научно-исследовательский институт авиационных материалов. Утвержденные стандарты ТК 182: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://viam.ru/uproject>. (дата обращения 30.03.2025).

© Олейник Наталья Михайловна (oleynik-nm@ranepa.ru); Грызайкина Софья Павловна (sgryzaykina-20@ranepa.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В СФЕРЕ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

COOPERATION OPPORTUNITIES OF THE BRICS COUNTRIES IN THE RESOURCE SUPPLY OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN MODERN GEO-ECONOMIC ENVIRONMENT

Zh. Sokolova

Summary. The article concerns the urgent problem of expanding cooperation within the BRICS countries in supplying material and technical inputs (fuel and energy resources, agricultural machinery, mineral fertilizers, pesticides, seeds) with the agricultural sector of the community. The demographic and economic indicators of the agricultural sector of the founding and new BRICS member countries are assessed. The data on production, consumption, foreign trade, and self-sufficiency in material and technical inputs important for the agricultural sector of the BRICS founding countries are presented. The priority areas of cooperation within the BRICS countries in agricultural sector resource supply are analyzed, including the use of applied information and communication technologies, improving resource efficiency, solving environmental problems and adapting to global climate change, developing a system for monitoring and certifying the quality of resources, and creating a favorable institutional environment. Using the example of relations between Russia and China, Russia and India, individual elements of the current state, limitations and potential of future cooperation in the resource supply of the agricultural sector are examined.

Keywords: BRICS, agricultural sector, agriculture, resources, resource supply, material and technical inputs, fuel and energy resources, renewables, energy intensity, agricultural machinery, mineral fertilizers, pesticides, seeds, export, import, self-sufficiency, information and communications technologies, digitalization, logistics, cooperation.

Соколова Жанна Евгеньевна

доктор экономических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ
sje.ciitei@vniiesh.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме расширения сотрудничества стран БРИКС в сфере обеспечения материально-техническими ресурсами (топливно-энергетическими ресурсами, сельскохозяйственной техникой, минеральными удобрениями, пестицидами, семенами) аграрного сектора сообщества. Дана оценка демографических и экономических показателей аграрного сектора стран-основателей и новых членов БРИКС. Приведены данные по производству, потреблению, внешней торговле и самообеспеченности материально-техническими ресурсами, которые важны для аграрного сектора стран-основателей БРИКС. Проанализированы приоритетные направления сотрудничества стран БРИКС в области ресурсного обеспечения аграрного сектора, включающие использование прикладных информационно-коммуникационных технологий, повышение эффективности использования ресурсов, решение экологических проблем и адаптация к глобальным климатическим изменениям, разработка системы контроля и сертификации качества ресурсов, создание благоприятной институциональной среды. На примере отношений между Россией и Китаем, Россией и Индией рассмотрены отдельные элементы современного состояния, ограничения и потенциал будущего сотрудничества в сфере ресурсного обеспечения аграрного сектора.

Ключевые слова: БРИКС, аграрный сектор, сельское хозяйство, ресурсы, ресурсное обеспечение, материально-технические ресурсы, топливно-энергетические ресурсы, возобновляемые источники энергии, энергоёмкость, сельскохозяйственная техника, минеральные удобрения, пестициды, семена, экспорт, импорт, самообеспеченность, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, логистика, сотрудничество.

После недавнего расширения геополитического сообщества БРИКС между 10 странами-участниками возникла необходимость поиска реальных точек для эффективного сотрудничества и выработки единой экономической политики [1]. Действовавшая до 2025 года в этом контексте Стратегия экономического партнерства БРИКС предусматривала *три* приоритетных направления взаимодействия:

- торговля, инвестиции, финансы;
- цифровая экономика;
- устойчивое развитие [4].

В блоке устойчивого развития одним из направлений является продовольственная безопасность, для обеспечения которой, как минимум, необходимо устойчивое развитие аграрного сектора¹. Аграрный сектор — это

¹ Единого строгого и общепринятого научного определения понятия «аграрный сектор» не существует. Под аграрным сектором автором понимается совокупность взаимосвязанных и зависящих друг от друга отраслей национальной экономики, занимающихся производством, переработкой, товародвижением (транспорт, хранение, упаковка) и конечной реализацией (розничная торговля) агропродовольственной продукции. В данной

краеугольный камень экономики стран БРИКС, поскольку обеспечивает страны-участницы не только агропродовольственной продукцией, но и рабочими местами, которые являются средством к существованию гораздо большего числа людей на сельских территориях и в урбанизированных зонах, чем в развитых странах.

Торговля агропродовольственной продукцией (внешняя и между странами БРИКС) является весьма важным фактором экономического роста стран (таблица №1).

Таблица 1.

Экономические и демографические показатели аграрного сектора стран БРИКС

Группы стран	Доля сельского хозяйства в ВВП, (2023 г.), %	Доля сельского населения в общем населении, (2023 г.), %	Прирост внешнего товарооборота агропродовольственной продукции (2013–2023 гг.), %
БРИКС — 5	8,5	47,9	69,3
Новые страны БРИКС	10,6	46,5	41,3
Развитые страны	1,1	18,6	40,4

Примечание: Доля сельского хозяйства в ВВП. Учитывается сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство. Новые страны БРИКС: Египет, Индонезия, Иран, Эфиопия, ОАЭ. Развитые страны в показателе (доля сельского хозяйства в ВВП): Западная Европа (по классификации ООН), Австралия, Канада, США, Япония. По остальным показателям: Великобритания, ЕС-27, Австралия, Канада, США, Япония.

Источник: Таблица составлена автором по данным United Nations Statistics Division [22], FAOSTAT [18].

Проблемы, с которыми сталкивается аграрный сектор стран БРИКС, включая изменение климата, деградацию земель, нестабильность рынков и технологические разрывы, сложны и многогранны. Поэтому соответствующее направление сотрудничества в рамках БРИКС является весьма актуальным. Совместные инициативы в области научных исследований и разработок могут привести к значительному прогрессу в области аграрных технологий и практик. Обмен знаниями и экспертизой в области засухоустойчивых культур, эффективных методов орошения и точного земледелия может повысить производительность и устойчивость сельского хозяйства в странах БРИКС. Кроме того, совместные усилия по разработке и распространению методов ведения

сельского хозяйства, учитывающие климатические условия, необходимы для смягчения последствий изменения климата в части производства продовольствия.

Расширение доступа на агропродовольственные рынки является еще одной важной областью сотрудничества. Совместное содействие торговле агропродовольственной продукцией между странами БРИКС может способствовать формированию более крупных и стабильных рынков для фермеров, снижению зависимости от внешних рынков и повышению стабилизации цен. Гармонизация стандартов и правил, снижение торговых барьеров и содействие обмену информацией о рыночных тенденциях могут еще больше облегчить торговлю агропродовольственной продукцией. Инвестиции в инфраструктуру, особенно на сельских территориях, имеют решающее значение для поддержки развития аграрного сектора.

Сотрудничество стран БРИКС может быть реализовано в части инфраструктурных проектов, таких как ирригационные системы, хранилища и транспортные сети, для повышения эффективности и сокращения послеуборочных потерь. Обмен передовым опытом в области развития инфраструктуры и привлечение ресурсов Нового банка развития (NDB)² могут ускорить прогресс в этой области [19].

Наращивание интеллектуального потенциала и развитие навыков имеют не менее важное значение. Совместные учебные программы и обмен визитами для фермеров, исследователей и специалистов по распространению знаний способствуют внедрению новых технологий и передовых практик. В частности, сосредоточение внимания на таких областях, как устойчивое управление земельными ресурсами, комплексная борьба с вредителями и сельскохозяйственный маркетинг, может расширить возможности заинтересованных сторон по всей цепочке создания стоимости в сельском хозяйстве.

Координация политики на основе диалога между странами БРИКС является еще одним благоприятным условием для развития аграрного сектора. Обмен опытом и передовыми практиками в таких областях, как

² Новый банк развития (New Development Bank, NDB), ранее именовавшийся Банком развития БРИКС (BRICS Development Bank, BDB), является многосторонним банком развития, учрежденным странами-основателями БРИКС (Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР) в 2015 г. Согласно Соглашению о NDB: «Банк будет поддерживать государственные или частные проекты посредством займов, гарантий, долевого участия и других финансовых инструментов». Кроме того, NDB: «будет сотрудничать с международными организациями и другими финансовыми структурами, и оказывать техническую помощь проектам, которые будут поддерживаться Банком» [19,16].

статье (за исключением топливно-энергетических ресурсов) основное внимание уделяется материально-техническим ресурсам, используемым в сельском хозяйстве (*прим. авт.*).

земельная реформа, сельскохозяйственные субсидии и политика развития сельских территорий, могут стать основой для формирования отдельных элементов единой сельскохозяйственной политики.

Создание аграрного форума или специальной рабочей группы БРИКС будет способствовать регулярному диалогу и сотрудничеству по различным агропродовольственным вопросам. В конечном счете, расширение сотрудничества в рамках БРИКС открывает значительные возможности для преобразования сельского хозяйства в этих странах. Работая сообща, страны БРИКС смогут решить проблемы, стоящие перед аграрным сектором, открыть новые возможности для роста и обеспечить продовольственную безопасность своего населения. Это сотрудничество не только выгодно для самих стран БРИКС, оно может служить моделью расширенного сотрудничества Юг — Юг в аграрной сфере с привлечением, например, России и других стран ЕАЭС.

По нашему мнению, одним из важнейших перспективных направлений сотрудничества в аграрном секторе стран БРИКС является сфера обеспечивающих ресурсов. В частности, особое значение имеют материально-технические ресурсы (МТР): топливно-энергетические ресурсы (ТЭР), сельскохозяйственная техника, минеральные удобрения, пестициды и семена, которые играют существенную, а иногда и решающую роль в структуре себестоимости производства сельскохозяйственной продукции. К сожалению, существенного прогресса в области выработки общей политики по развитию данного направления сотрудничества между странами БРИКС пока

не наблюдается. В «Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года» в направлении устойчивого развития выделяется сфера энергетики, однако сотрудничество, в том числе в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ), ориентировано на промышленный и транспортный сектора, а также общую энергетику. Московская декларация, принятая по итогам XII саммита БРИКС в 2020 году, содержала дорожную карту энергетического сотрудничества до 2025 года. Однако в ней также не выделялось сотрудничество в области энергетики аграрного сектора [20], а упоминались только водные ресурсы [4].

Между тем, для скорейшего активного развития сотрудничества в сфере МТР для аграрного сектора стран БРИКС, имеются все необходимые основания. Совокупный аграрный сектор стран БРИКС, особенно после присоединения к сообществу пяти новых членов (Иран, Индонезия, ОАЭ, Египет, Эфиопия), вносит существенный вклад в глобальную продовольственную безопасность. Однако устойчивая продуктивность аграрного сектора в этих странах сталкивается с постоянными проблемами, включая зависимость от импортных МТР, колебания мировых цен на сырьевые товары, относительно низкую эффективность используемых ресурсов и последствия изменения климата.

Текущее состояние некоторых показателей производства, потребления МТР и зависимости от факторов производства в аграрном секторе стран-основателей БРИКС представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Показатели производства, потребления, торговли и самообеспеченности материально-техническими ресурсами, важными для аграрного сектора стран-основателей БРИКС

Показатель	Год оценки	Значение, %	Пояснение
Топливо-энергетические ресурсы (ТЭР)			
Доля в мировом потреблении ТЭР для сельского хозяйства			
Прямое потребление ТЭР в сельском хозяйстве	2022	45,7	Крупнейший потребитель — Китай (от мирового потребления (20,6 %). Индия занимает 2 место в мире (13,9 %)
Самообеспеченность национальной экономики углеводородными ТЭР			
Нефть (производство/потребление)	2023	69	Из стран-основателей БРИКС наиболее высокий уровень самообеспеченности в России (305 %) и Бразилии (136 %). Индия (13 %) и Китай (25 %) не самообеспечены
Природный газ (производство/потребление)	-/-	92	Из стран-основателей БРИКС самообеспечена только Россия (129 %). В Индии уровень самообеспеченности — 51 %, Китае — 58 %, Бразилии — 78 %
Новые виды возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в национальной экономике			
Доля в мировом производстве для национальной экономики			
Производство электроэнергии	2023	44,9	Ведущий производитель в БРИКС — Китай (35,1 % от мирового производства, 1 место в мире)

Показатель	Год оценки	Значение, %	Пояснение
Производство жидкого биотоплива	-//-	27,4	Ведущий производитель в БРИКС — Бразилия (21,4 % от мирового показателя, 2 место в мире)
Самообеспеченность жидким биотопливом национальной экономики			
Производство / потребление	2023	109	Бразилия (106 %) и Китай (156 %) самообеспечены, Индия — нет (89 %)
Техника			
Доля в мировом экспорте	2023	12,1	Ведущий экспортер в БРИКС — Китай (8,7 % от мирового экспорта, 5 место в мире)
Сальдо внешнеторгового баланса, млрд долл.	-//-	+5,2	Китай, Бразилия и Индия — нетто-экспортеры. В Китае положительное сальдо торгового баланса: +7,4 млрд долл (3 место в мире). Россия и ЮАР — нетто-импортеры. Россия занимает первое место в БРИКС и третье место в мире по размеру дефицита торгового баланса (–3,9 млрд долл.)
Минеральные удобрения			
Доля в мировом производстве	2022	43,6	Китай (20,6 % от мирового производства, 1 место в мире), Россия (11,4 %, 2 место), Индия (10 %, 3 место в мире)
Доля в мировом потреблении (сельское хозяйство)	-//-	52,6	Китай (23,1% от мирового потребления, 1 место в мире), Индия (16,1 %, 2 место), Бразилия (10,8 %, 3 место)
Сальдо внешнеторгового баланса, млн т д.в.	-//-	-5,1	Россия и Китай — нетто-экспортеры. Россия крупнейший в мире нетто-экспортер (+18,1 млн т д.в.). Среди стран БРИКС крупнейший нетто-импортер — Бразилия (–17,4 млн т д.в.)
Пестициды			
Доля в мировом потреблении (сельское хозяйство)	2022	32,6	Бразилия (21,7% от мирового потребления, 1 место в мире), Китай (6,1 %, 4 место)
Сальдо внешнеторгового баланса, млрд долл.	-//-	+6,6	Китай и Индия — нетто-экспортеры. Китай крупнейший в мире нетто-экспортер (+10,2 млрд долл.). Среди стран БРИКС крупнейший нетто-импортер — Бразилия (–6,7 млрд долл.)
Семена			
Доля на мировом рынке	2023	47–51	Китай (28–33 % от размера мирового рынка, один из двух крупнейших мировых рынков наряду с США)

Примечание: Прямое потребление ТЭР в сельском хозяйстве: учитывается лесное хозяйство, рыболовство и рыболовство; включает твердое топливо, нефтепродукты, природный газ, ВИЭ, отходы, тепловую энергию от ТЭЦ. Самообеспеченность национальной экономики углеводородными ТЭР и самообеспеченность жидким биотопливом национальной экономики: без учета ЮАР. Новые виды ВИЭ: солнце, ветер, коммерческая биомасса и отходы, энергия тепла земли и океана. Техника: учитываются все категории тракторов. Минеральные удобрения: показатели по производству и внешней торговле учитывают удобрения, не предназначенные для использования в сельском хозяйстве. Пестициды: показатели по внешней торговле учитывают пестициды, не предназначенные для сельскохозяйственного использования.

Источник: Показатели, приведенные в таблице, рассчитаны автором на основе данных Energy Institute [21], World's Top Exports [23], FAOSTAT [18], IEA [17]. По семенам использовались максимальные и минимальные оценки различных международных аналитических и консалтинговых компаний.

Страны-основатели БРИКС имеют существенное значение на мировом рынке МТР, являясь в зависимости от вида ресурса и страны, либо продуцентом, либо реципиентом. Например, Россия хорошо обеспечена невозобновляемыми углеводородными ресурсами (нефтью и природным газом), что дает ей возможность обеспечивать собственный аграрный сектор и входить в число ведущих экспортеров. С другой стороны, обладая также

значительными ресурсами новых видов ВИЭ, Россия заметно отстает в этом отношении от других стран, в частности от Бразилии, Индии, Китая. На мировом рынке минеральных удобрений Россия в целом занимает ведущие позиции, однако, в сфере сельскохозяйственной техники (тракторов), пестицидов и семян она остается импортозависимой. Китай является ведущим мировым производителем и потребителем минеральных удобре-

ний, возобновляемой электроэнергии и занимает ведущие позиции в мировой торговле (нетто-экспортер) тракторами, пестицидами и семенами. С другой стороны, он импортозависим по углеводородным видам ТЭР, что оказывает косвенное влияние на другие виды МТР (минеральные удобрения, семена). В Бразилии и Индии также наблюдается неоднозначная ситуация в области предложения и спроса по рассматриваемым видам ТЭР. ЮАР является единственной из стран — основателей БРИКС, испытывающей дефицит практически по всем видам МТР. С вхождением в БРИКС пяти новых членов ситуация в области ресурсообеспечения аграрного сектора становится еще более сложной, но в то же время расширяется потенциал для сотрудничества. Например, для России потенциально возможно расширение рынков сбыта ТЭР и минеральных удобрений. В частности, ТЭР — в Египет, Индонезию, Эфиопию. Минеральных удобрений — в Индонезию (фосфорные, калийные), Иран (фосфорные, калийные), ОАЭ (фосфорные), Эфиопию (азотные, фосфорные). С другой стороны, ОАЭ, как наиболее высокотехнологичная страна из новых членов БРИКС, представляет интерес в области ресурсного обеспечения высоких технологий, в частности, вертикального сельского хозяйства, в том числе на основе новых видов ВИЭ (фотоэлектрическое преобразование солнечной энергии, энергия ветра) а также биоудобрений и биопестицидов. Пример, с ОАЭ показывает, что перспективы сотрудничества в области ресурсного обеспечения аграрного сектора не должны ограничиваться только расширением торгового обмена МТР. Необходимо учитывать огромный многосторонний потенциал такого сотрудничества, включающий широкий спектр связанных с МТР направлений, в том числе технологических, природоохранных, социальных, инфраструктурных, интеллектуально-информационных. Таким образом, сотрудничество в сфере ресурсного обеспечения аграрного сектора стран БРИКС должно носить комплексный многоаспектный характер. У данного вида сотрудничества имеется несколько общих важных направлений.

По мнению автора, приоритетным направлением должно являться практическое использование **прикладных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)**, поскольку это *главный цивилизационный драйвер*, от которого зависят все направления глобального социально-экономического развития [5,6]. Соответственно, это в полной мере распространяется на проблему ресурсного обеспечения аграрного сектора экономики стран БРИКС. В области прикладных ИКТ все страны БРИКС в лучшем случае находятся на стадии повторяющегося развития и до сих пор существенно зависят от развитых стран [7]. В значительной степени это связано с серьезным отставанием в области компьютерных наук [8]. Поэтому, перспективное сотрудничество БРИКС в научной сфере должно обязательно включать

общую финансовую поддержку фундаментальных исследований в области компьютерных наук. Для активного внедрения прикладных ИКТ в странах БРИКС необходимо сформировать квалифицированные кадровые ресурсы, для чего потребуется вложение средств в соответствующее образование через NDB или какой-либо иной банк или фонд. Однако данный процесс не должен ограничиваться только подготовкой прямых специалистов в области прикладных ИКТ. Необходимо повышение базовой компьютерной квалификации отраслевых работников, в том числе экономистов, инженеров, агрономов, работников сервисного обслуживания [9].

Возвращаясь к вопросу цифровизации ресурсного обеспечения аграрного сектора стран БРИКС, целесообразно отметить необходимость решения определенных задач как нематериального, так и материального характера³. В первом случае это связано с проблемой эффективного информационного обеспечения всех непосредственных и косвенных участников рынка МТР для аграрного сектора стран БРИКС, включая производителей, дистрибьюторов, ученых экономистов, государственные структуры и т.д.

Не секрет, что информационные источники в области ресурсного обеспечения аграрного сектора весьма ограничены и часто предоставляют неполную информацию, что затрудняет отслеживание ресурсных потоков. Частично это связано с проблемами экономической и государственной безопасности. Но главным образом — это результат неэффективного технологического обеспечения.

На наш взгляд, кардинально эту проблему можно решить путем постепенного внедрения в экономическое управление стран БРИКС такого инструмента, как электронный межотраслевой баланс (МОБ). Россия могла бы стать лидером в этой области и координировать соответствующие разработки, поскольку имеет существенный опыт его составления и практического использования [10,11].

Государственные структуры могли бы отслеживать все потоки МТР в аграрном секторе, что, во-первых, об-

³ Подробнее о концепции цифровизации ресурсного обеспечения в целом можно прочесть в следующих статьях:

1. Папцов А.Г. Актуальные вопросы цифровизации агропродовольственной системы России / А.Г. Папцов, Ж.Е. Соколова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. — 2023. — № 6 (Июнь). — С. 100–109. [DOI: 10.37882/2223-2974.2023.06.11; ISSN 2223–2974].

2. Папцов А.Г. Потенциал цифровизации для повышения квалификации участников рынка агропродовольственной продукции (технико-экономические возможности мультикастинга и интернет-телевидения) / А.Г. Папцов, Ж.Е. Соколова // Научно-техническая информация. Сер.2, ВИНТИ РАН — 2023. — № 11. — С. 1–25. [DOI: 10.36535/0548-0027-2023-11-1; ISSN: 0548–0027].

легчило бы контроль качества МТР, определение эффективности их использования, позволило бы рассчитывать оптимальные потребности и на этой основе организовывать эффективную государственную поддержку ресурсного обеспечения.

На основе МОБ страны БРИКС могли бы выпускать электронные справочники, содержащие открытые показатели производства и использования всех видов МТР. Данные справочники можно объединить в единый электронный справочник, к примеру «Ресурсное обеспечение аграрного сектора стран БРИКС».

Параллельно с МОБ целесообразно организовать электронную платформу, позволяющую участникам рынка МТР получать и обмениваться необходимой информацией, касающейся соответственного обеспечения аграрного сектора.

Целесообразно также в этой связи использовать интерактивные возможности *интернет-телевидения* [12,13,14]. Во-вторых, в сфере цифрового обеспечения материальных процессов, связанных с использованием МТР, мейнстримом для сотрудничества стран БРИКС в настоящее время является расширение практического применения точного земледелия (*precision agriculture*). Инвестирование в технологии точного земледелия и обмен знаниями о них, например, мониторинг с помощью беспилотных летательных аппаратов, использование датчиков почвы и системы внесения удобрений с регулируемой нормой расхода могут оптимизировать эффективность использования ресурсов и свести к минимуму воздействие на окружающую среду. Для поддержки стран БРИКС при внедрении этих методов могут быть использованы достижения Китая в области сельскохозяйственных технологий. Исследование, проведенное Китайским сельскохозяйственным университетом, показывает, что внедрение технологий точного земледелия может сократить использование удобрений до 20% при сохранении или даже увеличении урожайности.

Проблема **повышения эффективности использования ресурсов** в аграрном секторе стран БРИКС является общей проблемой для сообщества и, соответственно, содружество обладает высоким потенциалом для сотрудничества по ее решению. Важность этой проблемы в контексте ресурсного обеспечения определяется, во-первых, тем, что чем меньше потребляется ресурсов на единицу выпускаемой агропродовольственной продукции, тем меньше этих ресурсов необходимо приобретать, что особенно важно в период волатильности мировых цен. В экономическом плане вложение в ресурсосбережение практически всегда выгоднее, чем постоянное наращивание ресурсных закупок.

Во-вторых, ресурсосбережение во всех случаях является позитивным экологическим фактором, особенно

в случае замены традиционных видов на альтернативные (биоудобрения, биопестициды, новые виды ВИЭ) ресурсы и экологически ориентированные, а также ресурсосберегающие агротехнологии (например, органическое сельское хозяйство).

В-третьих, ресурсосбережение — это сфера, тесно связанная с применением инновационных технологий, что, в свою очередь, стимулирует научные исследования и создает дополнительные рабочие места. Иллюстрировать эффективность использования МТР в аграрной сфере лучше всего на примере показателя энергоемкости, тем более что, например, производство и транспортировка минеральных удобрений, пестицидов и сельскохозяйственной техники также являются энергоемкими процессами. Международная и национальная статистика стран БРИКС не располагает полными и достоверными данными о потреблении ТЭР в сельском хозяйстве, не говоря уже об аграрных секторах. Поэтому автором предлагается показатель энергоемкости ВВП, покрывающий все сферы аграрного сектора экономики любой страны (см. рисунок на след. стр.).

Энергоемкость ВВП стран БРИКС заметно превышает соответствующие средние мировые показатели и показатели по развитым странам. Несмотря на то, что энергоемкость экономики стран-основателей и новых членов БРИКС снизилась, в развитых странах она снижалась еще сильнее. По состоянию на 2023 г. энергоемкость ВВП стран БРИКС была в 2,6–3 раза выше, чем в развитых странах.

Учитывая Цели устойчивого развития ООН, **решение экологических проблем и адаптация к глобальным климатическим изменениям** в контексте производства и использования МТР для аграрного сектора, являются весьма актуальными для стран БРИКС. Поощрение ответственного и устойчивого использования МТР для аграрного сектора имеет первостепенное значение для сведения к минимуму их негативного воздействия на окружающую среду и здоровье человека. Странам БРИКС следует содействовать внедрению методов комплексной борьбы с вредителями (*Integrated Pest Management, IPM*) и комплексного управления питательными веществами (*Integrated Nutrient Management, INM*), в которых особое внимание уделяется использованию альтернативных методов борьбы с вредителями и внесению удобрений, а также разумному использованию химических веществ. Кампании по просвещению фермеров и повышению осведомленности могут сыграть решающую роль в продвижении ответственного использования сельскохозяйственных ресурсов. Кроме того, разработка и обеспечение соблюдения правил хранения, товародвижения и использования МТР в аграрном секторе очень важны для предотвращения загрязнения окружающей среды и защиты здоровья человека.

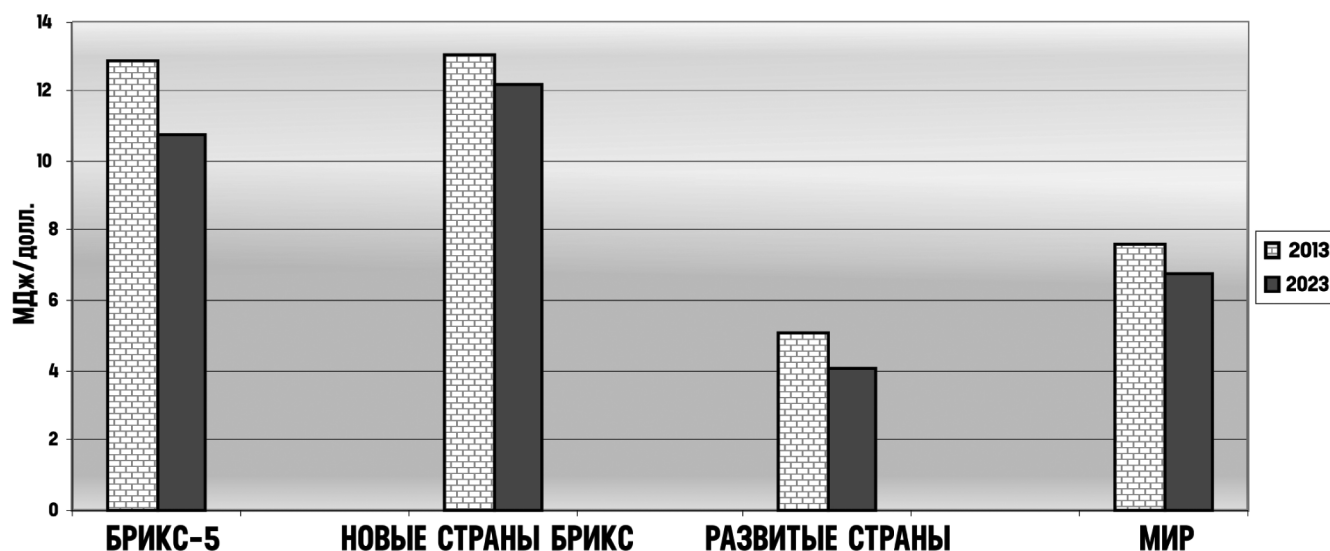

Рис. 1. Динамика энергоемкости ВВП стран БРИКС в сравнении с развитыми странами и миром

Примечание: Для расчета показателей энергоемкости (МДж/долл.) сравнивались объем потребляемой в группах стран первичных ТЭР и величина совокупного ВВП (в долларах 2015 г.). Развитые страны: Австралия, Великобритания, ЕС-27, Канада, США, Япония. В новых странах БРИКС не учитываются данные по Эфиопии.

Источник: Показатели для диаграммы рассчитаны автором на основе данных Energy Institute [21], FAOSTAT [18].

Странам БРИКС необходимо осуществлять инвестирование в программы исследований и разработок, направленных на получение новых и усовершенствованных сельскохозяйственных ресурсов, таких как устойчивые к изменению климата семена различных сортов сельскохозяйственных культур, адаптированные к разнообразным природным и климатическим зонам стран БРИКС, биоудобрения и биопестициды. Эти программы обязательно должны учитывать специфику мелких фермерских хозяйств и начинающих фермеров в контексте проблемы ресурсного обеспечения.

Особое значение в рамках данного направления сотрудничества имеет совместная поддержка производства и использования новых видов ВИЭ (в первую очередь солнечная, ветровая энергия, биотопливо для сельских территорий), а также органической продукции и продуктов здорового и безопасного питания. Это объясняется многосторонним позитивным цивилизационным воздействием данных направлений, включающих экономию традиционных невозобновляемых ресурсов, снижение загрязнения окружающей среды, укрепление здоровья человека, формирование новых рабочих мест, требующих особую квалификацию, а также культурологический фактор (формирование экологического менталитета). Поскольку реализация данных направлений весьма затратна (особенно в начальный период), для стран БРИКС необходимо уже в ближайшее время разработать соответствующие документы в виде программ, стратегий, дорожных карт и т.д.

Также первостепенное значение для аграрного сектора **имеет разработка системы контроля и сертифици-**

фикации качества ресурсов. Она не менее важна, чем стандартизация качества самой агропродовольственной продукции. Эта система должна основываться на международно-признанных стандартах и соответствовать конкретным потребностям сельского хозяйства стран БРИКС. Это гарантирует соответствие ресурсов для аграрного сектора, продаваемых в рамках сообщества БРИКС, требуемым стандартам качества, тем самым, защищая фермеров от некачественной продукции и способствуя честной конкуренции между производителями. Гармонизация процедур сертификации в странах БРИКС еще более упростит торговлю и снизит транзакционные издержки. Эта система могла бы также включать механизмы отслеживания на электронной основе, позволяющие идентифицировать происхождение и качество МТР, что было бы особенно ценно при решении проблем, связанных с контрафактной или фальсифицированной продукцией. Для аграрного сектора во внешнеторговых операциях, связанных с ресурсами, происходящими между странами БРИКС, наряду с общими требованиями к стандартам качества также обязательно должен учитываться фактор потенциальной адаптируемости продаваемой продукции к местным агроклиматическим условиям, для чего следует ввести дополнительные требования к системе контроля качества, включая требования к поставляемым запасным частям и гарантийному ремонту техники и оборудования.

Для всех направлений сотрудничества стран БРИКС в сфере ресурсов для аграрного сектора необходимо **создание благоприятной институциональной среды** на основе снятия институциональных барьеров

и формирования новых систем управления и поддержки.

Так, например, чтобы обеспечить устойчивый поток ресурсов для аграрного сектора и оказания соответствующих услуг через границы стран БРИКС, необходимо гармонизировать правила торговли и снизить нетарифные барьеры. Это включает в себя оптимизацию таможенных процедур, стандартизацию мер контроля качества и сокращение бюрократических препон, препятствующих торговле.

Заключение соглашений о преференциальной торговле ресурсами для аграрного сектора в рамках БРИКС сможет еще больше стимулировать торговлю внутри стран БРИКС и способствовать большей рыночной интеграции. Кроме того, инвестиции в транспортную и складскую инфраструктуру, такую как усовершенствованные портовые сооружения, дороги и склады, имеют решающее значение для снижения транспортных расходов и минимизации ресурсных потерь.

Решение проблемы доступа к финансированию для приобретения МТР и услуг, связанных с этим, для сельскохозяйственных товаропроизводителей является еще одним важным аспектом институциональной стратегии. Многие малые и средние предприятия в аграрном секторе сталкиваются с трудностями в получении кредитов на закупку МТР, что снижает их производительность и прибыльность, а также ограничивает возможности по расширению своей деятельности и инвестированию в инновационные технологии. Странам БРИКС следует изучить инновационные механизмы финансирования, такие как схемы кредитных гарантий, программы субсидирования займов и инициативы микрофинансирования, чтобы улучшить доступ к финансированию для этих ключевых заинтересованных сторон.

Институализация стран БРИКС, направленная на повышение квалификации и знаний в сфере обеспечения МТР, для аграрного сектора представляет собой многогранный и перспективный процесс. Ключевым аспектом здесь является разработка образовательных программ и тренингов, адаптированных к специфическим потребностям каждого звена аграрной цепочки и особенностям конкретной страны. Также важную роль при этом играет создание информационных платформ для дистанционного повышения квалификации и обеспечивающих доступ к актуальным данным о новых технологиях, поставщиках оборудования и лучших практиках.

Среди необходимых совместных институтов, содействующих эффективному сотрудничеству стран БРИКС, в ресурсной сфере необходимо сформировать Целевую рабочую группу БРИКС по ресурсам для аграрного сектора. Эта целевая группа будет отвечать за разработку

комплексного плана действий (или стратегии) по сотрудничеству в данной области, включая конкретные цели, сроки и механизмы поддержки различных направлений. Также целесообразно создать Фонд поддержки аграрных технологий БРИКС. Этот фонд будет оказывать финансовую и техническую поддержку исследованиям и разработкам, демонстрационным проектам, а также практическому применению инновационных технологий в аграрном секторе, в том числе в области цифровизации и роботизации, альтернативных сельскохозяйственных технологий (например, органическое сельское хозяйство, альтернативная агроэнергетика).

Международное сотрудничество стран БРИКС является прогрессивным процессом, но оно должно осуществляться на равноправной основе во взаимосвязи с интересами каждого члена сообщества. В этой связи интерес представляет определение выгод и преимуществ, которые может получить Россия от такого сотрудничества. Рассмотрим этот вопрос в контексте технико-экономических отношений между Россией и крупнейшими экономиками БРИКС — Китаем и Индией.

В настоящее время сотрудничество между **Россией и Китаем** в сфере ресурсного обеспечения аграрного сектора проявляется главным образом в торговле. Россия экспортирует в Китай в основном ТЭР (сырая нефть, нефтепродукты, природный газ, уголь), которые используются для нужд аграрного сектора, а также минеральные удобрения, компоненты для сельскохозяйственной техники, семена сельскохозяйственных культур (в основном масличных). Для России в 2023 г. в области экспорта сырой нефти Китай стал главным рынком сбыта (44 %), в то время как для самого Китая Россия удовлетворяла лишь около 19 % соответствующих импортных потребностей. В структуре китайского импорта природного газа (по газопроводам) Россия стала вторым поставщиком после Туркменистана (35 %), при этом в Российском экспорте трубопроводного газа доля китайского рынка составляла 22 % [21]. Из минеральных удобрений Китай в основном приобретает в России калийные удобрения [18]. В настоящее время Китай является одним из крупнейших рынков сбыта для российских минеральных удобрений: в 2023 г. — 3 место, 12 %; в 2024 г. рост экспорта минеральных удобрений в Китай составил — 36 % [3,15]. Из ресурсов для аграрного сектора Китай поставляет в Россию в основном готовую сельскохозяйственную технику (в том числе, тракторы, комбайны, сельскохозяйственные дроны), запасные части, комплектующие, пестициды, семена сельскохозяйственных культур (для овощей, риса, некоторых технических культур). Принципиально важное значение в настоящее время имеет импорт из Китая продукции прикладных ИКТ, которые применимы в аграрном секторе. К числу проблем, препятствующих полной реализации этого потенциала, относятся логистические трудности, связан-

ные с транспортной инфраструктурой, особенно вдоль Транссибирской магистрали и пунктов пересечения границы. Дополнительные препятствия создают различные нормативные стандарты и требования к сертификации сельскохозяйственной продукции и оборудования. Кроме того, колебания валютных курсов и геополитическая неопределенность создают элементы риска, которые требуют тщательного управления. Наконец, относительное отсутствие совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских инициатив ограничивает потенциал инноваций для решения уникальных сельскохозяйственных задач, с которыми сталкивается каждая страна.

Будущее российско-китайского сотрудничества в области материально-технического обеспечения аграрного сектора зависит от перехода от чисто деловых отношений к более стратегическому и интегрированному партнерству. Основным драйвером для такого перехода, по нашему мнению, являются научные исследования, содействие образованию и повышению квалификации, опытно-промышленные разработки, проекты в области внедрения прикладных ИКТ в аграрный сектор и связанную с ним сферу услуг. Роль цифровых технологий трудно переоценить. Например, создание совместной платформы для обмена сельскохозяйственными данными, включая информацию о состоянии почвы, погодных условиях и урожайности сельскохозяйственных культур, позволит грамотнее принимать решения и оптимизировать распределение ресурсов. Использование технологии блокчейн для улучшения отслеживаемости и прозрачности в цепочке поставок сельскохозяйственных товаров повысит доверие потребителей и улучшит качество агропродовольственной продукции. Разработка мобильных приложений, которые в режиме реального времени будут предоставлять фермерам информацию о прогнозах погоды, предупреждать о вредителях и рыночных ценах, позволит им принимать обоснованные решения и улучшить условия их жизни.

России и Китаю целесообразно для оптимизации использования ресурсов содействовать внедрению цифровых технологий в системы мониторинга на базе беспилотных летательных аппаратов и орбитальных спутников. Использование анализа больших объемов данных для получения информации о состоянии почвы, погодных условиях и нашествии вредителей позволит принимать более обоснованные решения и повысить эффективность применяемых МТР. Создание общей цифровой платформы для обмена информацией о сельскохозяйственных технологиях, тенденциях агропродовольственного рынка и обновлениях нормативных актов способствовало бы большей прозрачности в сотрудничестве между заинтересованными сторонами. Одной из важнейших областей будущего перспективного сотрудничества является разработка методов

ведения сельского хозяйства, с учетом климатических изменений. Учитывая растущее воздействие изменения климата на сельскохозяйственное производство, обеим странам следует уделять приоритетное внимание внедрению методов ведения сельского хозяйства, которые повышают устойчивость к экстремальным погодным явлениям и снижают ресурсоемкость.

Сотрудничество в области возобновляемой электроэнергетики (солнечной и ветровой) между Россией и Китаем также представляет собой перспективное направление в аграрном секторе и устойчивом развитии сельских территорий.

Россия, располагая огромными территориями с высоким потенциалом ветровой и солнечной активности, значительным накопленным научно-техническим опытом в области ВИЭ, стремится диверсифицировать свою энергетику и снизить зависимость от традиционных видов ТЭР.

Китай же, будучи мировым лидером в производстве оборудования для солнечной и ветровой энергетики, нуждается в расширении рынков сбыта и обеспечении доступа к новым ресурсам. В настоящее время сотрудничество между Россией и Китаем в области возобновляемой энергетики осуществляется по нескольким направлениям, включая совместное строительство ветровых и солнечных электростанций, обмен технологиями и опытом, а также подготовку кадров.

Китайские компании активно инвестируют в российские проекты в области ветровой и солнечной энергетики, предлагая передовые технологии и оборудование.

В свою очередь, российские научные и инженерные центры участвуют в совместных исследованиях и разработках, направленных на повышение эффективности и надежности установок возобновляемой энергетики.

Однако пока Россия существенно отстает от Китая в области возобновляемой энергетики. Для сокращения отставания необходима более серьезная государственная поддержка и реализация проектов, основанных на частно-государственном партнерстве. В рамках российско-китайского сотрудничества создание общего фонда, предназначенного для поддержки совместных проектов в области ВИЭ, стало бы важным механизмом финансирования научных прикладных исследований, подготовки специалистов и практического внедрения возобновляемых ресурсов в аграрный сектор. Таким образом, объединяя ресурсы и разделяя риски, обе страны могут ускорить темпы внедрения инноваций и создать новые возможности для экономического сотрудничества.

Учитывая особенности современной геоэкономической и геополитической ситуации, отношения между Россией и Китаем в области сельскохозяйственной техники играют важную роль для существенной активизации материально-технического сотрудничества уже сегодня. В то время как торговля в этом секторе быстро растет, существуют возможности для совместной разработки и производства техники, адаптированной к конкретным потребностям российских и китайских фермеров. Объединение российского опыта в области тяжелого машиностроения с достижениями Китая в области техники, использующей технологии точного земледелия, может привести к разработке инновационных и экономически эффективных решений. Создание совместных предприятий по производству сельскохозяйственной техники на основе соглашений о передаче технологий и разделении прав интеллектуальной собственности способствовало бы установлению долгосрочных партнерских отношений и повышению производительности и энергоэффективности сельского хозяйства в обеих странах.

Стандартизация компонентов машин и обеспечение их функциональной совместимости еще больше повысили бы эффективность и снизили затраты на техническое обслуживание. В то же время для этого необходимо вести переговоры о проявлении интереса сторон к организационно-экономическим инновациям. Так, например, Китайское правительство субсидирует до 30% экспортной стоимости сельскохозяйственной техники и дотирует электроэнергию на ее производство. Однако, к выгодному на сегодняшний день для России процессу локализации предприятий по выпуску сельскохозяйственной техники на нашей территории, китайские партнеры подходят не столь активно [2].

Вектор внешней торговли МТР для аграрного сектора между **Россией и Индией** имеет сегодня определенное сходство с российско-китайскими торговыми отношениями в данной области. Индия также в основном закупает ТЭР, минеральные удобрения, а Россия сельскохозяйственную технику, пестициды и семена. Но имеются и отличия. Серьезным препятствием для внешнеторговых отношений России и Индии является логистика, связанная с географической удаленностью стран друг от друга, а также труднодоступностью территорий для сухопутных транспортных связей. В последнем случае существенную роль играет и политическая напряженность на сухопутных границах Индии. Внешняя торговля ресурсами между Индией и Россией осуществляется в основном морскими перевозками. Наиболее удобные маршруты проходят через российский Дальний Восток, однако основные потребители МТР в России расположены на западе страны, что увеличивает транспортные издержки. Второй специфической особенностью Индии является то, что ее сельское хозяйство базируется на малых фермерских хозяйствах со спецификой потребно-

стей в материально-технических ресурсах (ограниченные финансовые средства для необходимых закупок, потребность в маломощной технике). Третья особенность — это резко отличающиеся от России агроклиматические условия, что повышает требования в адаптации поставляемых ресурсов к местным условиям.

В сфере экспорта ресурсов, представляющих интерес для аграрного сектора в 2023 г. Россия являлась главным поставщиком сырой нефти в Индию (35 %). Однако регион Ближнего Востока (Ирак, Саудовская Аравия) в совокупности составляют заметную конкуренцию. Для России доля Индии в экспорте сырой нефти составляет — 34 % (второе место после Китая). В географической структуре экспорта нефтепродуктов Индия для России является третьим по величине торговым партнером после зарубежной Европы (41 %) и Китая (10 %). Для самой Индии Россия в области импорта нефтепродуктов занимает второе после ОАЭ место (16 %). Природный газ в Индию из России поступает только в сжиженном виде. Несмотря на то, что Россия является четвертым по величине в мире экспортером сжиженного природного газа (8 %), а Индия имеет большие и растущие потребности в нем, доля этой страны в российском экспорте данного ресурса из-за не налаженной логистической инфраструктуры и наличия серьезных конкурентов в лице Катар, ОАЭ и США, составляет всего лишь около 1,5 % [21].

В 2023 г. для России Индия являлась вторым по значению торговым партнером в области минеральных удобрений после Бразилии (14 %). Для Индии в 2024 г. Россия стала главным поставщиком минеральных удобрений, причем в отличие от Китая структура экспорта была ориентированной больше на азотные и фосфорные удобрения. В 2022 г., по данным ФАО, при измерении в действующем веществе на азотные удобрения приходилось — 47 %, фосфорные — 43 % и калийные — 10 % [3,15,18].

Среди импортируемых из Индии ресурсов для аграрного сектора России сельскохозяйственная техника представляет собой растущий, хотя и все еще небольшой рынок сбыта в рамках более широкого спектра общих индийско-российских торговых отношений. В то время, как исторические связи и геополитическое положение уже давно способствуют сотрудничеству в различных отраслях, в последние годы в сегменте сельскохозяйственной техники наблюдается более заметный подъем, обусловленный стечением ряда факторов, включая растущий спрос в России на доступную и надежную сельскохозяйственную технику в сочетании с расширяющимися производственными возможностями Индии и конкурентоспособными ценами.

Индийские производители сельскохозяйственной техники ориентированы в основном на поставки в Рос-

сию тракторов, комбайнов и средств почвообработки. Доступность этой техники является ключевым конкурентным преимуществом, особенно для небольших и средних российских сельскохозяйственных товаропроизводителей. Кроме того, российские фермеры положительно оценивают адаптируемость индийской техники к различным агроклиматическим условиям в сочетании с упрощенными требованиями к техническому обслуживанию. Несмотря на то, что в связи с резким сокращением притока сельскохозяйственной техники и оборудования в Россию из развитых стран, значение Индии потенциально резко возрастает, в этой сфере сохраняются значительные проблемы.

Логистические препятствия, включая длительные сроки доставки и сложности, связанные с таможенным оформлением, влияют на эффективность и рентабельность торговли сельскохозяйственной техникой. Кроме того, различия в технических стандартах, сертификационных требованиях между двумя странами требуют строгого соблюдения процедур, что увеличивает административное бремя для индийских экспортеров.

Колебания валютных курсов также представляют риск, потенциально снижая рентабельность и влияя на ценовую конкурентоспособность индийской техники.

Еще одним препятствием является отсутствие надежной сети послепродажного обслуживания в России. Укрепление доверия и обеспечение доступности запасных частей и технической поддержки имеют решающее значение для развития долгосрочных отношений с клиентами и сохранения доли рынка.

Индийские производители должны стратегически инвестировать в создание местных сервисных центров и программ обучения для удовлетворения этой важнейшей потребности.

Стремление диверсифицировать внешние поставки и ценовая конкурентоспособность являются драйверами роста импорта пестицидов в Россию из Индии. Гербициды составляют самый большой сегмент, за ними следуют инсектициды и фунгициды.

Однако торговые отношения между Россией и Индией в сфере химических средств защиты растений также как и в случае с сельскохозяйственной техникой не лишены проблем.

Логистические трудности усугубляются перегруженностью морских портов, особенно в пиковые сельскохозяйственные сезоны. Кроме того, соблюдение нормативных требований при перемещении пестицидов остается важнейшим сдерживающим аспектом. Как индийские экспортеры, так и российские импортеры должны ори-

ентироваться в сложной сети регистрационных требований, стандартов контроля качества и фитосанитарных правил, чтобы обеспечить безопасное и эффективное использование этих продуктов.

Другая проблема заключается в колебаниях валютных курсов между индийской рупией и российским рублем. Нестабильность валютных курсов приводит к неопределенности цен и влияет на прибыльность сделок, что требует от компаний принятия стратегий хеджирования для снижения финансовых рисков. Более того, геополитические факторы и торговые ограничения потенциально могут нарушить цепочки поставок и повлиять на общую стабильность этого торгового потока.

Импорт семян из Индии в Россию является одним из наиболее быстро растущих сегментов внешней торговли в области МТР для аграрного сектора экономики. Основными культурами, стимулирующими эту торговлю, являются семена овощей (в частности, томатов, перца и огурцов), масличные культуры (такие как подсолнечник и горчица) и некоторые бобовые.

Индийские семеноводческие компании активно участвуют в российских сельскохозяйственных выставках и ярмарках, демонстрируя свою продукцию и налаживая партнерские отношения с российскими дистрибьюторами и сельскохозяйственными организациями. Текущий тренд в импорте семян можно охарактеризовать растущим спросом на высококачественные, устойчивые к болезням сорта, адаптированные к конкретным агроклиматическим условиям России.

Индийские семеноводческие компании проводят активную маркетинговую политику в области экспорта семян в Россию, предлагая привлекательную альтернативу другим внешним поставщикам благодаря своим конкурентоспособным ценам, разнообразию сортов и опыту в разработке семян, подходящих для различных агроклиматических условий России.

Несмотря на позитивную динамику, несколько проблем сдерживают индийско-российскую торговлю семенами. Одним из существенных препятствий являются различия в фитосанитарных правилах и требованиях к сертификации в двух странах. Работа в этих сложных нормативных условиях требует значительных инвестиций в тестирование, документацию и процедуры соблюдения требований, что увеличивает общую стоимость импорта семян.

Другая проблема заключается в необходимости повышения осведомленности и признания российскими аграрными потребителями индийских сортов семян. Хотя некоторые сорта уже успешно зарекомендовали себя в российских условиях, другие требуют дальней-

шей адаптации и тестирования для обеспечения оптимальных показателей.

Укрепление доверия и прочная репутация в области качества и надежности имеют решающее значение для того, чтобы индийские семеноводческие компании смогли закрепиться на российском рынке. Это требует совместных усилий с участием научно-исследовательских институтов, служб распространения сельскохозяйственной информации и ассоциаций фермеров для пропаганды преимуществ использования индийских семян и оказания технической поддержки фермерам.

Перспективное сотрудничество России и Индии в области МТР для аграрного сектора, также как и с Китаем, должно развиваться комплексно на основе сотрудничества в области инновационных технико-технологических достижений и сопутствующих научно-образовательных контактов. Однако приоритетом для России должно стать расширение использования прикладных ИКТ.

В значительной степени это определяется тем, что Индия, как и Китай в сфере цифровизации экономики являются лидерами среди стран БРИКС. В настоящее время сотрудничество между Россией и Индией в области МТР, в частности, в области минеральных удобрений, сельскохозяйственной техники и пестицидов характеризуется сочетанием традиционных и формирующихся цифровых подходов. В то время как, например, в торговле операторы рынка полагаются на обычные контракты, расчетные и кредитные операции, растущий сегмент, особенно небольшие организации, начинают активно изучать возможности платформ электронной торговли и соответствующие рынки для прямого подключения и снижения транзакционных издержек.

Однако до сих пор значительная часть внешней торговли МТР для аграрного сектора (около 70 %) осуществляется через офлайн-каналы, что свидетельствует о значительном потенциале для цифровизации. В настоящее время реализуется несколько цифровых инициатив, направленных на упрощение процедур торговли. Минсельхоз России содействует развитию цифровых платформ для связи российских производителей с международными торговыми компаниями, включая индийских импортеров и экспортеров.

Аналогичным образом инициативы индийского правительства, такие как Agri Stack и e-NAM, направлены на цифровизацию процессов в аграрном секторе, создавая возможности для интеграции с международными партнерами. Agri Stack представляет собой фундаментальную цифровую экосистему, разработанную индийским правительством для преобразования сельскохозяйственного сектора.

Данная система направлена на создание единой платформы, использующей цифровые технологии, включая искусственный интеллект, машинное обучение, дистанционное зондирование и блокчейн для решения важнейших задач, с которыми сталкиваются фермеры, как в области создания агропродовольственной продукции, так и обеспечения необходимыми видами МТР и связанными с этим услугами e-NAM (онлайн-платформа для торговли агропродовольственной продукцией в Индии). E-NAM направлена на создание единого национального рынка агропродовольственной продукции, ее задачей является упрощение торговых процессов, снижение транзакционных издержек и улучшение информирования фермеров об агропродовольственном рынке. Однако потенциально возможно использовать эту платформу для содействия устойчивому обеспечению МТР меньшим количеством посредников (или вообще без них) и при наличии более широкой и объективной информации о приобретаемых видах МТР непосредственно от производителей.

Несмотря на огромный потенциал цифровизации, сотрудничеству России и Индии в материально-техническом обеспечении аграрного сектора препятствует ряд проблем. К ним относятся: отсутствие стандартизированной цифровой инфраструктуры в сельских регионах обеих стран, разный уровень цифровой грамотности среди операторов рынка (например, фермеров, дилеров, производителей МТР), опасения по поводу безопасности данных и доверия к онлайн-транзакциям. Решение этих проблем требует согласованных усилий по совершенствованию цифровой инфраструктуры, обеспечению обучения и поддержки заинтересованных сторон, а также созданию безопасных и прозрачных цифровых экосистем.

Преодоление этих препятствий потенциально может увеличить объем торговли МТР примерно на 15–20 % в течение следующих 3–5 лет. Будущие разработки и сотрудничество России и Индии в области МТР для аграрного сектора зависят от углубленного сотрудничества в нескольких ключевых направлениях.

Во-первых, это необходимость создания общей цифровой торговой платформы с интеграцией существующих платформ для создания единой экосистемы торговли, сервисного обслуживания и содействия практическому использованию ресурсов в аграрном секторе.

Во-вторых, разработка решений на основе блокчейна для повышения прозрачности и отслеживания потоков МТР, снижения рисков мошенничества и контрафакции.

В-третьих, продвижение использования инструментов на базе искусственного интеллекта для прогнозирования спроса, оптимизации логистики и улучшения кон-

троля качества ресурсов. Совместная рабочая группа, состоящая из экспертов обеих стран, в настоящее время изучает эти возможности, в том числе реализацию пилотного проекта, направленного на цифровизацию торговли удобрениями между Россией и Индией.

Заключение

Продолжающееся увеличение количества стран, входящих в сообщество БРИКС повышает их роль и значение в глобальной экономике, однако актуализирует поиск областей конкретного взаимовыгодного сотрудничества.

Одной из таких областей является сотрудничество в области материально-технических ресурсов для совокупного аграрного сектора, обладающее значительным технико-технологическим, организационно-экономическим и интеллектуально-информационным потенциалом дальнейшего развития. Учитывая, что основным драйвером развития цивилизации в современных гео-

экономических условиях и на отдаленную перспективу будут являться прикладные информационно-коммуникационные технологии на основе Интернета, цифровизация процессов сотрудничества в ресурсной области для аграрного сектора стран БРИКС должна стать приоритетом. При этом странам БРИКС необходимо подходить к решению данной проблемы комплексно с учетом не только аспектов производства и ресурсного обеспечения, но также сопутствующего сотрудничества в интеллектуальной информационной сфере и в области повышения эффективности использования материально-технических ресурсов с минимизацией негативного воздействия на окружающую среду.

Для России такой подход весьма перспективен, поскольку имеет явный тренд в сторону технико-технологического и экономического суверенитетов и закладывает практические основы для отхода от преимущественно чисто торговых отношений (экспорт — импорт) в ресурсной области со странами БРИКС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Расширение БРИКС: новый формат партнерства меняет правила глобальной игры/Росконгресс. — Институт Изучения Мировых Рынков, ноябрь 2024, стр. 1–37. — Электронный ресурс: https://dzen.ru/a/Zyyp_w2TYTm_QpCn?ysclid=ma592vft8i216953986 (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
2. Романцова М. Биржа в помощь. Агротехника и технологии. — 5 (105) сентябрь-октябрь 2024. — с. 12–13. — Электронный ресурс: <https://www.agroinvestor.ru/agrotechnika/105/> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
3. Рынок минеральных удобрений 2023 и перспективы на 2024. — Деловой профиль. — 18 марта 2024. — Электронный ресурс: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-mineralnykh-udobreniy-2023-i-perspektivy-na-2024/?ysclid=m9zmteyxb103809766> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
4. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. BRICS Russia. — 2020. — ноябрь. — Электронный ресурс: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf?ysclid=m81r17dlcc460604435> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
5. Таран В.В. Культурологический анализ интернет-телевидения в контексте развития информационно-коммуникационных технологий: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Таран Василий Васильевич. — М., 2015. — 207 с. [Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ].
6. Таран В.В. Культурологический анализ интернет-телевидения в контексте развития информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Таран Василий Васильевич. — М., 2015. — 30 с. [Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ].
7. Таран В.В. Современные подходы к оценке развития информационно-коммуникационных технологий и основные направления их совершенствования / В.В. Таран // Научно-техническая информация, серия 1 (ВИНИТИ РАН). — 2014. — № 9. — С. 9–14.
8. Таран В.В. К вопросу о разграничении базовых понятий в контексте современного развития наук об информации / В.В. Таран // Меди@льманах МГУ. — 2014. — №4. — С. 18–25.
9. Таран В.В. Информационно-коммуникационные технологии и их социально-экономическое и культурологическое влияние на инновационно-ориентированное развитие / В.В. Таран // Информационные технологии, Том 21 — 2015. — №3. — С. 236–240.
10. Таран В.В. Расчет текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений / Василий Васильевич Таран, Наби Далгатович Аварский, Папцов Андрей Геннадьевич, Соколова Жанна Евгеньевна, Миндлин Юрий Борисович // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024685543 [выдано Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Правообладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2024683928; дата поступления 11.10.2024; дата гос. регистрации в Реестре программ для ЭВМ 30.10.2024.
11. Таран В.В. Графический интерфейс пользователя программы по расчету текущей величины сводного индекса уровня развития рынка органической продукции для проведения межстрановых сравнений / Василий Васильевич Таран, Наби Далгатович Аварский, Папцов Андрей Геннадьевич, Соколова Жанна Евгеньевна, Миндлин Юрий Борисович // Патент на промышленный образец № 145824 [выдан Федеральной службой по интеллектуальной собственности]. — Патентообладатель Таран Василий Васильевич (RU); заявка № 2024506403; приоритет промышленного образца 14.01.2024; дата государственной регистрации в Государственном реестре промышленных образцов Российской Федерации 28.01.2025; срок действия исключительного права на промышленный образец истекает 14.01.2029.
12. Таран, В.В. Интернет-телевидение как инструмент мобильной передачи информации / В.В. Таран // Вестник Университета РАО. — 2013. — №5. — С. 84–90.

13. Таран В.В. Техничко-технологические аспекты формирования интернет-телевидения в условиях опережающего развития информационно-коммуникационных технологий / В.В. Таран, О.Е. Баксанский, Ж.Е. Соколова, В. Вик. Таран, В.В. Сухой // Научно-техническая информация, серия 2 (ВИНИТИ РАН). — 2021. — № 1. — С. 9–31. (DOI: 10.36535/0548-0027-2021-01-2).
14. Таран В.В. Информационно-коммуникационные технологии (культурологическое измерение): монография / В.В. Таран. — М.: Издательство ИП Насирдинова В.В., 2014. — 205 с. [ISBN 978-5-905523-35-9].
15. Экспорт и импорт удобрений в России. — Tadviser. — 2025/03/13. — Электронный ресурс: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статья: Экспорт_и_импорт_удобрений_в_России?ysclid=m9zm13qh9w135301446 (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
16. Agreement on the New Development Bank — Fortaleza, July 15. NDB Official Website. 15 July 2014. — Электронный ресурс: [http://ndb.int/download/Agreement on the New DevelopmentBank.pdf](http://ndb.int/download/Agreement%20on%20the%20New%20DevelopmentBank.pdf) (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
17. Energy Statistics Data Browser. International Energy Agency (IEA). — Электронный ресурс: [https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=WORLD&fuel=Energy supply&indicator=TESbySource](https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=WORLD&fuel=Energy%20supply&indicator=TESbySource) (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
18. Food And Agriculture Organization Of The United Nations. FAOSTAT. Data. — Электронный ресурс: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/RL> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
19. New Development Bank (NDB). — Электронный ресурс: <https://www.ndb.int> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
20. Ribeiro R.A., Abdenur A. Opinion: How BRICS can boost cooperation in renewable energy. Dialogue Earth. — June 23, 2022. — Электронный ресурс: <https://dialogue.earth/en/energy/55236-opinion-brics-energy-can-boost-cooperation-renewable/> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
21. Statistical Review of World Energy. Energy Institute. — 2024. — 73rd Edition. — 76 p. — Электронный ресурс: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
22. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. National Accounts. Limited Data Selection. — Электронный ресурс: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/limited> (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).
23. Workman D. Top Tractors Exports By Country. World's Top Exports (WTE). — Электронный ресурс: [https://www.worldstopexports.com/top-tractors-exports-by-country/#:~:text=The top 5 most valuable exporters of tractors, three-fifths \(58.8 %\) of exported tractors sold in 2023](https://www.worldstopexports.com/top-tractors-exports-by-country/#:~:text=The%20top%205%20valuable%20exporters%20of%20tractors,three-fifths%20(58.8%25)%20of%20exported%20tractors%20sold%20in%202023) (дата обращения к электронному ресурсу: 01.05.2025).

© Соколова Жанна Евгеньевна (sje.ciitei@vniiesh.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ОЗЕЛЕНЕНИЯ ЗИМНИХ ВИДОВ СПОРТА: КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО¹

«ONE BELT, ONE ROAD» AS THE DRIVING FORCE BEHIND THE GREENING OF WINTER SPORTS: SINO-RUSSIAN COOPERATION²

**Huang Hai
Zhang Wei
Ma Baofa**

Summary. The article deals with the issues related to the study of the «One Belt, One Road» project as one of the global projects for the development of winter sports, which promote active Sino-Russian cooperation in modern conditions. The author of the article emphasizes the importance of the development of the sports industry to support international cooperation between Russia and China. The close relationship between the international initiative and winter sports is identified. The winter sports in which the Russian-Chinese side takes part are considered. The main problems that are obstacles to the development of international cooperation in the field of sports between Russia and China are studied. The main Russian-Chinese sports events are considered. The concept of «sports culture» is defined and its role in the life of society is considered. It is emphasized that the development of winter sports contributes to the strengthening and improvement of diplomacy between Russia and China. The prospects of winter sports development and international cooperation within the framework of the «One Belt, One Road» initiative are studied. Recommendations aimed at improving the effectiveness of Sino-Russian cooperation in the field of winter sports and its development are developed. The author of the article concludes that the initiative «One Belt, One Road» opens wide opportunities for the development of new types of winter sports, revealing the creative potential of participants and strengthening friendly and partnership relations between the two major countries.

Keywords: international initiative, «One Belt, One Road», driving force, greening, winter sports, Sino-Russian cooperation.

Хуан Хай

Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай
huanghai4500@163.com

Чжан Вэй

Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай
zhangwei-5688679@163.com

Ма Баофа

Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай
1099130054@qq.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением проекта «Один пояс, один путь» как одного из глобальных проектов для развития зимних видов спорта, которые способствуют активному китайско-российскому сотрудничеству в современных условиях. Автор статьи подчеркивается важность развития спортивной индустрии для поддержания международного сотрудничества России и Китая. Определена тесная взаимосвязь между международной инициативой и зимними видами спорта. Рассмотрены зимние виды спорта, в которых принимает участие Российско-китайская сторона. Изучены основные проблемы, являющиеся преградой для развития международного сотрудничества в сфере спорта между Россией и Китаем. Рассмотрены основные российско-китайские спортивные мероприятия. Определено понятие «спортивная культура» и рассмотрена ее роль в жизни общества. Подчеркивается, что развитие зимних видов спорта способствует укреплению и совершенствованию дипломатии России и Китая. Изучены перспективы развития зимних видов спорта и международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Разработаны рекомендации, направленных на повышение эффективности китайско-российского сотрудничества в области зимних видов спорта и его развития. Автор статьи делает вывод о том, что инициатива «Один пояс, один путь» открывает широкие возможности для развития новых видов зимнего спорта, раскрытия творческого потенциала участников и укрепления дружественных и партнерских отношений между двумя крупными странами.

Ключевые слова: международная инициатива, «Один пояс, один путь», движущая сила, озеленение, зимние виды спорта, китайско-российское сотрудничество.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке базового научно-исследовательского фонда провинциальных вузов Хэйлунцзяна в рамках проекта «Модель интеграции китайско-российской индустрии зимнего спорта и зелёной экономики» 2024 г. (№ 2024-KYYWF-0909).

² The study was financially supported by Heilongjiang Provincial Higher Education Institutions Basic Research Fund under the project «Model for the Integration of China-Russia Winter Sports Industry and Green Economy Integration Model 2024» (No. 2024-KYYWF-0909).

Введение

В условиях глобализации инициатива «Один пояс, один путь» позволяет создать возможности для осуществления международного сотрудничества между различными странами в области развития зимних видов спорта. Для России сотрудничество с Китаем является важным с точки зрения установления дружественных и партнерских отношений, активного взаимодействия в сфере культуры, образования, науки, торговли и спорта. Спортивно-культурный обмен между Россией и Китаем позволил наметить дальнейшую стратегию спортивного развития, укрепить партнерские отношения, а также повысить эффективность китайско-российского сотрудничества. Следовательно, сотрудничество в рамках инициативы в области зимних видов спорта может стать перспективной возможностью для вывода китайско-российских отношений на новый уровень развития.

Кроме того, сотрудничество в рамках международной инициативы также способствует появлению новых видов зимнего спорта, его развития в перспективе.

Проблематика исследования заключается в том, что в настоящее время существуют достаточно мало исследований по проблеме развития зимних видов спорта в рамках международной инициативы «Один пояс, один путь» как основы формирования для китайско-российского сотрудничества. Так, общие вопросы, касающиеся в основном рассмотрения истории возникновения и эволюции российско-китайских отношений были рассмотрены в трудах В.Л. Ларина, В.Г. Дацышена, С.Б. Макеева; обзор ценностей текущего состояния и путей развития спортивно-культурного обмена между Россией и Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь» были рассмотрены в трудах Лю Донглей, Ван Цыпу, Чжан Сюэйпин, Лю Пэньюй и других. Считаю, что необходимо провести более глубокое исследование в данном направлении и более детально изучить некоторые вопросы темы.

Объектом исследования является российско-китайское международное сотрудничество.

Предметом исследования является механизм влияния зимних видов спорта на международное сотрудничество России и Китая, как основной движущей силы развития в рамках проекта «Один пояс, один путь».

Научная новизна исследования заключается в разработке рекомендаций, направленных на повышение эффективности китайско-российского сотрудничества в области зимних видов спорта и его развития.

Материалы и методы

В данной статье использовались различные методы исследования, такие как теоретический анализ для из-

учения мнений ученых о инициативах «Один пояс, один путь» и развитии зимних видов спорта, аналитический метод для выявления проблем и барьеров в сотрудничестве между Россией и Китаем, эмпирический анализ для оценки реального опыта взаимодействия через спортивные мероприятия, а также сравнительный анализ для демонстрации влияния зимнего спорта на укрепление дипломатических отношений и культурного обмена между странами.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся изучения инициативы «Один пояс, один путь» как одного из глобальных проектов для развития зимних видов спорта, которые способствуют активному китайско-российскому сотрудничеству рассматривали многие ученые такие, как Ван Цыпу, Лю Донлей, Чэнь Биньсинь, Ван Кай, Лян Хаогуан, Ли Инцзе, Сун Цзяюнь, Чжу Иньин и другие. Считаю, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты и обсуждение

Спорт и его значимость для общества всегда являются неоспоримой ценностью. Большое внимание в международном сотрудничестве отводится именно спорту, как фактору формирования здорового образа жизни, улучшения качества жизни людей [5, с.12].

Россия и Китай рассматривают спорт не только с позиции его важности для здоровья человека, но и для укрепления международных отношений, появления общих интересов, культурных ценностей [4, с.266]. Особенно важным данное обстоятельство становится в условиях назревания острой политической ситуации на международной арене. Поэтому спорт еще больше сближает Россию и Китай, делая их союзниками и дружественными партнерами. Это определяет актуальность темы исследования и ее теоретическую и практическую значимость.

Таким образом, спорт можно рассматривать как общий язык для объединения и родства двух народов: русского и китайского в различных сферах (экономике, политике, торговле, культуре, образовании и т.д.). Кроме того, оба Президента России и Китая также являются любителями спорта, в частности зимних его видов. Например, в 2014 году Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи. Президент России Владимир Путин также ежегодно принимает участие в открытии спортивных мероприятий в различных городах и регионах. Следовательно, главы двух государств выразили намерение и готовность в продолжении и расширении российско-китайских отношений в области спорта, а также развитии новых его видов.

В 2013 году председатель Си Цзиньпин предложил инициативу под названием «Один пояс, один путь», которая обозначила стратегические приоритеты развития в различных областях и сферах деятельности. Одним из важных направлений развития в рамках данной инициативы явились рекомендации в области спортивной индустрии. Так, в 2014 году в Китае был принят документ по регулированию спорта и стимулированию его активности. Данный документ поднял вопросы рассмотрения спорта и его важности на государственном уровне, определения основных проблем и путей их решения [1, с.76].

Международная инициатива «Один пояс, один путь» представляет собой стратегическую меру и политику «мягкой силы» Китая, направленную на укрепление сотрудничества с различными странами, а также способ адаптации к быстроменяющимся внешним условиям.

Россия проявила активный интерес и поддержала инициативу «Один пояс, один путь», рассматривая ее как основную движущую силу для развития зимних видов спорта и укрепления китайско-российского сотрудничества. С этого момента спортивные интересы двух великих держав постоянно развиваются, совершенствуются и находят новые возможности для своего проявления в рамках международного проекта. В последние годы международное сотрудничество России и Китая значительно усилилось, об этом свидетельствует увеличение количества проводимых совместных мероприятий, об-

щие достигнутые результаты и совместные планы на будущее [3, с.195].

Важно отметить тесную взаимосвязь между международной инициативой «Один пояс, один путь» и зимними спортивными играми. Данную взаимосвязь целесообразно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, международная инициатива «Один пояс, один путь» создала благоприятные условия для развития многих видов зимнего спорта, а с другой стороны сами зимние игры оказывают влияние на развитие инициативы и международного сотрудничества [10, с. 51].

С приближением зимних Олимпийских игр в Пекине, в условиях относительно слабой базы китайских зимних видов спорта и очевидного преимущества России в этой области, сотрудничество по научным исследованиям в зимних видах спорта между Китаем и Россией стало предметом особого внимания и было включено в совместное коммюнике регулярных встреч премьер-министров двух стран.

К зимним видам спорта, в которых принимает участие Россия и Китая относятся: биатлон, горнолыжный спорт, фигурное катание, керлинг, скелетон, лыжные гонки, бобслей и другие (Рис. 1).

С развитием зимних видов спорта появляются новые его виды, которые успели уже завоевать свою популярность. К числу таких видов спорта можно отнести:

Рис. 1. Зимние виды спорта

- 1) скиджоринг (представляет собой вид зимнего спорта, когда спортсмен становится на лыжи, управляемые техникой);
- 2) брумбол (представляет собой командную игру, которая очень похожа в своем исполнении на хоккей, футбол и флорбол. Однако, здесь используется не клюшка, а метла; вместо шайбы используется мяч; вместо коньков используется специальная обувь на резиновой подошве);
- 3) сноускейт (представляет собой интеграцию двух видов спорта, таких как скейтборд и сноуборд. Данный вид зимнего спорта интересен тем, что он показывает сложные трюки на снегу);
- 4) сноукайтинг (вид зимнего спорта при котором используются кайт и сноуборд, которые позволяют передвигаться и совершать сложные спортивные элементы);
- 5) турбосанки (вид зимнего спорта, который предполагает, что участники спортивного соревнования используют надувные санки с большой скоростью передвижения. Соревнования могут проводиться по склонам и неровным местностям, что создает дополнительные препятствия и в тоже время увлекательность занятием данным видом спорта) и т.д. [7, с.99].

Появление новых видов зимнего спорта стимулирует интерес всех участников, привлекает к себе повышенное внимание и желание участвовать в спортивных мероприятиях.

Несмотря на стремление обеих стран к активному развитию зимних видов спорта в рамках инициативы «Один пояс, один путь» существуют определенные проблемы и барьеры на пути этого сотрудничества:

- 1) возможные конфликты и разногласия по поводу принятия решений в сфере спорта и его развития;
- 2) языковые барьеры;
- 3) влияние западных санкций;
- 4) культурные особенности и различия;
- 5) различия в идейных ценностях и политических взглядах;
- 6) неравномерность развития спортивного обмена по регионам и т.д. [8, с.62].

Следовательно, необходимо уделить пристальное внимание решению данных проблем в современных условиях и осуществить поиск эффективных направлений деятельности для их устранения. Это позволит расширить масштабы международного спортивного сотрудничества и определить возможные перспективы.

Для того, чтобы решить указанные проблемы, считаем, что необходимо провести работу по ряду направлений. К числу которых можно отнести:

- 1) укрепление официальных связей в рамках спортивной индустрии между Россией и Китаем;

- 2) осуществление спортивной пропаганды среди широких масс населения;
- 3) государственная поддержка спортивной индустрии (разработка спортивных программ, планов развития);
- 4) государственное финансирование спортивных мероприятий;
- 5) поощрение разработки спортивных проектов со стороны государства;
- 6) увеличение создания спортивных организаций и учреждений;
- 7) подготовка высококвалифицированных специалистов;
- 8) использование международного опыта в области спорта и его развития;
- 9) открытие новых направлений и видов зимних видов спорта;
- 10) создание необходимой инфраструктуры для занятия зимними видами спорта и т.д. [2, с.113].

Зимние виды спорта являются особенно привлекательными для России и Китая. Особую популярность в зимних видах спорта в последнее время получил хоккей. Активное взаимодействие было начато еще в 2010 году после подписания между Россией и Китаем договора о хоккейном сотрудничестве. С этого момента страны начали делиться опытом и разработками в хоккейном виде спорта. Кроме того, получил развитие детский хоккейный спорт. Стали проводиться международные турниры, соревнования и мероприятия, среди различных групп участников, начиная от детей в возрасте трех лет и заканчивая молодыми людьми старше сорока лет. Благодаря полюбившемуся многим виду спорта произошло сближение интересов, развитию дружественных отношений между двумя соседскими народами, наметились планы на дальнейшее сотрудничество в сфере спорта.

На Рис. 2 наглядным образом представлены основные российско-китайские спортивные мероприятия.

Таким образом, перечень проводимых российско-китайских спортивных мероприятий показывает широкий охват различных видов спорта, включая зимние виды спорта. Это способствует формированию и расширению спортивно-культурного обмена между двумя странами.

Важно отметить, что в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в области развития спортивной индустрии активно формируются культурные обмены, что способствует усилению взаимопонимания двух народов, повышению уровня их развития и культуры в целом, формирования общих интересов, создания новых перспектив для осуществления деятельности и т.д.

Под спортивной культурой следует понимать совокупность культурных ценностей, создаваемых в услови-

Рис. 2. Основные российско-китайские спортивные мероприятия

ях проявления социокультурной среды, которые приносят неоценимую помощь здоровью людей и повышению качества их жизни [9, с.8].

Развитие спорта, обмен спортивными событиями и коммуникациями между Россией и Китаем осуществляется в рамках гуманитарного обмена, под руководством спортивных организаций, которые проводят различные мероприятия. Примером успешного проведения спортивных мероприятий явилось проведение зимних молодежных спортивных игр в 2018 году в Уфе. Здесь состоялись спортивные соревнования по лыжным гонкам, фигурному катанию, хоккею, конькобежному спорту и т.д.

Развитие зимних видов спорта способствует укреплению и совершенствованию спортивной дипломатии между Россией и Китаем. Следует отметить, что до появления международной инициативы «Один пояс, один путь» развитие двусторонних отношений между Россией и Китаем существовали в рамках внутреннего дипломатического и культурного обмена, направленного на решение поставленных целей и задач. После принятия инициативы «Один пояс, один путь» развитие данных отношений вышло на новый глобальный уровень развития, что способствовало привлечению внимания мирового сообщества.

На сегодняшний день создана большая спортивная платформа для осуществления спортивной дипломатии на международном уровне не только между двумя

крупными державами, но и другими странами, ставшими участниками культурного и спортивного обмена в рамках проекта. Это расширило возможности и перспективы достижения положительных результатов в спорте и укрепления международного сотрудничества, развитию взаимопонимания и связей.

Важнейшими перспективами развития зимних видов спорта в рамках инициативы «Один пояс, один путь» с целью дальнейшего развития международного сотрудничества являются:

- 1) увеличение интереса к зимним видам спорта;
- 2) повышение уровня развития зимних видов спорта;
- 3) укрепление международного сотрудничества между странами;
- 4) повышение уровня спортивной культуры;
- 5) повышение уровня развития спортивной дипломатии;
- 6) стимулирование потребительского спроса и трансформация экономики;
- 7) расширение уровня проведения научных исследований в сфере спортивной индустрии;
- 8) формирование глобальной устойчивости стран на международном рынке и т.д. [6, с.4].

В данной статье разработаны рекомендации, направленных на повышение эффективности китайско-российского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в области зимних видов спорта и его развития, которые представлены на Рис. 3.

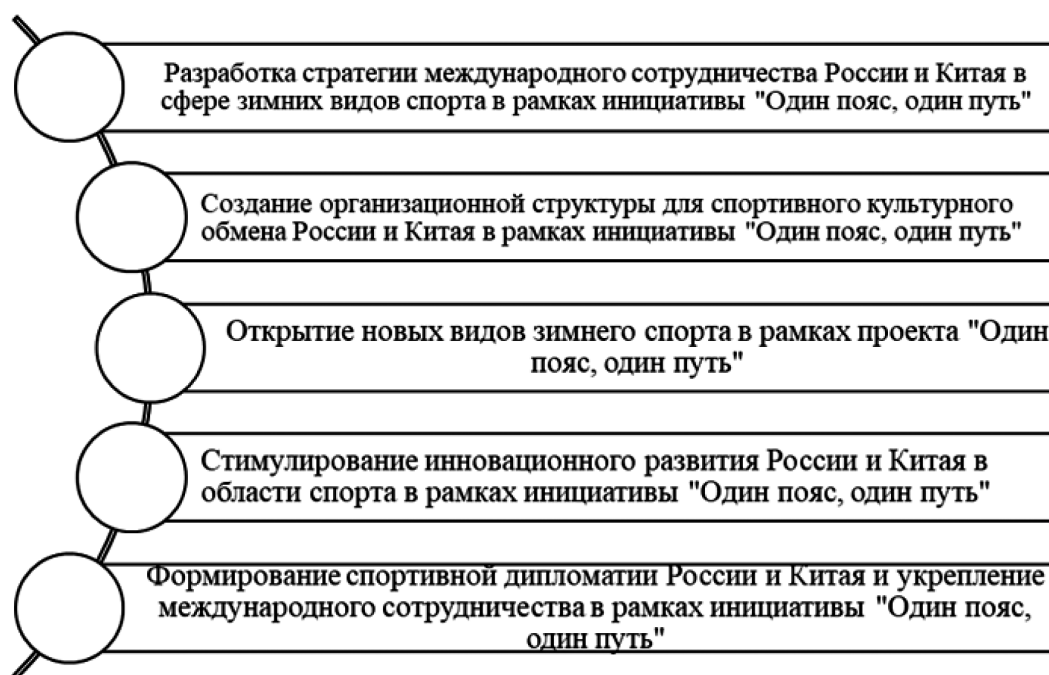

Рис. 3. Рекомендации, направленные на повышение эффективности китайско-российского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в области зимних видов спорта и его развития [Разработано автором]

Считаем, что разработанные рекомендации могут быть полезны при разработке политики управления в сфере спортивной индустрии на государственном уровне, а также на региональных уровнях развития спортивными организациями и учреждениями. Они помогут не только повысить эффективность китайско-российского сотрудничества в области спорта, но и способствовать его дальнейшему развитию.

Организация зимних видов спорта в рамках инициативы «Один пояс, один путь» несет в себе множество положительных эффектов таких как: способствует развитию российско-китайского сотрудничества, появлению новых видов зимнего спорта, поддержанию здоровья и здорового образа жизни, росту духовных и культурных ценностей, повышению эффективности коммуникационных обменов, улучшению качества жизни людей, развитию спортивной дипломатии между Россией и Китаем, укреплению дружеских и партнерских связей и т.д. Таким образом, проект «Один пояс, один путь» открывает новые возможности для развития зимних видов спорта для России и Китая, раскрытия творческого и спортив-

ного потенциала участников, преодоления преград и барьеров для всех его участников.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что в рамках международного проекта «Один пояс, один путь» зимние виды спорта и их развитие являются одним из наиболее эффективных инструментов для укрепления российско-китайских отношений, преодоления языковых барьеров и этнических различий, формирования единства и братства среди двух народов, а также укрепления доверия друг к другу. Зимние виды спорта создают базовую основу для подготовки талантливых и профессиональных спортсменов, формируют стремление для получения высоких результатов, развития новых видов спорта и участия в них молодежи. Следовательно, исследование темы укрепления российско-китайского международного сотрудничества на основе развития сферы спортивной индустрии имеет важное теоретическое и практическое значение для общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзыпу, Лю Дунлей, Чэнь Биньсинь. Теоретические исследования механизма спортивных обменов стран «Один пояс, один путь» // Журнал Пекинского спортивного университета. 2019. № 42(8). С. 76–88.
2. Ван Кай. Российско-китайское спортивное сотрудничество: анализ достижений, проблем и перспектив развития // Теории и проблемы политических исследований. 2022. № 3А. С. 113–121.
3. Лян Хаогуан, Ли Инцзе, Сун Цзяньюнь, Чжу Иньин. Исследование спортивного обмена и сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал столичного спортивного института. 2019. № 31(3). С. 195–200.

4. Мочалова Я.В., Голикова Ю.Б., Клейтман Е.В. Проблемы развития Белгородской области и пути их решения на современном этапе // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 6А. С. 266–277.
5. Хань Сяолан. Исследование спортивного обмена Китая и России [J]. Журнал спортивной Культуры. 2014. С. 12–15.
6. Чжао Лян, Сян Бин. Спортивная культурная идентичность и ценностный спрос «Экономического пояса Шелкового пути» // Современная спортивная наука и техника. 2015. № 5. С. 4–5
7. Чжан Сюйпин. Сравнение культур Китая и России с точки зрения теории культурных измерений // Чунцинские социальные науки. 2017. № 11. С. 99–104.
8. Чжан Ин. Строительство спортивной державы Китая и пути его реализации [М]. Пекин: Издательство китайской гидротехнической и водной электроэнергетики. 2019. С. 62–63.
9. Чэнь Ган. Стратегия международной передачи спортивной культуры Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал спортивной культуры. 2016. № 7. С. 8–11.
10. Чэнь Ган. Историческая миссия спорта в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и пути ее реализации // Журнал Чэнду спортивного института. 2019. № 45. С. 51–56.

© Хуан Хай (huanghai4500@163.com); Чжан Вэй (zhangwei-5688679@163.com); Ма Баофа (1099130054@qq.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПРИНЦИПЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ И СВОЕВРЕМЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ, В ЧАСТНОСТИ, ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ И ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА

ON THE PRINCIPLE OF TECHNOLOGICAL NEUTRALITY AND TIMELINESS OF REGULATION OF DIGITAL INNOVATIONS, IN PARTICULAR, DECENTRALIZED FINANCIAL AND CYCLICAL PROPERTY TURNOVER

M. Iontsev

Summary. The article considers the relevance and need for legal regulation of digital currencies in the context of the rapid development of the modern technological landscape. The problems of digital currencies, such as PTS and ETF, are accompanied by the uncertainty of the legal regime and potential risks to financial stability and the protection of the rights of consumers of financial services. The author analyzes the principle of technological neutrality as the main benchmark for creating effective legal regulation that can adapt to new innovations without the need for frequent changes in legislation. Particular attention is paid to balancing between supporting innovative technologies and stabilizing the economic environment. The conclusions of the article emphasize the need for international cooperation, in particular within the framework of the G20 and BRICS, and the unification of approaches to the legal regulation of digital currencies, as well as the formation of recommendations for the introduction of the principle of technological neutrality in national legal systems.

Keywords: distributed ledger, technological neutrality, regulation of digital currencies, regulation of digital rights, Gartner curve.

Ионцев Михаил Анатольевич

кандидат физико-математических наук,
РАНХиГС, г. Москва;

руководитель направления Центра
правового сопровождения цифровизации
на финансовом рынке (на правах Управления)
Юридического департамента Банка России, г. Москва
Mikhail.iontsev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и необходимость правового регулирования цифровых инноваций в условиях стремительного развития современного технологического ландшафта. Проблематика цифровых валют, таких как BTC и ETF, сопровождается неопределённостью правового режима и потенциальными рисками для финансовой стабильности и защиты прав потребителей финансовых услуг. Автор анализирует принцип технологической нейтральности как основной ориентир для создания эффективного правового регулирования, способного адаптироваться к новым инновациям без необходимости частого изменения законодательства. Особое внимание уделяется балансировке между поддержкой инновационных технологий и стабилизацией экономической среды. В выводах статьи подчеркивается необходимость международного сотрудничества, в частности в рамках G20 и БРИКС, и унификации подходов к правовому регулированию цифровых валют, а также формирование рекомендаций по внедрению принципа технологической нейтральности в национальные правовые системы.

Ключевые слова: распределённый реестр, технологическая нейтральность, регулирование цифровых валют, регулирование цифровых прав, кривая Гартнера.

Использование технологий в финансовом секторе — явление не новое [16], ведь финансовая сфера всегда была восприимчива к цифровым инновациям. В тоже время этот сектор строго регулируется в силу его экономической значимости и неотъемлемых рисков. Поэтому вопрос о своевременных и адекватных мерах регулирования цифровых инноваций и о способности участников сектора принимать во внимание новые изменения (учет перспектив) давно находится в центре внимания политиков и регулирующих органов (Регулирующий орган или регулятор — это организация,

занимающаяся разработкой и применением регуляторных требований в соответствии с правовой системой конкретной юрисдикции. Термины «надзорный орган» и «уполномоченный орган» употребляются как синонимы и означают орган или организацию, которые отвечают за выдачу разрешений, контроль за соблюдением требований и надзор за организациями, ведущими регулируемую деятельность. В зависимости от правовой системы некоторые надзорные органы могут также обладать определенными полномочиями по регулированию). Следует отметить, что слово «цифровой» возникло

не только в силу моды, но и отчасти из-за возникновения и распространения децентрализованных (пиринговых) информационных систем, децентрализации и демократизации доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связанной с появлением смартфонов.

Как представляется, цель регулирования оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов — обеспечение целостности финансового рынка за счет справедливого распределения ответственности и рисков между его участниками. Принципы регулирования могут позволить достигнуть этой цели в процессе возникновения новых цифровых технологий и избежать маятникового и непоследовательного регулирования.

К сожалению, приходится констатировать, что в практике Банка России наблюдаются признаки маятникового регулирования, например, оборота цифровых прав. Ярким примером является, во-первых, принятие Федерального закона № 221-ФЗ [1], в разработке которого принимал участие Банк России, которым предоставил возможность допуска иностранных цифровых прав для обращения в российских информационных системах в качестве цифровых финансовых активов. При этом в дальнейшем банком России было принято Указание № 7036-У[6], которое установило заградительные требования для всех ликвидных иностранных цифровых прав, таким образом, фактически запретив большинство иностранных цифровых прав. Следует отметить, что между принятием закона и указания не прошло даже одного года. Другим примером является пример мягкого регулирования, в частности, Информационное письмо Банка России от 29.02.2024 № ИН-018-34/17 «Об отдельных видах финансовых инструментов и цифровых финансовых активов», которое фактически запрещает использование любых объектов инвестирования, которые связаны с цифровыми валютами. Однако в марте 2025 года, то есть чуть более чем через год, Банк России публикует информацию о предложениях, направленных в Правительство Российской Федерации [30], часть из которых фактически полностью противоречит рекомендациям, изложенным в информационном письме. Таким образом, норма права то вводится, то через незначительный период времени отменяется. Вместе с тем названный подход к регламентации общественных отношений является недопустимым [26], поскольку нарушает вытекающий из Конституции Российской Федерации принцип доверия граждан к закону и действиям государства[7].

Причиной маятникового регулирования, как представляется, может быть отсутствие у регулятора полноценной стратегии и понимания развития гражданского оборота цифрового имущества. Именно потому рассмотрение проблематики регулирования децентрализованных финансов и гражданского оборота цифрового иму-

щества непосредственно связано с фундаментальным принципом, заложенным в основу регулирования цифровых инноваций, а именно принцип технологической нейтральности [12].

Этот принцип установлен пунктом 8 статьи 3 «Принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации» Закона об информации [2]. Принцип технологической нейтральности проявляется в следующих аспектах (Указанный принцип использует термин информационные технологии, при этом согласно подпункту 2 статьи 2 Закона об информации информационными технологиями понимаются не цифровые инновации, а «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»). Таким образом, принцип технологической нейтральности сформулирован не технологически нейтрально).

Во-первых, регулирование цифровых инноваций должно исходить не из регулирования цифровой инновации, а общественных отношений, связанных с ее разработкой и применением. Так, при становлении регулирования следует стремиться к установлению норм-предписаний, а не норм-определений. При этом следует отметить, что современные законы содержат определения использованных терминов. Сами эти определения выступают часто в качестве декларативных правовых норм, которые бывают двух типов. Рассмотрим ниже виды терминов, которые используются в сфере регулирования оборота цифрового имущества. Во-первых, определения юридических терминов, данные в федеральных законах, могут иметь общее значение, применяемое для любых федеральных законов. Во-вторых, в федеральном законе может содержаться определение термина с оговоркой, например, «для целей настоящего Федерального закона» или «в настоящем Федеральном законе». Это второй тип определения, которое имеет значение применительно к предмету регулирования только данного рассматриваемого федерального закона. В других федеральных законах этот термин может иметь иное смысловое содержание, и, соответственно, иное определение для целей именно данного федерального закона, например, понятие иностранных цифровых прав, которое содержится в части 8.1 статьи 1 Закона о ЦФА). Установление норм-определений безусловно может в некоторых случаях служить пользе, например, явно и узко определить объект, правоотношения по поводу которого являются предметом регулирования. Однако узкое и явное определение в сфере цифровых инноваций может сыграть злую шутку в правоприменении.

Ярким примером такого определения является понятие цифровой валюты, установленное частью 3 статьи 1 Закона о ЦФА [5]. Данное определение обладает безус-

ловно высокой точностью, и хоть и избыточно, но достаточно ясно описывает так называемые «нативные токены», то есть цифровые валюты, у которых нет эмитента, которые возникают автоматически в информационной системе на основе распределённого реестра.

Вместе с тем частью 5 статьи 14 закона о ЦФА установлен запрет на использование резидентам Российской Федерации цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги. Указанный запрет, хоть и обладает неэффективностью (что следует из докладов СФС, ФАТФ и БМР), но все же вводился с целью поддержания финансовой стабильности. Со временем на практике возник вопрос о возможности использования в качестве встречного предоставления так называемых «стейблкоинов», отличительной особенностью большинства которых является наличие эмитента, которые в дальнейшем были урегулированы как иностранные цифровые прав. Согласно букве закона стейблкоины не являются цифровыми валютами и не попадают под указанный выше запрет, в связи чем цель установления запрета, фактически нивелирована из-за узкого определения.

Удачным примером технологически нейтрального регулирования является опосредованное установление понятий в нормах, прямо не называя такие инновации, а лишь подчеркивая их особенные свойства. Например, в абзаце втором статьи 309 ГК РФ фактически раскрывается юридический признак смарт-контракта или самоисполняемых «сделок», однако, сам термин «смарт-контракт» в тексте закона не используется. Данный подход можно оценить, как вполне разумный, так как норма создается по итогу квалификации регулируемых отношений с точки зрения частного права и носит универсальный характер, то есть технически нейтральный, так как не связана с использованием конкретной технологии.

В то же время при обращении к тексту Пояснительной записки к проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [31], в соответствии с которым статья 309 ГК РФ была дополнена указанным абзацем вторым, мы можем увидеть использование термина «смарт-контракт» для пояснения сути внесенных дополнений.

В целом следует отметить, что особенностью законодательства большинства юрисдикций о цифровом имуществе и децентрализованных финансах является низкое качество норм-определений, их избыточность и непродуманность, подчас скалывается впечатление, что законодатель занимается не нормотворчеством, а составлением словарей. Одним из самых ярких примеров создания словарей в федеральных законах является

Закон о НПС [3]. К сожалению, научное осмысление новых терминов на момент принятия федерального закона не всегда можно признать удачным по причине того, что изменяется и развивается сама цифровая инновация, появляются новые технические термины, право традиционно не успевает за анализом цифровой действительности. Кроме того, юристы, не будучи специалистами в сфере цифровых инноваций (что от них и не требуется), могут не понимать отдельные технические нюансы и не учитывать их при попытке дать научное определение того или иного термина.[11]

Одним из путей выхода из сложившейся ситуации видится не разработка определений, а организация обсуждений о необходимости и целесообразности установки определений и обсуждение предопределений — «дежурных» определений, содержание которых будет развиваться и совершенствоваться со временем, но не в законе, а в доктрине, толковании.

Другой аспект принципа технологической нейтральности следует из буквального толкования нормы, которая в настоящее время содержится в Законе об информации. Какова регуляторная цель принципа технологической нейтральности? Как следует из пункта 8 статьи 3 Закона об информации принцип технологической нейтральности означает «недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами». Другими словами, не разрешается нормативными актами устанавливать преимущество применения одних технологий перед другими [13]. Рассмотрим проявление указанного принципа на примере систем учета ценных бумаг.

В начале XX века были документарные ценные бумаги, предусматривающие учет имущественных прав в виде текста на листе бумаги, имеющей строгий набор обязательных реквизитов. Следует заметить, что документарная ценная бумага рассматривалась как вещь. Это относится и к акциям, и к облигациям начала XX века. Учет имущественных прав в форме документарной ценной бумаги — это первая технология учета ценных бумаг.

Позднее в XX веке появляется еще одна технология учета ценных бумаг — бездокументарная. Появился новый вид ценных бумаг — бездокументарные ценные бумаги, которые являются виртуальными и не имеют такого о вещественного материального представления как документарные ценные бумаги. Бездокументарные ценные бумаги учитываются на лицевых счетах (счетах депо) у уполномоченного лица — депозитария. Бездо-

кументарная ценная бумага может быть продана или заложена путем обращения владельца ценной бумаги к депозитарию с заявлением о совершении соответствующей сделки. Депозитарий вносит соответствующие записи в реестр учета бездокументарных ценных бумаг, которые он ведет, после чего сделка считается совершенной. Доказательством существования прав на бездокументарную ценную бумагу является запись о правах на ценную бумагу, совершенная депозитарием в реестре бездокументарных ценных бумаг. [10]

Таким образом, можно видеть две разные технологии учета прав на ценные бумаги:

- 1) учет прав на листах бумаги, в которых отражена имущественные права, закрепленные в ценной бумаге — для документарных ценных бумаг;
- 2) учет прав уполномоченным 3-м лицом — депозитарием в реестре правообладателей — для бездокументарных ценных бумаг.

На сегодняшний день в статье 142 ГК РФ предусматривается сосуществование двух равнозначных технологий учета прав на ценные бумаги, соответствующих двум разновидностям ценных бумаг: документарные ценные бумаги и бездокументарные ценные бумаги. Ни одна из двух указанных технологий учета ценных бумаг не обладает какими-либо преимуществами согласно российскому законодательству, то есть не ущемляет в правах обладателей ценных бумаг, которые отдали предпочтение одной системе перед другой. Указанное свидетельствует о соблюдении в рассматриваемом контексте принципа технологической нейтральности для данных двух технологий учета ценных бумаг.

В тоже время на практике брокер, которые совершает в интересах своего клиента сделки с различными ценными бумагами, может, например, устанавливать повышенный комиссионный тариф для операций с документарными ценными бумагами. Является ли в данном случае данное действие брокера нарушением принципа технологической нейтральности? Ответа на этот вопрос нет, поскольку возникает необходимость толкования содержания и применения принципа технологической нейтральности. Официального толкования данного принципа нет, а неофициальное толкование может отражать только представления определенного толкователя о предмете толкования и в итоге может быть отклонено официальными государственными органами.

Однако следует предположить, что взимание повышенной комиссии в данном случае очевидно связано с компенсацией большего количества расходов, которые связаны с документарными ценными бумагами.

Однако в отношении цифровых прав, которые являются цифровыми ценными бумагами [8], было со-

вершено изъятие из принципа технологической нейтральности [9], что имеет как свои преимущества, так и недостатки. В частности, регулятор увидел отдельный рынок ценных бумаг, который не содержит массы ограничений, связанных с регулированием оборота бездокументарных ценных бумаг. Таким образом, ряд необоснованных ограничений на рынке бездокументарных ценных бумаг могут быть сняты, ввиду своей неэффективности, но только по итогам сравнительного анализа двух цифрового и бездокументарного сегментов рынка ценных бумаг. Недостатком изъятия из принципа технологической нейтральности является, например, неясность природы цифровых прав, а также режима их обращения, а также решение задач регулирования цифровых прав так будто они никогда ранее не рассматривались, хотя все необходимые упражнения уже были проделаны при регулировании оборота бездокументарных ценных бумаг. Само по себе название цифровые права по мнению автора является не вполне удачным, так как не отражает удостоверяющую природу нового способа фиксации имущественных прав.

Из указанного аспекта принципа технологической нейтральности вытекает правило применения сложившихся практик регулирования рисков и ответственности на рынке ценных бумаг к схожим отношениям в сфере регулирования оборота цифрового имущества [14]. Так, регулирование классического финансового рынка запрещает совершение недобросовестных действий, оказывающие неблагоприятное влияние на финансовую стабильность. Рассмотрим ниже наиболее распространенные виды указанных недобросовестных действий.

Во-первых, незаконное раскрытие существенной непубличной информации — раскрытие или «передача» инсайдерской информации, за исключением случаев крайней необходимости при соблюдении соответствующих условий, которое позволяет лицам, раскрывающим такую информацию, извлекать из нее выгоду и дает определенным участникам рынка несправедливое преимущество перед другими.

Во-вторых, осуществление инсайдерская торговля — торговли, осуществляемой на основе «внутренней» или существенной непубличной информации, которая создает несправедливое преимущество из-за привилегированного положения инсайдеров за счет других лиц.

В-третьих, манипулирование рынком — поведение, которое приводит к распространению ложной или вводящей в заблуждение информации о предложении финансового актива, спросе на него или его цене, или иным образом влияет на торговлю активом посредством любой другой формы обмана или уловки.

В силу принципа технологической нейтральности оборот цифрового имущества и цифровой сегмент фи-

нансового рынка должны регулироваться способом, обеспечивающим предотвращение таких же видов недобросовестных действий и манипулирования рынком, которые существуют на классических финансовых рынках. Как и на классическом финансовом рынке, отсутствие контроля за существенной непубличной информацией, которая может повлиять на поведение рынка, а также отсутствие ограничений в отношении ненадлежащего использования такой информации может привести к манипулированию рынком или инсайдерской торговле.

Ситуация может усугубляться вследствие трансграничного характера оборота цифрового имущества, например, когда конкретный вид цифрового имущества допущен к торгам на нескольких торговых площадках в разных юрисдикциях, что повышает риск регуляторного арбитража.

Таким образом, разумно возлагать обязанность на лицо, оказывающее услуги, связанные с цифровым имуществом, внедрения систем, политик и процедур, применимых к управлению существенной непубличной информацией, а также ограничения ненадлежащего использования такой информации. Данные системы, политики, процедуры и ограничения могут включать:

- процесс идентификации и классификации лицом, оказывающим услуги, связанные с цифровым имуществом, существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка (например, информация о заявках клиентов поставщиков услуг и планируемом допуске к торгам конкретного вида цифрового имущества);
- систему и механизмы контроля для ограничения доступа к существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка, контролируемым списком лиц на основе принципа служебной необходимости (например, посредством использования этических или информационных барьеров);
- обязанность осуществлять периодический пересмотр списка лиц, имеющих доступ к существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка;
- ограничения на предоставление и использование существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка, лицами, оказывающими услуги, связанные с цифровым имуществом;
- процессы мониторинга потенциальных нарушений систем, политик и процедур лиц, оказывающих услуги, связанные с цифровым имуществом, применимыми к существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка, включая процессы, облегчающие информирование о нарушениях, и сообщение о потенциальных нарушениях в регулирующие органы.

Третьим аспектом принципа технологической нейтральности является правило применения существующего регулирования к отношениям, которые хоть и изменили форму, но сохранили былое содержание. [18] Применение цифровых инноваций в финансовом секторе приводит к появлению продуктов, процессов и практических методов, которые порождают новые риски (связанные, например, с автоматизацией принятия решений, распределением ответственности и обязанностей). Помимо этих новых рисков, остаются и традиционные риски, присущие финансовому сектору (например, системный и операционные риски). Более того, в результате применения цифровых инноваций такие традиционные риски могут меняться (уменьшаться или увеличиваться) [22]. Для оценки новых или изменившихся рисков в условиях строгого регулирования требуется глубокое понимание технологий, используемых для предоставления инновационных продуктов и услуг. Зачастую не сразу можно понять, относится ли какой-либо продукт, процесс или услуга к регулируемому пространству. Если да, то не всегда ясно, как следует применять существующие требования, чтобы достигались цели регулирования и в то же время создавались условия для появления новых полезных продуктов, услуг и процессов. [16]

Развитие любых технологий, в том числе цифровых инноваций, имеет определенные закономерности. Так, обращаясь к кривой Гартнера, на которой демонстрируется динамика циклов общественного внимания к развитию цифровых инноваций, можно увидеть, что внимание общественности к развитию тех или иных инноваций проходит одинаковые циклы.

Кривая Гартнера размещается в системе двух координат. По оси ординат координат размещается шкала роста общественного интереса (ожидания) к определенной цифровой инновации, а по оси абсцисс откладывается время.

Сначала наблюдается стремительный рост общественного интереса к определенной цифровой инновации, который в определенный момент достигает своей максимальной точки (максимум положительных ожиданий). На данном цикле общественные ожидания от использования цифровой инновации завышены, а риски, связанные с указанной инновацией, недооценены [17]. Затем общественное внимание (ожидание) к цифровой технологии начинает снижаться и опускается до своей минимальной точки — (минимум положительных ожиданий), когда возможности использования недооценены, а риски наоборот — переоценены. Затем повторяется цикл роста общественного интереса к цифровой инновации, но в значительно более плавном виде. Это период восстановления общественного признания продуктивности определенной цифровой инновации.

Наконец, далее общественный интерес окончательно замедляет свой рост и выходит на плато принятия цифровой инновации. Именно с достижением этого цикла — плато, связывается баланс развития определенной цифровой технологии и адекватной оценки, как возможностей, так и рисков, связанных с использованием цифровой инновации. [19]

Какое значение имеет кривая Гартнера для правового регулирования децентрализованных финансов и оборота цифрового имущества? Правовое регулирование децентрализованных финансов необходимо осуществлять только по итогам накопления необходимой практики как среди участников гражданского оборота, так и практики рассмотрения споров, связанных с оборотом цифрового имущества и децентрализованными финансами. На кривой Гартнера этот период обозначен как плато продуктивности [20]. Пока децентрализованные финансы находятся в цикле роста общественных ожиданий внедрение любого регулирования сопряжено с рисками установления регулирования, которое будет либо учитывать несущественные риски, либо упускать значимые, ввиду чего на уровне регулирования будут отменяться императивные нормы, устанавливающие адекватные ограничения и условия, связанные с использованием цифровой инновации, либо устанавливаться необоснованные запреты и ограничения. [29]

Ярким примером неадекватной оценки рисков и установления неразумных запретов является регулирование, принятое в Европейском Союзе, а именно Регламент MiCA [32], принятый в момент пониженного общественного интереса (восприятия) к децентрализованным финансам и обороту цифрового имущества и, как следствие, переоценивший угрозы и риски, связанные с применением цифрового имущества в качестве средства платежа [23]. В результате бизнес-структуры стали менять свою привязку и уходить из юрисдикции Европейского Союза, поскольку столкнулись с рисками возможных юридических ограничений для развития технологического бизнеса. Общественную реакцию указанное правовое регулирование можно оценить как резко отрицательную.

Таким образом, при переоценке рисков цифровой инновации законодатель принимает запретительные и ограничительные нормы, поскольку переоценивает связанные с ней риски и недооценивает преимущества данной цифровой технологии. [25] При этом при переоценке возможностей и недооценке рисков снимаются ограничения и необходимые запреты, которые приводят к реализации рисков, и как следствие, утрате доверия к цифровой инновации. Оба варианта видятся крайними и несущими отрицательные последствия для правового регулирования цифровой инновации [24].

Содержание принципа технологической нейтральности, вкладываемый международной практикой [28] сводится к тому, что цифровая инновация должна регулироваться при наличии достаточной для этого устоявшейся практики ее использования. При этом объектом правового регулирования являются общественные отношения, связанные с разработкой и применением цифровой инновации. Любой запрет использования цифровой инновации на начальном этапе, в отсутствие практики, будет означать нарушение принципа технологической нейтральности, поскольку речь идет о свободе выбора для разработки и использования определенной цифровой технологии. [27]

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Федеральный принят Закон об ЭПР [4], положения которого, устанавливают механизм регулирования экспериментальных правовых режимов, связанных с применением цифровых инноваций. Положения данного закона создают необходимые условия для регулирования гражданского оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов, а также позволяют сформировать правоприменительную практику и выявить риски, связанные с использованием указанных технологий, которые могут потребовать дополнительного урегулирования.

Дополнительно следует отметить, что в рамках исполнения задачи 5 подраздела 3.3 Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации [33] в целях устранения правовых барьеров для внедрения цифровых инноваций на финансовом рынке Банк России осуществляет деятельность по обеспечению функционирования регулятивной песочницы, в рамках которой рассматриваются инициативы физических и юридических лиц по созданию благоприятных нормативно-правовых условий для разработки, внедрения и использования различных технологий.

Представляется, что Закон об ЭПР может позволить корректно апробировать снятие и установление ограничений, связанных с оборотом цифрового имущества, при этом не нанося урона сфере децентрализованных финансов, и не создавая маятникового регулирования. Другим аспектом принципа технологической нейтральности является минимизация законодательных изменений и разработка таких положений о регулировании цифровых инноваций, которые позволяли бы регулировать только особенности, присущие именно такой инновации. Принцип технологической нейтральности характерен не только для российского права, он присутствует и в правовых порядках других стран. Надо заметить, что значение данного принципа возрастает в последнее время с развитием современных цифровых инноваций. [15]

Например, еще в 2001 г. в отчете Ламфалусси был сделан вывод о том, что регуляторная система Европей-

ского Союза на тот момент была «слишком медленной» и «недостаточно гибкой, чтобы своевременно реагировать на изменения рыночных условий» [21]. В соответствии с рекомендациями указанного отчета со временем система регулирования финансовых услуг Европейского Союза была реформирована — в частности, была повышена гибкость и ускорена адаптация к изменениям [25].

Однако следует учесть, что в последнее время наблюдается существенный прогресс в сфере новых технологий и небывалое ускорение цифровой трансформации. В кратчайшие сроки кардинально изменились доступные технологии, потенциал их дальнейшего развития и возможности их применения для разработки новых продуктов, процессов и бизнес-моделей [16]. При этом инновации в сфере оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов привели к дальнейшему усложнению финансовой системы и породили новые проблемы.

В этой сложной среде приоритетом для регуляторов становится разработка новых методов выявления, мониторинга и реагирования на изменения динамики финансовой системы. К таким методам, например, относится дальнейшая автоматизация принятия решений и перераспределение рыночной власти. Правительства разных стран реагируют на развитие оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов различными способами — от запрета определенных видов деятель-

ности или продуктов в этой сфере до разъяснений, как существующая регуляторная среда будет применяться к обороту цифрового имущества и децентрализованным финансам, без изменения существующей нормативно-правовой базы [20].

Принцип технологической нейтральности приобретает особое значение в условиях стремительного развития децентрализованных финансов и цифровых инноваций на финансовом рынке. Этот принцип позволяет законодателю и регулятору формулировать нормы, которые сохраняют свою актуальность независимо от появления новых технологических решений. Благодаря технологической нейтральности создаётся гибкая правовая среда, способствующая инновациям и конкурентоспособности, но одновременно поддерживающая прозрачность, справедливость и защиту прав участников рынка. Отказ от излишне детализированных технических требований позволяет правилам регулирования оставаться универсальными и адаптируемыми, что особенно важно в сфере, где технологии и бизнес-модели быстро эволюционируют. В конечном счёте, реализация принципа технологической нейтральности становится неотъемлемым условием эффективного правового регулирования децентрализованных финансовых инструментов, обеспечивая баланс между современными вызовами и необходимостью сохранения стабильности финансовой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Указание Банка России от 26.05.2025 № 7036-У «О дополнительных требованиях к иностранным цифровым правам, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав».
7. Письмо Минфина России от 04.08.2023 N 03-07-11/73705
8. Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. N 1. С. 10–13.
9. Новоселова Л.А., Габов А.В., Генкин А.А., Сарбаш С.В., Асосков А.В., Янковский Р.М., Журавлев А.С. [и др.] Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. N 5. С. 31–54.
10. Ahern, D.M., Regulators Nurturing FinTech Innovation: Global Evolution of the Regulatory Sandbox as Opportunity Based Regulation, March 2020. European Banking Institute Working Paper Series — No. 60.
11. Allen, H.J., Regulatory Sandboxes, June 2019, George Washington Law Review Vol. 87, pp. 579–645.
12. Artinger, F., S. Artinger and G. Gigerenzer (2019), «C.Y.A.: Frequency and causes of defensive decisions in public administration», Business Research, Vol. 12/1, pp. 9–25, <https://doi.org/10.1007/s40685-018-0074-2>
13. Ashby, M. (2020), «Ethical regulators and super-ethical systems», Systems, Vol. 8/4, pp. 1–35, <https://doi.org/10.3390/systems8040053>
14. Ayres, I. and J. Braithwaite (2016), «Responsive regulation: Transcending the deregulation debate», in Lodge, M., E. Page and S. Balla (eds.), The Oxford Handbook of Classics in Public Policy and Administration, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199646135.013.40>.
15. Bromberg, L., Godwin, A., Ramsay, I., Fintech Sandboxes: Achieving a Balance Between Regulation and Innovation, December 2017, Journal of Banking and Finance Law and Practice Vol.28, No. 4, 2017, pp. 314–336
16. Brummer, Ch., Yadav, Y., Fintech and the Innovation Trilemma, October 2017, 107 Georgetown Law Journal 235, 2019, Vanderbilt Law Research Paper No. 17–46, Georgetown Law and Economics Research Paper No. 11–23

17. Buckley, R., Arner, D., Veidt, R., Zetzsche, D., Building FinTech Ecosystems: Regulatory Sandboxes, Innovation Hubs and Beyond, November 2019. University of Luxembourg Law Working Paper No. 2019-010, European Banking Institute Working Paper Series 2019 No. 53, UNSW Law Research Paper No. 19-72, University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2019/100, Washington University Journal of Law and Policy, Vol. 61, 2020.
18. D'Alberty, M. (1989), «Le sorti del lavoro pubblico», in Angeli, F. (ed.), Ripensare il sindacato.
19. de Koker, L., Morris, N., Jaffer, S., Regulating Financial Services in an Era of Technological Disruption, Law in Context, February 2020, Vol. 36, No 2, pp. 90–112.
20. Ehrentraud, J., Garcia Ocampo, D., Garzoni, L., Piccolo, M., Bank for International Settlements, Financial Stability Institute, Policy responses to FinTech: a cross-country overview, FSI Insights on policy implementation No. 23, January 2020
21. Final Report of the Committee of Wise Men on the Regulation of the European Securities Markets, February 2001, Brussels.
22. Hodges, C. (2022), Outcome-Based Cooperation: In Communities, Business, Regulation, and Dispute Resolution, Hart Publishing, <https://www.bloomsbury.com/uk/outcomebased-cooperation-9781509962525>.
23. Jenik, I., Lauer, K., Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion, CGAP Working Paper, October 2017.
24. Kahneman, D., O. Sibony and C. Sunstein (2021), Noise: a flaw in human judgment, Little, Brown Spark.
25. Lim, B., Low, Ch., Regulaory Sandboxes, in: Madir, J. (ed.), Fintech: Law and Regulation, September 2019, Elgar Financial Law and Practice series.
26. OECD (2024), OECD Survey on Drivers of Trust in Public Institutions — 2024 Results: Building Trust in a Complex Policy Environment, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9a20554b-en>.
27. Omarova, S.T., Technology v. Technocracy: FinTech as a Regulatory Challenge, March 2020, Journal of Financial Regulation, Vol. 6/1, pp. 75–124.
28. Witz, D., Sandbox Games for RegTech, in: Barberis, J., Douglas A., Buckley, R. (eds.), The REGTECH Book: The Financial Technology Handbook for Investors, Entrepreneurs and Visionaries in Regulation, John Wiley & Sons, Incorporated, 2019.
29. Zetzsche, D., Buckley, R., Arner, D. and Barberis, J., Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation, August 2017, Fordham Journal of Corporate and Financial Law, Vol. 23, pp. 31–103.
30. <http://www.cbr.ru/press/event/?id=23448> (дата обращения — 20.05.2025 года).
31. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>
32. <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=225>
33. http://www.cbr.ru/content/document/file/165924/onrfr_2025_2027.pdf.

© Ионцев Михаил Анатольевич (Mikhail.iontsev@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ДОГОВОРЕ НОМИНАЛЬНОГО СЧЕТА В ЦИФРОВОМ СЕГМЕНТЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

ON THE NOMINAL ACCOUNT AGREEMENT IN THE DIGITAL SEGMENT OF THE FINANCIAL MARKET

M. Iontsev

Summary. The paper discusses the legal architecture of the digital segment of the financial market. The author illustrates the historical connection between intermediary and banking transactions, thanks to which between the subjects of deposit agreements, loans and accounts fiduciary elements of relations, which are clearly manifested in intermediary agreements, both actual and legal mediation (direct agency, commission). The article deals with relations between token issue operators and users, token exchange operators and users, features of the design of the nominal account agreement, relations between crowdfunding entities and the operator of the investment platform, as well as relations between the participant and the operator of the digital ruble platform. The author concludes that the contractual relationship of actual mediation is popular, which have not yet found proper systemic regulation at the level of federal legislation.

Keywords: tokens, digital financial assets, low-volatile digital currencies, digital currencies, stablecoins, distributed ledger.

Ионцев Михаил Анатольевич

кандидат физико-математических наук,

РАНХиГС, г. Москва;

руководитель направления Центра

правового сопровождения цифровизации

на финансовом рынке (на правах Управления)

Юридического департамента Банка России, г. Москва

Mikhail.iontsev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается правовая архитектура цифрового сегмента финансового рынка. Автор иллюстрирует историческую связь между посредническими и банковскими сделками, благодаря которой между субъектами договоров вклада, займа и счета сохраняются фидуциарные элементы отношений, которые ярко проявляются в посреднических договорах, как фактического, так и юридического посредничества (поручения, комиссии). В статье рассматриваются отношения между операторами выпуска ЦФА и пользователями, операторами обмена ЦФА и пользователями, особенности конструкции договора номинального счета, отношения между субъектами краудфандинга и оператором инвестиционной платформы, а также отношения между участником и оператором платформы цифрового рубля. Автор приходит к выводу о популярности договорных отношений фактического посредничества, которые до сих пор не нашли должного системного регулирования на уровне федерального законодательства.

Ключевые слова: банковские договоры, юридическое посредничество, фактическое посредничество, посредничество на рынке цифровых прав, посреднические отношения на платформе цифрового рубля.

Исторические особенности происхождения банковских договоров

Как уже отмечалось выше в статье, автор находит много общего между банковскими сделками: договором вклада, кредита, счета и посредническими. Данная гипотеза подтверждается историческими исследованиями, в связи с этим необходимо привести ретроспективу эволюции банковских и посреднических договоров и указать, что они оба происходят из договора хранения в римском праве. Их генетическая связь позволит нам фокусироваться не только на различиях между ними, которые широко и хорошо известны, так как являются предметами самостоятельного изучения большинства исследователей, но преимущественно на сходствах, которые есть между этими, на первый взгляд, совершенно разными договорными группами.

В римском праве договор *fiducia cum amico* (корни которого уходят в архаическое римское право [17]) яв-

лялся основанием для возникновения обязательств по хранению. Как указывается в отечественной доктрине [12], фидуциарий должен был хранить полученную от фидуцианта вещь и затем вернуть ее. Этот же договор оформлял и отношения поручения и фактического посредничества, а также отношения по удовлетворению других потребностей, лишенных в тот ранний период собственных правовых форм (ссуды и найма с возникновением на стороне фидуциария обязанности вернуть вещь фидуцианту). При этом указывается, что дружба, сыграв ведущую роль в становлении субъектов права, становится правовым институтом и предпосылкой для правоотношений, построенных на *fides*, основой ряда сделок «доброй совести» (*bonae fidei*).

Взаимное признание, оформленное в виде дружбы (*amicitia*) или гостеприимства (*hospitium*), указывает Д.В. Дождев, способствовало преодолению зависимости от групповых форм жизни, формированию самооценности отдельной личности, появлению в гражданском обороте свободного лица и становлению самой сферы соци-

альных связей — правового общения. Дружба — первая форма осознания самоценности отдельной личности, индивидуальных интересов и взаимного признания на основе принципа равенства сторон и эквивалентности предоставлений. Современные исследователи также уточняют [13], что к договорам данной группы в свое время относились — контракты ссуды, поклажи, поручения, а также опека и ведение чужих дел без поручения (позже классифицированные как квази-контракты). В отечественной доктрине отмечается, что общим между всеми этими видами сделок является их фидуциарный характер [10].

В отечественной доктрине прямо указывается о том, что договор банковского вклада исторически развивается как специальный вид договора хранения, когда на хранение отдается не индивидуально-определённые вещи, а родовые притом взаимозаменяемые [16]. Именно эта природа вещей позволяет не только хранить вещи, но и предоставлять их в рост, то есть под проценты. При этом при «потреблении» эти вещи не исчезают, а просто переходят от одного лица другому. Фактически, предметом в узком понимании договора вклада может быть то, что в экономике называется деньгами или играет одновременно функции денег, то есть может быть как средством обмена, так и средством платежа. Как отмечается в отечественной доктрине [14], «со временем из договора вклада выделяется договор кредита, который зеркален ему и лишь отличается тем, что заемщиком теперь является не банк (хранитель или депозитарий), а любое третье лицо».

Договор банковского счета сам по себе тоже является производной договора вклад — в литературе указывается следующее: «Появление договора банковского счета (*sui generis*), по всей видимости, явилось результатом развития договора банковского вклада (депозита) путем обогащения его содержания за счет обязанностей банка по осуществлению все новых и новых банковских операций и сделок по поручениям вкладчиков, направленных на обслуживание последних. На особый характер операций, выполняемых банком по поручению клиента, чей вклад внесен на текущий счет, указывал и Г.Ф. Шершеневич, который, как и П.П. Цитович, полагал, что вклады на текущий счет составляют отдельный подвид бессрочных вкладов» [9].

Таким образом, договор хранения в римском праве является прародителем как договора депозита (вклада), так и поручения. Фактическое посредничество и виды юридического посредничества со временем выделяют из вышеописанных договорных моделей.

Например, договор банковского счета. Так, статья L132-1 ФГК прямо указывает, что комиссионером является посредник, который действует от своего имени в ин-

тересах хозяина дела, в том числе в тех случаях, когда оно ведет реестры или счета.

Родство банковских и посреднических договоров дает о себе знать и в специальном законодательстве. Например, согласно статье 1 Закона СССР от 11.12.1990 № 1829-1 «О банках и банковской деятельности» банком является учреждение, созданное для привлечения денежных средств и размещения их от своего имени на условиях возвратности, платности и срочности. Как видно из формулировки статьи в нем содержится указание на то, что банк действует от своего имени, хотя и привлекает денежные средства своих клиентов. Данное определение намекает на комиссионную модель банковских сделок. Определение банка, которое содержится в абзаце 2 статьи 1 Федерального закона от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности», также сохраняет этот элемент, а именно: банк — кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств **от своего имени** и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

Квалификация договорных отношений между сторонами договора номинального счета

Договор номинального счета представляется собой своеобразную матрешку, где в один договор банковского счета вложен второй. Так, между банком и владельцем номинального счета складываются «привычные отношения» банковского счета, однако они в интересах третьих лиц — бенефициара. То есть владелец номинального счета осуществляет распоряжение требованиями к банку в интересах бенефициаров. При этом между владельцем номинального счета и бенефициарами складываются также отношения напоминающие отношения банковского счета, где владелец счета — «банк», а бенефициары — «обычные клиенты» [15].

Иначе взглянув на этот договор, можно вспомнить о комитенте, который также не раскрывается при совершении сделок с комиссионером, то есть комиссионер является своего рода номинальным владельцем того имущества, которым он распоряжается в интересах комитента [8].

Следует отметить, что в договоре комиссии посредник тоже является номинальным собственником имущества, которым он распоряжается: все третьи лица воспринимают его как собственника товара, но право собственности в отношениях между хозяином дела (комитентом) и посредником (комиссионером) все равно остается за хозяином дела. Именно в этом состоит но-

минальность.[7] В договоре номинального счета наблюдается именно эта природа номинальности, так как владелец счета является лишь номинальным владельцем денежных средств, ведь ГК РФ прямо говорит, что имущественные права принадлежат бенефициарам, хотя владелец счета и имеет право распоряжаться этим имуществом, кстати, только в интересах бенефициаров [11].

Таким образом, отношения между владельцем номинального счета и бенефициарами должны регулироваться также посредническими договорами в той части, в которой они не урегулированы специальными положениями о договоре номинального счета и договоре банковского счета.

На первый взгляд в модели номинального счета, в которой бенефициар не является стороной, у бенефициара имеются только права на денежные средства, учитываемые на номинальном счете. Такие имущественные права бенефициара обладают обязательственной природой, так как выражаются в праве требования от владельца номинального счета совершения определенных действий, связанных с учетом прав бенефициара на денежные средства [19]. Основанием возникновения обязательств по общему правилу являются договоры, деликты, а также квазидоговоры.

В вышеуказанном случае основание возникновения обязательства может являться договор. Однако ГК РФ молчит о необходимости заключения такой сделки, а также не указывают на ее существенные условия. Как представляется именно в договоре между бенефициаром и владельцем номинального счета должны раскрываться все особенности, связанные с посредничеством, которое осуществляет владелец при управлении денежными средствами бенефициаров.[15] Так, права бенефициаров на денежные требования, учитываемые на номинальном счете, возникают на основании обязательственной сделки между владельцем и бенефициарами, которая регламентирует отношения между владельцем и бенефициарами, а также распорядительной сделки, а именно зачисления бенефициаром на номинальный счет денежных средств.

Электронные денежные средства представляют из себя также требования клиентов к операторам электронных денежных средств (далее — ЭДС)[20], основанием возникновения которых также является заключение обязательственной сделки с оператором ЭДС, а также распорядительной — перечисление на банковский счет оператора ЭДС денежных средств или передача ему наличных денежных средств. Таким образом, с точки зрения частного права бенефициаров на денежные средства по номинальному счету и ЭДС обладают одинаковой природой.

Вместе с тем между правами бенефициаров и ЭДС клиентов существует ряд существенных отличий, установленных Законом о НПС, которые во многом зависят от видов электронных средств платежа, которые используются клиентами, что раскрывается в Информационном письме Банка России от 26.10.2021 № ИН-04-45/84 «О предоставлении клиентам — физическим лицам информации об использовании электронных денежных средств клиентами — физическими лицами».

Об операторах электронных платформ как владельцах номинального счета

Основанием возникновения обязательственных имущественных прав бенефициаров в отношении денежных средств, учитываемых на номинальном счете владельца, по общему правилу может быть договор, деликт или квазидоговоры. Очевидно, что причинения вреда в настоящем случае не происходит, в связи с этим деликты следует исключить и перечня возможных оснований. С квазидоговорами — сложнее, однако и такая модель регулирования отношений не подходит, так как в квазидоговорах отсутствует волеизъявление сторон, при этом зачисление денежных средств бенефициара на номинальный счет очевидно является волевым действием, а именно распорядительной сделкой.

В вышеуказанном случае основание возникновения обязательства может являться очевидно договор. Однако ГК РФ молчит о необходимости заключения такой сделки, а также не указывают на ее существенные условия. Как представляется именно в договоре между бенефициаром и владельцем номинального счета должны раскрываться все особенности, связанные с посредничеством, которое осуществляет владелец при управлении денежными средствами бенефициаров.

Рассмотрим номинальные счета, которые заключаются в цифровом сегменте финансового рынка. Так, в цифровом сегменте финансового рынка действуют следующие виды операторов: оператор финансовой платформы (далее — ОФП), оператор инвестиционной платформы (далее — ОИП), оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (далее — ОИС ЦФА) и оператор обмена ЦФА. При этом к операторам электронной платформы, на которых распространяются требования статьи 14.3 Закона НПС как к владельцам номинального счета не отнесен ОИП.[18]

Следует отметить, что в пояснительной записке к проекту федерального закона № 138674-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования оборота цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав» и в редакции указанного проекта федерального

закона в первом чтении ОИП являлись операторами электронных платформ (далее — ОЭП), но в дальнейшем во втором чтении были исключены из их перечня. Причины такого исключения — туманность, учитывая совершенно полную аналогию архитектуру отношений между участниками и пользователями финансового рынка между ОИП и его участниками, а также иными операторами и их пользователями. Однако последствия весьма существенны, так как за ОИП не осуществляется надзор в порядке, предусмотренном Законом о НПС [4].

Основными обязанностями посредника, составляющими содержание его предоставления в рамках посреднического договора, являются: исполнение поручений в интересах хозяина дела и информирование о порядке и ходе исполнения поручения, а правами: требование о компенсации расходов и уплаты вознаграждения по итогам исполнения поручения.

Так, в отношении ОЭП законодатель предусматривает в части 7 статьи 14.3 Закона о НПС обязанность исполнять поручения бенефициаров по номинальному счету и отчитываться о порядке исполнения указанных поручений. При этом правилами электронной платформы должны быть предусмотрены, во-первых, порядок составления, направления, приема к исполнению, исполнения поручений бенефициаров, во-вторых, порядок уведомления бенефициаров об исполнении их поручений. Следует отметить, что указанные правила являются договором, регламентирующим отношения между ОЭП и бенефициарами, что следует из совокупного толкования пункта 37 статьи 2 Закона о НПС и отдельных положений федеральных законов, которые регулируют отношения соответствующих операторов.

Также в отношении ОИП предусмотрены аналогичные положения. Так, обязанность информировать бенефициаров (инвесторов) о порядке исполнения поручения установлена частью 11 статьи 13 Закона о краудфандинге [2]. Также законодатель косвенно указывает на то, что отношения между бенефициаром и владельцем номинального счета регулируются правилами инвестиционной платформы, в частности, указанное следует из части 21 статьи 13 Закона о краудфандинге.

Рассмотрим далее режим номинальных счетов, предусмотренный для отдельных видов операторов. Режим номинального счета фактически является закрытым перечнем видов поручений, которые может давать бенефициар оператору, а также способом определения дискреции владельца номинального счета при распоряжении денежными средствами, права на которые принадлежат бенефициару. Частью 4 статьи 6 Закона о финансовых платформах [3], частью 10 статьи 13 Закона о краудфандинге, а также частью 4 статьи 14.3 Закона о НПС предусматривается исчерпывающий перечень

допустимых к совершению операций по специальному (номинальному) счету.

С учетом того, что частью 10 статьи 13 Закона о краудфандинге, частью 4 статьи 14.3 Закона о НПС предусматривается, что операции по указанному счету совершаются по указанию (распоряжению) операторов (инвестиционной и электронной платформы), автор статьи полагает, что указанные нормы, в первую очередь, адресованы им. В этой связи направление операторами указаний (распоряжений) на осуществление операций по специальному (номинальному) счету, не предусмотренных вышеуказанными нормами, не соответствует законодательно установленному режиму соответствующего счета.

Одновременно следует обратить внимание, что в силу части 15 статьи 14.3 Закона о НПС требования, предусмотренные указанной статьей, не распространяются на операторов электронных платформ, являющихся кредитными организациями.

Об обязанности банка контролировать правомерность поручений владельца номинального счета

Как следует из пункта 1 статьи 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету. В соответствии с пунктом 1 статьи 848 ГК РФ банк обязан совершать для клиента операции, предусмотренные для счетов данного вида законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями, если договором банковского счета не предусмотрено иное. Одновременно в силу пункта 4.1 Инструкции № 204-И [6] операции по счетам соответствующего вида (режим счета) регулируются законодательством Российской Федерации и (или) договором между банком и клиентом.

Согласно пункту 1 статьи 860 ГК РФ [1] общие положения о банковском счете применяются к отдельным видам банковских счетов, (совместный счет, номинальный счет, публичный депозитный счет и иные виды банковских счетов, предусмотренных законом), если правилами об этих видах банковских счетов, предусмотренными главой 45 ГК РФ и иными законами, не установлено иное. В силу пункта 3 статьи 860.1 ГК РФ законом или договором номинального счета с участием бенефициара на банк может быть возложена обязанность контролировать использование владельцем счета денежных средств в интересах бенефициара в пределах и в порядке, которые предусмотрены законом или договором.

Статьей 860.3 ГК РФ предусматривается, что законом или договором номинального счета может быть ограничен круг операций, которые могут совершаться по указанию владельца счета, в том числе путем определения: 1) лиц, которым могут перечисляться или выдаваться денежные средства; 2) лиц, с согласия которых совершаются операции по счету; 3) документов, являющихся основанием совершения операций; 4) иных обстоятельств.

Согласно части 4 статьи 8 Закона о НПС при приеме к исполнению распоряжения клиента оператор по переводу денежных средств обязан удостовериться в праве клиента распоряжаться денежными средствами, проверить реквизиты перевода, достаточность денежных средств для исполнения распоряжения клиента, а также выполнить иные процедуры приема к исполнению распоряжений клиентов, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 1.8 Положения № 762-П[5] кредитные организации утверждают внутренние документы, содержащие: порядок составления распоряжений; порядок выполнения процедур приема к исполнению, отзыва, возврата (аннулирования) распоряжений; порядок исполнения распоряжений; иные положения об организации деятельности кредитных организаций по осуществлению перевода денежных средств.

Процедуры приема к исполнению распоряжений предусмотрены пунктом 2.1 Положения № 762-П. При этом в силу пункта 2.2 указанного положения банки могут дополнительно устанавливать, в том числе в договорах, иные процедуры приема к исполнению распоряжений, в том числе процедуру контроля дублирования распоряжений. При указании в распоряжении, требующем выполнения условий перевода, признака условий перевода банк осуществляет контроль выполнения условий перевода в порядке, установленном договором.

Одновременно согласно пункту 2.3 Положения № 762-П порядок выполнения процедур приема к исполнению, отзыва, возврата (аннулирования) распоряжений, в том числе распоряжений на общую сумму, устанавливается кредитными организациями с учетом требований указанного положения и доводится до клиентов, взыскателей средств, кредитных организаций в договорах, документах, разъясняющих порядок выполнения процедур приема к исполнению, отзыва, возврата (аннулирования) распоряжений, а также путем размещения информации в местах обслуживания клиентов.

Процедуры исполнения распоряжений предусмотрены пунктом 4.1 Положения № 762-П. При этом согласно пункту 4.2 указанного Положения банки могут дополнительно устанавливать, в том числе в договорах, иные процедуры исполнения распоряжений, включая

порядок уточнения реквизитов распоряжений, возврата денежных средств, которые не могут быть зачислены (выданы) получателю средств, а также исполнения распоряжений, включенных в распоряжения на общую сумму, в том числе частичного исполнения распоряжений.

Одновременно согласно пункту 4.3 Положения № 762-П порядок выполнения процедур исполнения распоряжений, в том числе распоряжений на общую сумму, устанавливается кредитными организациями и доводится до клиентов, взыскателей средств, кредитных организаций в договорах, документах, разъясняющих порядок выполнения процедур исполнения распоряжений, а также путем размещения информации в местах обслуживания клиентов.

Таким образом, кредитная организация, в которой открыт номинальный счет может взять на себя обязанность, напаренную на проверку правомерности совершения операций по номинальному счету, однако прямо федеральным законодательством такая обязанность не предусмотрена. Таким образом можно констатировать общее правило, согласно которому, кредитная организация не несет ответственность за соблюдение режима счета оператором.

В отношении возможности применения надзорных мер в отношении кредитной организации следует отметить следующее. Ни Закон о ФП, ни Закон о ЦФА, ни закон о краудфандинге, ни Закон о НПС не содержат норм, прямо возлагающих на кредитные организации обязанность по контролю за соблюдением режима номинального счета (как, например, это определено в пункте 4 части 1 статьи 8.5 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»), за нарушение которой определено можно было бы применить меру к кредитной организации в рамках надзорных полномочий. Кроме того, указанными законами предусмотрены специальные полномочия Банка России по осуществлению надзора (контроля) за соблюдением их требований операторами финансовых (инвестиционных) платформ (подпункт 3 части 1 статьи 17 закон о ФП, пункт 3 части 1 статьи 16 Закон о краудфандинге), но не установлены полномочия Банка России по осуществлению надзора за соблюдением кредитными организациями требований данных законов (как, например, это определено в части 4 статьи 8.2 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»).

Из системного толкования выше приведенных норм также следует, что в каждом случае при разрешении вопроса о возможности применения мер в отношении кредитной организации в связи с нарушением ею режима открытого у нее специального (номинального) счета оператора следует руководствоваться нормами законодательства, установленными в соответствии с ним бан-

ковскими правилами, а также положениями конкретного договора банковского счета, заключенного кредитной организацией с оператором.

Об особенностях расторжения договора номинального счета

Как следует из пункта 1 статьи 860 ГК РФ, общие положения о банковском счете применяются к отдельным видам банковских счетов (в том числе к номинальному счету), если правилами об этих видах банковских счетов, предусмотренных главой 45 ГК РФ и иными законами, не установлено иное. Порядок расторжения договора банковского счета урегулирован в статье 859 ГК РФ. Особенности расторжения договора номинального счета предусмотрены в статье 860.6 ГК РФ.

В настоящее время федеральное законодательство не предусматривает специальных положений, расторжения договора номинального счета, заключенного в случаях, предусмотренных статьями 5.1 и 10.1 Закона о ЦФА. Вместе с этим положения Закона о ФП и Закона о краудфандинге содержат более подробное регулирование, связанное с ликвидацией договорных отношений номинального счета между оператором и банком.

Согласно пункту 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. При этом в настоящее время федеральное законодательство не ограничивает стороны договора номинального (специального) счета в установлении момента расторжения указанного договора. Таким образом, стороны договора номинального счета вправе самостоятельно установить момент, с которого договор номинального счета считается расторгнутым.

Так, например, часть 11 статьи 46 Закона о ФП при исключении ОФП из реестра ОФП договор специального счета прекращается. В этом случае остаток находящихся на специальном счете денежных средств, принадлежащих получателю финансовых услуг, выдается кредитной организацией получателю финансовых услуг либо по указанию получателя финансовых услуг перечисляется кредитной организацией на банковский счет такого получателя финансовых услуг или специальный счет другого ОФП.

В отношении ОИП законодатель также предусмотрел ряд положений, связанных с ликвидацией отношений. Так, по смыслу части 9 статьи 13 Закона о краудфандинге номинальный счет открывается оператору инвестиционной платформы для осуществления деятельности по организации привлечения инвестиций. При этом в силу части 7 статьи 17 указанного закона в случае при-

нятия Банком России решения об исключении сведений об операторе инвестиционной платформы из реестра операторов инвестиционных платформ организация, в отношении которой было принято такое решение, обязана в срок, установленный указанным решением Банка России, прекратить оказывать услуги по привлечению инвестиций и услуги по содействию в инвестировании, а также прекратить обязательства, связанные с оказанием таких услуг.

С учетом изложенного, автор полагает, что договор номинального счета момент, с которого договор считается расторгнутым, который стороны указали в договоре, не может быть определен событием, которое последует исключению оператора из реестра.

В настоящее время федеральное законодательство непосредственно не возлагает на банк обязанность отслеживать на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» появление информации об исключении ОИП из реестра ОИП. Вместе с тем может рассматриваться в качестве надлежащей практики своевременное обновление кредитной организацией сведений о своем клиенте — ОИП непосредственно связанных с его правоспособностью по договору номинального счета.

Согласно пункту 4 статьи 860.6 ГК РФ при расторжении договора номинального счета остаток денежных средств перечисляется на другой номинальный счет владельца или выдается бенефициару либо, если иное не предусмотрено законом или договором номинального счета либо не вытекает из существа отношений, по указанию бенефициара перечисляется на другой счет.

Вместе с этим в соответствии с частью 14 статьи 13 Закона о краудфандинге денежные средства инвестора не могут зачисляться на счет оператора инвестиционной платформы, на котором находятся его собственные денежные средства, за исключением выплаты вознаграждения оператору инвестиционной платформы или в случае заключения оператором договора инвестирования.

При этом по смыслу пункта 1 части 10 статьи 13 Закона о краудфандинге с номинального счета, открытого для осуществления деятельности по организации привлечения инвестиций, денежные средства бенефициаров могут быть перечислены на их банковские счета.

Таким образом, при расторжении договора номинального счета остаток денежных средств выдаются бенефициару или перечисляются на его счет.

Обязанность банка незамедлительно проинформировать бенефициара о расторжении договора номи-

нального счета предусмотрена в случае поступления заявления владельца счета о расторжении договора номинального счета (пункт 2 статьи 860.6 ГК РФ).

При этом автор статьи полагает, что данная норма не исключает возможности проинформировать бенефициаров об исключении ОИП из соответствующего реестра, одним из последствий которого является обязанность такого оператора прекратить обязательства, связанные с оказанием им услуг.

Согласно пункту 1 статьи 860.6 ГК РФ договор номинального счета с участием бенефициара может быть изменен или расторгнут только с согласия бенефициара, если законом или договором номинального счета не предусмотрено иное. При этом обязанность банка незамедлительно проинформировать бенефициара о расторжении договора номинального счета предусмотрена только в случае поступления заявления владельца счета о расторжении договора номинального счета (пункт 2 статьи 860.6 ГК РФ).

Вместе с этим в отношении права банка на односторонний отказ от договора номинального счета обраща-

ем внимание, что по смыслу пункта 1 статьи 450.1 ГК РФ, право на односторонний отказ от договора предоставляется ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

В отношении договора банковского счета такой договор может быть расторгнут банком в одностороннем порядке в случаях, установленных законом (часть 3 статьи 859 ГК РФ). Как следует из пункта 1 статьи 860 ГК РФ общие положения о банковском счете применяются к отдельным видам банковских счетов (в том числе к номинальному счету), если правилами об этих видах банковских счетов, предусмотренных главой 45 ГК РФ и иными законами, не установлено иное.

В настоящее время положениями ГК РФ о номинальном счете, о банковском счете, а также иными федеральными законами, не предусмотрена возможность установить в договоре номинального счета право банка на односторонний отказ от договора номинального счета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы».
4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».
5. Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств».
6. Инструкция Банка России от 30.06.2021 № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)».
7. Абрамова Е.Н. Специальный банковский счет: правовая природа и классификация // Право и экономика. 2016. № 7. С. 48.
8. Архипова О.С. Номинальный счет: некоторые вопросы регулирования, теории и практики // Закон. 2024. № 9. С. 41–53.
9. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари: в 5 т. М.: Статут, 2006. Т. 2. 623 с.
10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд., испр. и доп. М.: Статут, 2002. С. 283–292.
11. Василевская Л.Ю. Договоры номинального счета и счета эскроу: общее и особенное в правовой регламентации // Гражданское право. 2017. № 3. С. 3–5.
12. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. М.: Статут, 2004. Т. I. С. 304.
13. Дождев Д. В. Институт владения в римском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 25–26. Подробнее о дружбе как институте римского права см.: Он же. Основание защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 135–159.
14. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: Постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. С. 812.
15. Крохина Ю.А. Номинальный счет: проблемы доктринальной идентификации, судебной практики и перспективы развития в цифровой экономике // Банковское право. 2023. № 1. С. 27–42.
16. Лысова Ю.В. Договор банковского вклада в условиях применения правил каунтеракционного законодательства // Хозяйство и право. 2022. № 1. С.
17. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 220–223. см.: Сырбо В.А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 15–19.
18. Натырова Е. Комментарий к Федеральному закону от 14.07.2022 N 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» // Нормативные акты для бухгалтера. 2022. № 15. С. 15–16.
19. Павловская Ю.В., Матвеева Т.П., Кузнецова Н.А. Новые виды банковских счетов: сущность, черты сходства и отличия // Синергия наук. 2019. № 32. С. 917.
20. Рассказова Н.Ю. Понятие денежных средств // Закон. 2024. № 9. С. 33–40.

© Ионцев Михаил Анатольевич (Mikhail.iontsev@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УНИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ И ПРЕОДОЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN UNIFYING LEGAL STANDARDS AND OVERCOMING LEGAL PLURALISM

**D. Korovyakovsky
M. Romanova**

Summary. The article is devoted to exploring the impact of globalization on the integration of legal norms and the challenges that national legislation faces amid intensified international interaction. Within its structure, the authors analyze the interplay between global and local legal systems, highlighting the contradictions between the universalization of standards and the preservation of national legal identity. The introduction substantiates the relevance of the topic, linked to the transformation of the role of states under the influence of international organizations (WTO, ILO, IMF) and the necessity of harmonizing legislation. In the «Materials and Methods» section, the study is based on a comparative legal analysis, the examination of international treaties, and cases from state practices that demonstrate conflicts between national and supranational norms. The research results reveal the dual nature of globalization processes: on one hand, they stimulate the modernization of legal systems by introducing international standards in the areas of human rights, intellectual property, and ecology; on the other hand, they provoke conflicts with cultural traditions and sovereignty. Special attention is given to the roles of transnational corporations, migration processes, and digital technologies, which complicate legal regulation. The discussion emphasizes the need for a balance between integration and the protection of national interests, as well as the role of «hybrid» legal models that combine global norms with local characteristics. The conclusions of the article indicate that there is no universal solution for reconciling global and national legal systems. The authors note that states are forced to selectively adapt international standards, taking into account socio-economic and cultural realities to avoid isolation or internal conflicts. Prospects for development are seen in strengthening intercultural dialogue, improving the mechanisms for norm implementation, and increasing the role of «soft law» in the form of ethical codes and expert initiatives.

Keywords: globalization, legal norms, national legislation, international law, legal integration.

Коровяковский Денис Геннадьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет
sirah13@mail.ru

Романова Марина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
romanova@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния глобализации на интеграцию правовых норм и вызовам, с которыми сталкивается национальное законодательство в условиях усиления международного взаимодействия. В рамках структуры авторы анализируют взаимодействие глобальных и локальных правовых систем, акцентируя внимание на противоречиях между универсализацией стандартов и сохранением национальной правовой идентичности. Во введении обосновывается актуальность темы, связанная с трансформацией роли государств под влиянием международных организаций (ВТО, МОТ, МВФ) и необходимостью гармонизации законодательства. В разделе «Материалы и методы» основой исследования становятся сравнительно-правовой анализ, изучение международных договоров, а также кейсы из практики государств, демонстрирующие коллизии между национальными и наднациональными нормами. Результаты исследования выявляют двойственность глобализационных процессов: с одной стороны, они стимулируют модернизацию правовых систем через внедрение международных стандартов в области прав человека, интеллектуальной собственности и экологии, с другой — провоцируют конфликты с культурными традициями и суверенитетом. Особое внимание уделяется роли транснациональных корпораций, миграционных процессов и цифровых технологий, усложняющих правовое регулирование. В обсуждении подчеркивается необходимость баланса между интеграцией и защитой национальных интересов, а также роль «гибридных» правовых моделей, сочетающих глобальные нормы с локальными особенностями. Выводы статьи указывают на отсутствие универсального решения для согласования глобальных и национальных правовых систем. Авторы отмечают, что государства вынуждены избирательно адаптировать международные стандарты, учитывая социально-экономические и культурные реалии, чтобы избежать изоляции или внутренних конфликтов. Перспективы развития видятся в усилении межкультурного диалога, совершенствовании механизмов имплементации норм и повышении роли «мягкого права» в форме этических кодексов и экспертных инициатив.

Ключевые слова: глобализация, правовые нормы, национальное законодательство, международное право, юридическая интеграция.

Введение

Глобализация, как многоаспектный процесс, оказывает значительное влияние на развитие правовых систем различных государств. Она проявляется в экономической, культурной, политической и правовой сферах, способствуя формированию более тесных связей между странами и регионами. Воздействие глобализации на правовую сферу сопровождается изменением ролей международных и национальных институтов, а также расширением круга общественных вопросов, требующих наднациональных или совместных решений. В результате этого происходят процессы гармонизации правовых норм, которые призваны обеспечить баланс между универсальным характером международного права и своеобразием правовых традиций того или иного государства. Данный баланс, однако, весьма хрупок, так как каждая страна стремится сохранять свою правовую специфику, связанную с историческими, культурными и социально-экономическими особенностями. На фоне этого расширяется роль правового регулирования, выходящего за пределы одного государства, что напрямую воздействует на внутренние правовые системы и вызывает у них целый ряд вызовов, связанных с необходимостью модернизации и адаптации. Именно в сложном взаимодействии глобальных и локальных факторов формируется новая архитектура права, которая одновременно отражает общие тенденции мирового развития и сохраняет черты уникальной национальной идентичности.

Изменение правовых систем в условиях глобализации во многом обусловлено становлением и развитием международных организаций, формирующих собственные нормы и стандарты, которые государствам-участникам приходится учитывать при выработке внутреннего законодательства. Такие организации, как Всемирная торговая организация, Международная организация труда, МВФ и другие, играют заметную роль в формировании правовых рамок, обязывающих национальные государства принимать соответствующие правовые акты и обеспечивать их исполнение [3]. Поэтому можно говорить о постепенном перераспределении правотворческих функций от национальных институтов к наднациональным, что порождает дополнительные механизмы взаимодействия между правовой системой государства и международными стандартами.

Материалы и методы исследования

При этом неизбежно возникают противоречия, когда международные нормы вступают в коллизию с национальными, основанными на истинном для государства социальном опыте, обычаях и традициях. Государства нередко оказываются перед дилеммой: стремиться полностью интегрироваться в мировое сообщество, прини-

мая на себя обязательства по реализации международных правовых актов, или же выбирать путь сохранения собственной правовой идентичности. Некоторые страны, руководствуясь интересами внутренней стабильности, могут ограничиваться частичным принятием или адаптацией международных норм, что нередко вызывает недовольство более влиятельных акторов в глобальном правовом пространстве [9, с. 170]. В таком противоречивом взаимодействии государств и международных организаций закладываются основы для дальнейшей правовой интеграции, порой конфликтной, но неизбежной в современном мире.

Особенно остро проблема возникает в сфере прав и свобод человека. Международные соглашения, такие как Всеобщая декларация прав человека и Международные пакты ООН, предлагают универсальные стандарты, которым государства должны соответствовать. Но в реальности подходы к правам человека могут различаться в зависимости от культурных и религиозных традиций, экономических возможностей и политических приоритетов. Некоторые страны предпринимают усилия для внедрения универсальных принципов, что порой затрагивает болезненные вопросы социального устройства [2, с. 32]. Противоречия при этом часто проявляются в разных аспектах, начиная от свободы слова и выражения мнений и заканчивая правами меньшинств, что создаёт дополнительную напряжённость и ставит под сомнение универсальность некоторых правовых положений в глазах общественности.

Результаты и обсуждение

В то же время транснациональные корпорации, действующие на глобальных рынках, оказывают заметное давление на национальные правовые механизмы. Они требуют прозрачных и предсказуемых «правил игры», которые позволили бы беспрепятственно вести экономическую деятельность и при этом защищать интересы инвесторов. Такие требования часто входят в противоречие с защитой прав местных сообществ, социальной справедливостью и сохранением культурной целостности. Государства, стремясь привлечь инвестиции, всё чаще вынуждены смягчать регулирование и подстраиваться под международные стандарты бухгалтерского учёта, налогообложения или экологической безопасности, что иногда приводит к социальной напряжённости [14, с. 169]. Таким образом, глобализация создаёт двойственное ощущение: с одной стороны, она стимулирует модернизацию и унификацию, с другой — может приводить к размыванию местных традиций и усилению зависимости от внешних экономических интересов.

В контексте такого взаимодействия глобальных компаний и национальных правовых систем особую роль начинает играть интеллектуальная собственность. Пра-

ва на изобретения, торговые марки и результаты творческой деятельности приобретают всё больший вес, так как именно они определяют конкурентоспособность на мировом рынке. В результате формируется международная система охраны прав интеллектуальной собственности, включающая в себя ряд соглашений и конвенций. Страны, желающие активно участвовать в мировом экономическом обороте, вынуждены приводить своё законодательство в соответствие с этими соглашениями [5, с. 80]. Однако и здесь не обходится без сложностей: принимаемые нормы нередко вызывают споры о справедливости распределения прав, особенно в отношении патентования биологических ресурсов и традиционных знаний коренных народов.

Кроме экономических аспектов, важным вызовом для национального законодательства остаётся проблема миграции. Глобализация способствует тому, что люди, капитал и рабочая сила перемещаются гораздо быстрее и свободнее, чем когда-либо ранее. Государства пытаются контролировать потоки мигрантов, устанавливая иммиграционные квоты, требования к квалификации и иные механизмы регулирования. Однако выработать единые принципы миграционного права, одинаково справедливые для стран-доноров рабочей силы и для стран-реципиентов, довольно затруднительно [13, с. 10]. Кроме того, мигранты могут приносить с собой иные правовые ценности, традиции и способы урегулирования конфликтов, которые не всегда укладываются в рамки национальной юрисдикции.

Вопросы, возникающие в контексте защиты окружающей среды и климатических изменений, также дают повод для серьёзных раздумий относительно степени интеграции правовых систем. Выбросы парниковых газов, загрязнение водных ресурсов и другие экологические вызовы не имеют территориальных границ, что делает необходимой координацию правовых усилий на международном уровне. Государства заключают многочисленные договоры, направленные на снижение вредных воздействий на природу, однако имплементация этих соглашений на национальном уровне требует значительных ресурсов [1, с. 45]. Наряду с этим возникает проблема справедливого распределения ответственности между развитыми и развивающимися странами, ситуативная политическая конъюнктура и экономические интересы, способные затруднить согласование позиций.

Роль судебных органов в эпоху глобализации также меняется. Суды всё чаще сталкиваются с необходимостью толковать международные и наднациональные нормы, применять их в конкретных спорах, а порой и признавать их приоритет над внутренними актами. Возникают вопросы о пределах судебного усмотрения, о допустимости прямого применения норм международного права в национальном контексте, а также о механизмах

их внедрения. При этом в ряде государств сохраняется конституционная доктрина, требующая особого порядка интеграции международных норм в национальную систему, что может затягивать и усложнять процесс их имплементации [8, с. 81]. В итоге судебная власть становится своеобразным «мостом» между глобальными правовыми тенденциями и местными правовыми традициями, отвечая за интерпретацию и придание форме новым нормам, которые ещё не успели осесть в правосознании общества.

Развитие информационных технологий ещё больше усиливает сложность управления правовыми пространствами, ведь к традиционным актам и международным соглашениям добавляются новые механизмы регулирования, связанные с цифровой безопасностью, защитой данных, электронной коммерцией. Вопросы юрисдикции в интернете, защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде, регулирования электронных транзакций и деятельности онлайн-платформ становятся всё более приоритетными [6, с. 165]. Их решение требует согласованных действий многих государств, поскольку трансграничный характер сети сводит на нет попытки изолированного регулирования. В итоге традиционные законодательные процессы вынуждены трансформироваться под влиянием всё возрастающего темпа технологических изменений.

При этом глобальный правовой ландшафт нередко формируется не только государственными, но и негосударственными акторами. Многочисленные международные неправительственные организации, экспертные сообщества и профессиональные объединения способны разрабатывать свои кодексы, этические стандарты и даже модели нормативных актов, которые государства впоследствии могут принимать добровольно. Такая «мягкая сила» права зачастую дополняет или даже заменяет жёсткие наднациональные предписания [10, с. 76]. Благодаря этому происходит многоуровневая диффузия правовых идей, при которой некоторые инновационные решения или нормы могут быстрее проникать в национальные законодательства по каналам общественной дипломатии и экспертных инициатив.

Одновременно сохраняется и функция национальных парламентов, призванных откликаться на вызовы глобализации, но при этом сочетать международные обязательства с местными потребностями. Внутренняя политическая борьба, лоббирование и общественное мнение могут влиять на скорость и глубину принятия тех или иных глобальных стандартов. Немалая часть общества в разных странах испытывает опасение, что чрезмерная открытость миру способна привести к вытеснению традиционных ценностей, ослаблению национального суверенитета и росту социального неравенства. В этой связи национальное законодательство

находится в поиске оптимальной модели интеграции внешних правовых норм, стремясь защитить локальный интерес, но при этом не оказаться в изоляции от мировых процессов [12, с. 3]. Порой это требует от законодателей проведения общественных консультаций, тщательной оценки рисков и балансирования интересов различных социальных групп.

Параллельно происходит формирование новой формы юридической ответственности, отражающей потребности глобального социума. Такая ответственность может касаться и отдельных лиц (как в случаях с международными уголовными трибуналами), и корпораций, и самих государств. Широкое признание получил принцип, согласно которому государства несут ответственность за нарушение принятых международных норм, даже если внутреннее законодательство не предусматривало подобного регулирования [11, с. 4]. Это соответствует логике возрастания значения универсальных правовых норм и стандартов, хотя их имплементация по-прежнему остается сложным процессом, зависящим от уровня развития национальных институтов, традиций правоприменения и политической воли руководства страны.

Понятие «глобальное право» уже вошло в лексикон как отражение процесса формирования общих правил, формирующихся сверху (международное право и наднациональные институты) и снизу (универсальные практики, добровольные коды, гармонизированные стандарты). Однако единая система глобального права так и не возникла, и вряд ли появится в обозримом будущем, поскольку государства не спешат полностью делегировать свой суверенитет. Тем не менее, в правовой науке уже широко обсуждается вопрос о том, насколько возможно формирование «общего правового пространства», включающего единые подходы к пониманию принципов справедливости, прав человека, экологической ответственности. Кое-где наблюдается так называемая «конституционализация» международного права, предполагающая, что некоторые международные договоры приобретают высшую юридическую силу. Однако далеко не везде эти тенденции находят поддержку [7, с. 147]. В итоге мы видим пульсирующий процесс, где одни государства более активно включаются в глобальную повестку, а другие предпочитают сохранять дистанцию, опасаясь за сохранение национальной идентичности и правовой специфики.

Интерес к сравнительному правоведению в эпоху глобализации значительно возрос. Сопоставление правовых систем разных стран нужно не только для научных целей, но и для поиска наиболее успешных практик, которые можно локально внедрять. Юристы, изучая зарубежные законодательства, пытаются определить оптимальные инструменты регулирования, подходящие

к местным условиям. С другой стороны, некритическое «копирование» чужого опыта нередко оказывается неэффективным, поскольку игнорирует специфику социально-экономической системы государства и сложившиеся правовые традиции [15, с. 87]. Поэтому сравнительное правоведение становится не просто описательной дисциплиной, но и способом осмысления, насколько глубоко можно интегрировать чужие правовые решения в собственную практику, не нарушая внутреннюю гармонию.

При всей интенсивности глобализационных процессов важнейшее значение сохраняет межкультурный диалог, без которого невозможно выработать единые либо хотя бы совместимые стандарты правового регулирования. Национальные администрации и международные организации должны демонстрировать открытость к взаимной адаптации и стремиться к поиску компромиссов. Ярким примером этого служат многосторонние торговые соглашения, которые регулируют доступ к рынкам, защиту прав интеллектуальной собственности, санитарно-ветеринарные стандарты и многое другое [4, с. 6]. Каждое такое соглашение становится полем для международных переговоров, в ходе которых государства добиваются наиболее выгодных условий, но одновременно соглашаются на определённые ограничения своего суверенитета.

Значение прав человека в условиях глобализации вряд ли может быть преуменьшено. Участие государств в международных механизмах мониторинга и контроля за соблюдением прав и свобод создаёт дополнительные стимулы для внутренней законодательной реформы. Безусловно, соблюдение этих норм зависит от уровня экономического развития, стабильности государственных институтов и культурно-ценностной базы общества. Тем не менее даже авторитарные режимы нередко стараются сохранять видимость соответствия международным стандартам, чтобы не оттолкнуть потенциальных инвесторов и сохранить определённый уровень легитимности в глазах мирового сообщества [6, с. 164]. При этом возникает двойственность: внешне могут провозглашаться универсальные ценности, а на практике — действовать внутренние правила, не всегда совместимые с ними.

Выводы

Проблема баланса между универсальностью и локальностью в праве не имеет однозначного решения. Глобализация будет и дальше формировать толчки к интеграции правовых норм, особенно в тех областях, где успех зависит от международного сотрудничества: экология, борьба с транснациональной преступностью, регулирование миграционных потоков, поддержание финансовой стабильности. Одновременно с этим каж-

дая страна сохраняет индивидуальность и стремится к признанию своего права на культурно-историческую самобытность. Технологии продолжают развиваться, создавая новые правовые контексты и условия, что в целом ускоряет процесс переосмысления ключевых концептов — суверенитета, прав человека, принципа невмешательства, универсальной юрисдикции. Юридическое сообщество, в свою очередь, должно адекватно реагировать на эти изменения, предлагая концепции и модели, способные обеспечить согласование многообразных интересов и ценностей в мировом правовом пространстве.

Таким образом, влияние глобализации на интеграцию правовых норм многогранно и одновременно сопрово-

ждается серьезными вызовами для национального законодательства. Государства оказываются перед сложнейшим выбором стратегий: активно включаться в мировую правовую систему, поступаясь частью суверенитета, или же сохранять дистанцию, рискуя изоляцией и невосприимчивостью к инновациям. В большинстве случаев удастся найти промежуточные варианты, сочетающие стандарты глобальных институтов с защитой национальных интересов. Именно поиск этого баланса и определяет вектор развития правовых систем в современном мире, где ни одна страна не может игнорировать силу глобализации, но и не готова раствориться в едином универсальном правовом порядке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов А.Н., Чекин А.Н. О соотношении международного права и национального права в эпоху глобализации // Международное публичное и частное право. 2009. № 5.
2. Лукашев М.А. Некоторые аспекты влияния процесса глобализации на предмет правового регулирования // Теория и практика общественного развития. 2006. № 2.
3. Надежин Н.Н. Взаимодействие и соответствие международного и национального права в условиях глобализации // Закон и право. 2008. № 10.
4. Борискина О.Н. Последствия глобализации для развития национальных правовых систем: пути и способы преодоления возникающих проблем // История государства и права. 2008. № 17.
5. Понамарев Г.С. Роль государства и права в интеграции России в глобализационные процессы // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2007. № 4.
6. Евдокимова О.С. Национальное законодательство в условиях глобализации // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 3.
7. Аюпов В.Ш. Глобализация и национальное право России // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40).
8. Марченко М.Н. Основные направления воздействия глобализации на развитие права и его теории // Образование и общество. 2009. № 6 (59).
9. Старовойтова О.Э., Сальников М.В., Захарцев С.И. Проблемы права и справедливости в условиях глобализации (по материалам XXII Всемирного конгресса) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4.
10. Белых А.Г. Нормы международного и национального права в условиях интеграции // Юридический мир. 2007. № 5.
11. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3.
12. Манов Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. 2008. № 2.
13. Мартышин О.В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4.
14. Ань В. Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2.
15. Марченко М.Н. Миф о формировании мирового государства и права в условиях глобализации // Образование и общество. 2008. № 5 (52).

© Коровяковский Денис Геннадьевич (sirah13@mail.ru); Романова Марина Евгеньевна (romanova@fa.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

THE LEGAL STATUS OF JUDICIAL OFFICIALS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH CENTURY

E. Teryaeva

Summary. The article examines the process of formation of the legal status of judicial officials in the XVIII century. The rights, duties and responsibilities of civil servants are being studied. Legislative acts regulating the legal status of officials are analyzed. It is concluded that during the period under review, although the legislator has not yet succeeded in separating judicial power from administrative power, he is developing a substantial regulatory framework governing the procedure for public service, the rights, duties and responsibilities of officials of departments with judicial functions.

Keywords: judicial officials, legal status, civil servants.

Теряева Евгения Вячеславовна

к.и.н., доцент, Среднерусский институт управления —
филиал РАНХиГС (Орёл)
teryaevas-e@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования правового статуса судебных чиновников в XVIII веке. Изучаются права, обязанности и ответственность государственных служащих. Анализируются законодательные акты, регламентирующие правовое положение чиновников. Делается вывод о том, что в рассматриваемый период, хотя законодатель еще не удалось разделить судебную власть от административной, он разрабатывает существенную нормативно-правовую базу, регулиющую порядок прохождения государственной службы, права, обязанности и ответственность чиновников ведомств с судебными функциями.

Ключевые слова: судебные чиновники, правовой статус, государственные служащие.

Важнейшими этапами в формировании правового статуса государственных служащих в целом и судебных чиновников в частности являются преобразования Петра I и Екатерины II. Именно в XVIII веке формируется широкая нормативно-правовая база, законодательно закрепляющая основы государственной службы и правового статуса государственных служащих, а также происходят первые попытки отделения судебных органов от административных.

Во время проведения губернской реформы в 1708 году происходит формирование нового слоя провинциальной бюрократии. Всем чинам гражданским, военным, духовным под страхом наказания было запрещено принимать посулы и деньги. Служащие должны были получать только жалование [12, с. 135]. Таким образом Петр I боролся с пережитками старой «системы кормления», когда должностные лица содержались за счет населения. Теперь чиновники получали жалование, что становилось частью правового статуса государственных служащих.

В 1711 году Петр I учредил Сенат, который должен был управлять государством в отсутствие императора. Сенат же становился высшей судебной инстанцией, выше которой был только император. По именному указу от 2 марта 1711 года Сенату поручалось попечение о правосудии. Сенат должен был: «суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и имени» [11, с. 643]. В 1717 году начинается реформа

исполнительных органов управления. Вместо приказов были учреждены коллегии, в том числе Юстиц-коллегия, которая ведала гражданским и уголовным судом и осуществляла контроль за судопроизводством на местах. Коллегии наделялись судебными полномочиями в сфере своей деятельности, а также рассматривали дела по должностным преступлениям чиновников. Указом от 8 января 1719 года создавались надворные суды в Петербурге, Москве и некоторых губернских городах [12, с. 607]. Они выступали в качестве первой или апелляционной инстанции и были подотчетны Юстиц-коллегии. Надворным судам были подотчетны нижние суды. Судебная реформа была первой попыткой императора отделить суд от общей администрации.

28 февраля 1720 года Петр I утвердил Генеральный регламент — устав государственной гражданской службы, который регулировал порядок службы во всех государственных учреждениях, должностные обязанности чиновников, а также основания для поощрения и наказания государственных служащих [13, с. 141]. В Генеральном регламенте определялись права и обязанности чиновников, в том числе и чиновников ведомств с судебными функциями. Государственные служащие имели право свободно и ясно излагать свое мнение при обсуждении дел в коллегиях (гл. 6), право на содержание и награждение за хорошую и верную службу (гл. 50), право на достойное отношение и чинопочитание (гл. 24, 26), право на отпуск (гл. 9, 10). Он предоставлялся

летом на четыре недели. Всем служащим сразу уходить в отпуск не разрешалось, чтобы не остановилось производство по делам. Нерабочими днями объявлялись дни с 25 декабря по 7 января, первая и последняя неделя Великого поста, а также «сырная и светлая недели». Если нужно было по какой-либо уважительной причине уехать, то о дополнительном отпуске следовало просить письменно разрешение у Сената [13, с. 146].

В обязанности судейских чиновников входило: надлежащее исполнение указов, регламентов, инструкций (гл.1, 50), неразглашение служебной тайны (гл. 1, 37), своевременное рассмотрение дел без волокиты, которая каралась денежным штрафом (гл. 4, 5), ведение дел в коллегиях и запрет их выносить домой, какого бы звания чиновник ни был (гл.16), проявление уважения и достойного почтения к старшим по чину должностям (гл. 24, 26, 54)[13, с. 141].

За нарушение Генерального регламента наступала юридическая ответственность. За несвоевременное рассмотрение дел предусматривался штраф в размере 30 рублей за каждый день просроченного времени [13, с. 144]. В Генеральном регламенте говорилось, что если какой-либо чиновник вынесет тайно из коллегии документы, составит неверный рапорт с сокрытием информации, подделает документы, разгласит служебную тайну или по дружбе, вражде или из корысти будет вести неверно дела, то к тому применялась смертная казнь или вечная ссылка на галеру с конфискацией имения. Если преступления были менее тяжелыми, то применялась временная ссылка на галеру с конфискацией всего или части имения или лишением чина и большим штрафом, если преступление было совершено впервые [13, с. 158].

24 января 1722 года император утвердил Закон о порядке государственной службы в Российской империи (чины по старшинству и последовательность чинопроизводства), более известный как «Табель о рангах» [13, с. 486]. Табель о рангах устанавливала военные, статские и придворные чины. Должность президентов коллегий соответствовала IV классу Табели о рангах, вице-президентов — V классу, советников коллегий и президентов надворных судов — VI классу, вице-президентов надворных судов — VII классу, асессоров и обер-секретарей в коллегиях — VIII классу, асессоров в надворных судах в столице — IX классу, секретарей, протоколистов в коллегиях, асессоров в надворных судах в губерниях — X классу, секретарей в надворных судах — XII классу, протоколистов в коллегиях — XIII классу, асессоров в провинциальных судах, регистраторов в коллегиях — XIV классу Табели о рангах [13, с. 486].

В статской и придворной службе право на получение личного дворянства приобреталось с получением XIV класса, а потомственного с VIII класса. Таким образом,

петровская Табель о рангах давала возможность людям из непривилегированных сословий получить дворянство (личное или потомственное) путем службы, а с ним и соответствующие привилегии.

Следующим важным этапом в формировании правового статуса чиновников судебных ведомств и служащих государственных органов с судебными функциями становятся преобразования Екатерины II. Судебная реформа императрицы являлась продолжением её губернской реформы. «Учреждением о губерниях» 1775 года вводились сословные суды. Для дворян вводился уездный суд и верхний земский суд, для горожан городской и губернский магистрат, для государственных крестьян нижняя и верхняя расправа. Высшей судебной инстанцией по уголовным и гражданским делам в губерниях были палаты уголовного суда и гражданского суда. В данных палатах заседали председатель, два советника и два асессора [15, с. 239].

Увеличение количества судебных учреждений привело к более детальной проработке и правового статуса судейских чиновников. Чиновники судебных ведомств имели право на жалование, которое регламентировалось штатным расписанием. Согласно книге штатов председатель палаты уголовных дел и председатель палаты гражданских дел получали 840 руб. в год, советники данных палат, губернский прокурор, судья совестного суда, первый и второй председатели верхнего земского суда — 600 руб., первый и второй председатели губернского магистрата и верхней расправы, дворянский заседатель совестного суда, заседатель верхнего земского суда — 360 руб., асессоры в палатах уголовных и гражданских дел, прокурор губернского магистрата и верхней расправы — 300 рублей [16, с. 254].

Например, третное жалование (жалование за четыре месяца, треть года) председателя Орловской палаты уголовного суда полковника Неплюева в 1779 году было 280 руб., советника капитана 1-го ранга коллежского советника Белянцева и советника полковника Сеченова — 200 руб., асессора премьер-майора Кисленского, асессора секунд-майора Неделина — 100 руб., генерал-майора и кавалера секретаря Лекукина — 66 рублей. У канцелярских служителей жалование было меньше. Например, регистратор Иванов, архивариус Калинин получали 40 руб. за четыре месяца, канцеляристы Заречный и Барташев — 30 руб., подканцеляристы Кузьмин и Лавреновский — 23 руб., копиисты Павловский, Лазоревский, Турчанинов — 16 рублей [2, л. 36].

Несколько меньше были оклады судейских чиновников в уезде. Уездный судья получал 300 руб. в год, земский капитан или исправник нижнего земского суда, расправный судья нижней расправы, заседатели уездного суда — 250 руб., дворянский заседатель нижнего земского суда, секретарь уездного суда — 200 рублей [16, с. 256].

За безупречную службу можно было получить перевод на другую более высокую должность и даже в столичную губернию. Так, в 1781 году на должность советника Орловской гражданской палаты был переведен прокурор губернского магистрата коллежский асессор Шеншин [4, л. 1]. Оклад советника был в два раза больше, чем оклад прокурора. Если по книге штатов прокурор получал 300 руб. годовых, то советник 600 рублей. В 1794 году асессор Орловской палаты уголовных дел Тимофей Пясковский был переведен в Московскую казенную палату асессором [8, л. 2]. Соответственно его жалование увеличилось с 300 до 450 рублей [16, с. 254]. В представлении к награждению чинами обращалось внимание на отношение чиновников к службе. Так, в 1795 году подканцеляристам Орловской палаты уголовного суда Андрею Избукину, Василию Овсянникову, Алексею Семенову были даны чины канцеляристов, а копиистам Сергею Мусатову и Ивану Телегину — подканцеляристов. В представлении было указано, что служащие прилежны, рачительны, порядочны и хорошо исполняют порученные им дела [9, л. 2].

При Екатерине II судьи, как и другие статские чиновники начинают получать пенсии. 7 июня 1764 года выходит сенатский доклад «О пенсиях статских чиновников», который определяет право на получение пенсии после 35 лет службы, считая с 15-летнего возраста. Пенсия составляла 50 % от получаемого жалования. На получение пенсии имели право только те чиновники, которые во время службы находясь в офицерских чинах не подвергались штрафу за «большие и бесчестные преступления». При отставке чиновник мог выбрать либо повышение в чине, либо получение пенсионера. Если он выбирал получение пенсионера, то повышение в чине не происходило. Повысить чин в подобных случаях мог только император [14, с. 791]. Так, например, в 1789 году асессор Орловской палаты уголовного суда Н.А. Красин просил увольнения со статской службы с награждением его следующим чином [6, л. 2].

Служащие судебных ведомств были защищены от недоказанных и необоснованных претензий. Так, например, мценской помещице Пелагеи Сухоревой был назначен штраф в размере 25 рублей в пользу приказа общественного призрения за несправедливые обвинения земского исправника Черемисина, дворянских заседателей Мозалевского и Субочева, секретаря Мценского нижнего земского суда Сапалова в причинении помещице обид и оскорблений при допросе ее крестьян [1, л. 430].

Законодатель также ограждал выборных судебных лиц, не имеющих класса должности от наказаний со стороны вышестоящих лиц. Заседатели верхней и нижней расправы, нижнего земского суда, совестного суда, сельские заседатели «пока в должности пребывают, то без суда да не коснется до них наказание ни от кого» [15, с. 234].

Судьи имели право на отпуск. Отпуск в 29 дней полагался с разрешения губернатора. Если требовался более длительный отпуск, то об этом необходимо было сообщить в Сенат [15, с. 79].

При вступлении в должность чиновники давали клятвенное обещание, в котором обещали служить верой и правдой, не только сообщать о вреде, но и предотвращать всякий ущерб интересам ее величества, хранить служебную тайну, исполнять инструкции, регламент и указы, выполнять распоряжения начальства и «для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать» [3, л. 12].

За нарушение закона и за ненадлежащее исполнение своих обязанностей судебские чиновники подлежали ответственности на общих основаниях. Так, например, коллежский регистратор Мценского уездного суда Леонтьев был посажен на хлеб и воду на два месяца за похищение запроса и составление фальшивой расписки. Более того Леонтьеву было запрещено в дальнейшем поступать на государственную службу [7, л. 12]. Губернский регистратор Орловского уездного суда Василий Попов был заключен в тюрьму и содержался в течение двух месяцев на хлебе и воде за вынос документов из суда и их порчу [10, л. 58].

Стряпчий верхнего земского суда Иван Казаринов был отстранен от должности и оштрафован на 25 рублей за неподчинение генерал-губернатору Орловского и Курского наместничеств князю А.А. Прозоровскому. Казаринову также запрещалось впредь служить на государственной службе [5, л. 186]. Мценский земский исправник Черемисов и чиновники Мценского нижнего земского суда в 1793 году были оштрафованы за несвоевременное и неверное ведение судопроизводства. Черемисов был оштрафован на 300 рублей (жалование земского исправника в это время составляло — 250 руб. в год), дворянские заседатели оштрафованы на третьное жалование (жалование дворянских заседателей — 200 руб. в год), секретарь нижнего земского суда на 100 рублей (жалование секретаря составляло 200 руб. в год) [1, л. 430; 16, с. 256].

Таким образом, в течение XVIII века происходят попытки отделения судебной власти от административной, которые в рассматриваемый период еще не увенчались успехом. Однако законодателю удалось разработать широкую нормативно-правовую базу, регулирующую основные права, обязанности и ответственность государственных служащих, благодаря которой правовой статус судебных чиновников приобретает более четкие черты и содержание, окончательно оформившись после судебной реформы 1864 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32.
4. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 82.
5. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 114.
6. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 512.
7. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 595.
8. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 923.
9. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 1058.
10. ГАОО. Ф5. Оп.1. Д. 1073.
11. ПСЗ — I. Т. IV. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 888 с.
12. ПСЗ — I. Т. V. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 781 с.
13. ПСЗ — I. Т. VI. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 818 с.
14. ПСЗ — I. Т. XVI. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 1120 с.
15. ПСЗ — I. Т. XX. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 1041 с.
16. ПСЗ — I. Т. XLIV. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 1178 с.

© Теряева Евгения Вячеславовна (teryaevas-e@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕЗАВИСИМОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ON THE INDEPENDENCE OF DEFENSE ATTORNEY ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. Fedorin

Summary. The article examines current issues, theories, and practices related to the independence of a defense attorney in criminal proceedings. The legislative standards for the objectivity and impartiality of a defense attorney and their activities are significantly inferior to the similar requirements imposed on the judicial system and other participants in criminal proceedings, such as prosecution bodies, experts, specialists, and interpreters.

Despite the possibility of personal bias or the presence of personal interests in a defense attorney, their partiality must either fully coincide with the legitimate interests of the defendant or, at the very least, not contradict them or violate their rights. It is unlawful to completely deny the necessity of objectivity and impartiality of a defense attorney, as well as the importance of objective defensive activities. Legislation, including the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and regulatory acts governing the activities of attorneys, provides several legal guarantees aimed at ensuring the objectivity and impartiality of the defender.

Some of these provisions require revision. It is advisable to amend Part 1, Article 72 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to include a provision stating that a defense attorney is not entitled to participate in the proceedings of a criminal case if they previously served as the head of an investigative department or held a position in bodies conducting operational investigative activities within the framework of this case.

Keywords: independence, bias, objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, investigator, inquirer, prosecutor, court, judge, investigative body, attorney, representative, suspect, accused, victim.

Федорин Владимир Евгеньевич

кандидат юридических наук,

Воронежский государственный университет

fedorin-ve@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, теории и практики, связанные с независимостью адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Стандарты законодательных требований к объективности и беспристрастности адвоката-защитника и его деятельности существенно уступают по уровню аналогичным требованиям, предъявляемым к судебной системе, участникам уголовного процесса, таким как органы преследования, эксперты, специалисты и переводчики.

Несмотря на возможность личной предвзятости или наличия личных интересов у адвоката-защитника, его пристрастие должно либо полностью совпадать с законными интересами подзащитного, либо, по крайней мере, не противоречить им и не нарушать его права. Полностью отрицать необходимость объективности и беспристрастности адвоката-защитника, равно как и важность объективной защитительной деятельности, неправомерно. Законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ и нормативные акты, регулирующие деятельность адвокатов, предусматривает ряд правовых гарантий, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности защитника.

Некоторые из указанных положений требуют доработки. В пункте 1 части 1 статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации целесообразно внести дополнение о том, что защитник не имеет права участвовать в производстве по уголовному делу, если ранее он выступал в роли руководителя следственного отдела или занимал должность в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в рамках данного дела.

Ключевые слова: независимость, предвзятость, объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, следователь, дознаватель, прокурор, суд, судья, следственный орган, адвокат, представитель, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший.

На первый взгляд, кажется, что независимость адвоката в уголовном процессе вызывает сомнения. В отличие от судей, прокуроров, следователей и дознавателей, на адвоката не распространяется ограничение, касающееся личной заинтересованности в исходе дела. Статья 61 УПК РФ, регламентирующая недопустимость участия в деле лиц, имеющих личную заинтересованность, не распространяется на адвокатов. Адвокат, нанятый подозреваемым или обвиняемым, имеет прямой материальный интерес в успешном исходе дела, так как его гонорар зависит от результатов защиты. Таким образом, его деятельность не может считаться полностью независимой.

Действующее законодательство, в частности Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, не содержит ограничений на представление интересов подозреваемого, обвиняемого или подсудимого адвокатом, являющимся его родственником. Несмотря на то, что в подобных ситуациях личная заинтересованность в исходе дела, зачастую не связанная с материальной выгодой, представляется вполне закономерной.

В соответствии с пунктом 3 статьи 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не имеет права занимать позицию, противоречащую желанию клиента, кроме си-

туаций, когда адвокат уверен в ложном признании вины доверителем. В отличие от судьи, присяжных, прокурора, следователя или дознавателя, закон не обязывает адвоката оценивать доказательства на основе внутреннего убеждения, сформированного совокупностью доказательств по уголовному делу, руководствуясь законом и совестью (статья 17 УПК РФ). Следовательно, принцип свободной оценки доказательств не применяется к адвокату.

Вместе с тем, изучение других законодательных норм и прецедентного права свидетельствует о необоснованности как полного отрицания беспристрастности адвоката-защитника, так и объективности осуществляемой им защиты.

Анализ нормативных актов, регламентирующих работу адвокатов, выявляет наличие ряда юридических гарантий, призванных обеспечить непредвзятость адвоката в рамках уголовного судопроизводства. Рассмотрим эти гарантии подробнее.

В ст. 72 УПК РФ говорится, что защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он:

- 1) ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого;
- 2) является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты;
- 3) оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого или подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Обоснованным является отвод адвоката, выступающего в качестве защитника по уголовному делу, если ранее он имел процессуальный статус, указанный в пункте 1 части 1 статьи 72 УПК РФ. Объективность и нейтралитет указанных участников, а также их профессиональной деятельности, являются гарантией вынесения правосудных и законных решений по делу, что в конечном итоге обеспечивает достижение целей уголовного судопроизводства.

Возникновение «иного статуса» вызывает закономерные вопросы касательно непредвзятости как следственных действий или судопроизводства, так и работы адвоката. Это связано с тем, что юрист, прежде задействованный в деле в роли следователя, прокурора и т.п., при осуществлении защиты оказывается в ситуации, когда должен критически оценивать свои прежние процессуальные решения и их последствия, что практически нереализуемо без предвзятости.

Вместе с тем, важно отметить необходимость включения в список лиц, указанных в статье 72 УПК РФ, руководителя следственного органа и сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Как уже упоминалось, данные участники уголовного процесса, безусловно, принадлежат к стороне обвинения и играют важную роль в уголовном преследовании.

В продолжение анализа причин, по которым защитник может быть отстранен от участия в уголовном деле, следует подчеркнуть, что положения пункта 2 части 1 статьи 72 УПК РФ, регламентирующие невозможность участия адвоката в деле в качестве защитника, если он состоит в родственных связях с другими профессиональными участниками уголовного процесса или представляет интересы, противоположные интересам лица, заключившего с ним соглашение о защите, представляются вполне обоснованными.

Анализ материалов следствия и судебных решений демонстрирует, что наиболее распространенной причиной отстранения адвоката от участия в уголовном деле является оказание или предшествующее оказание им юридической помощи лицу, чьи интересы расходятся с интересами его текущего подзащитного, подозреваемого, обвиняемого или представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (согласно п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Суды квалифицируют нарушение данного запрета как значительное нарушение норм уголовно-процессуального законодательства. В качестве типичного примера можно привести случай из практики Верховного Суда РФ.

Б., С. и Е. признаны судом виновными в разбое с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, совершенного группой лиц по предварительному сговору, а Б. и С. — и в умышленном убийстве потерпевшего.

Военная коллегия Верховного Суда РФ 30 октября 2001 года отменила приговор Приволжского окружного военного суда в отношении Б. и С. в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, указав, в частности, следующее:

Как следует из материалов, адвокат Г. представлял интересы Б. на предварительном следствии, согласно

ордеру от 15.11.2000, и участвовал в допросе Б. в качестве защитника. Однако, уже на следующий день, после заключения соответствующего соглашения, защиту Б. осуществляла адвокат К.

Согласно материалам уголовного дела, интересы обвиняемого С. на этапе предварительного следствия в течение четырех месяцев представляла адвокат Е. В связи с возникшими у нее проблемами со здоровьем, 13 марта 2001 года к защите С. был привлечен адвокат Г. Он принимал участие в следственных мероприятиях с подзащитным, изучал материалы дела по завершении предварительного расследования, а также обеспечивал защиту его прав и интересов в ходе судебного разбирательства.

Тем не менее, анализ материалов дела выявляет значительные расхождения в показаниях Б. и С. Изначально, в ходе предварительного следствия, С. заявлял, что единолично применял физическую силу к пострадавшему, хотя вещи из квартиры выносили они совместно с Б. Впоследствии его показания изменились, и он указал на причастность Б. к избиению, утверждая, что тот нанес потерпевшему три удара монтировкой по голове. В ходе допроса, проводившегося в присутствии адвоката Г., он представил более детализированное описание действий Б. во время разбойного нападения, сообщив, что Б. нанес потерпевшему многочисленные удары монтировкой по голове.

В ходе судебного разбирательства оба обвиняемых твердо придерживались ранее данных показаний. Вышеупомянутые факты указывают на незаконность вовлечения адвоката в процесс предоставления юридической поддержки С. в его защите.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает дополнительные ограничения, призванные гарантировать объективность и непредвзятость адвоката.

Так, согласно п.2 ч.4 ст.6 Закона, адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях: если он имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица; если он участвовал в деле не только в качестве лиц, перечисленных в ст. 72 УПК РФ, но и был по делу потерпевшим; если являлся должностным лицом, в компетенции которого находилось принятие решения в интересах данного лица.

В Кодексе профессиональной этики адвоката, утвержденном Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, закреплены нормы, призванные гарантировать беспристрастность и непредвзятость адвокатской деятельности.

В соответствии со ст. 9 Кодекса адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам лица, обратившегося к адвокату за юридической помощью, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или под воздействием давления извне.

Анализ приведенных положений УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката позволяет сделать следующие выводы:

- 1) в действующих нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность адвоката, содержат ряд правовых гарантий, направленных на обеспечение объективности и беспристрастности адвоката-защитника;
- 2) уровень законодательных требований к объективности адвоката-защитника значительно ниже, чем уровень подобных требований к суду, субъектам уголовного процесса, осуществляющим уголовное преследование, экспертам, специалистам и переводчикам. Это положение обусловливается рядом объективных факторов, прежде всего зависимостью позиции по делу адвоката от позиции (воли) подзащитного;
- 3) адвокат-защитник может быть пристрастен, может иметь в деле личный интерес, однако его пристрастие, его личный интерес непременно должен совпадать, или, по крайней мере, не противоречить законным интересам подзащитного, и не нарушать его права. Неточным представляется утверждение И.Л. Трунова о том, что вне зависимости от личного отношения к проступку подозреваемого или обвиняемого или к нему самому, *адвокат обязан быть беспристрастен*, руководствоваться законом и осуществлять квалифицированную защиту, даже если он не согласен с избранной подзащитным позицией защиты, он не вправе занимать позицию, расходящуюся или противоречащую позиции подзащитного [1].

Законодательство зарубежных стран содержит и иные основания, при наступлении которых защитник может быть исключен из уголовного процесса. Так, в Англии, Дании, Швеции в уголовно-процессуальном законе предусмотрено такое основание, как процессуальный саботаж защитника. В Италии одним из оснований считается необъективное ведение защиты [2]. Аналогичная норма существует в ст.61 УПК Украины. Согласно данной норме, не может быть защитником лицо, которое, злоупотребляя своими правами, препятствует установлению истины по делу, затягивает расследование или судебное разбирательство дела, а также лицо, которое нарушает порядок в судебном заседании или не выполняет распоряжений председательствующего во время судебного разбирательства дела.

Что касается процессуального саботажа как основание для исключения защитника из уголовного процесса, то, на наш взгляд, данный законодательный опыт использовать не следует. Указанное основание вследствие своей неопределенности способствуют субъективизму судей, которые могут руководствоваться в решении данного вопроса лишь собственными симпатиями либо антипатиями.

Более сложным является вопрос об объективности или необъективности защиты. Для исключения всякого профессионального участника (в том числе и адвоката) из уголовного процесса достаточно установления (доказывания) обстоятельств, которые по мысли законодателя сами по себе обуславливают высокую вероятность (дают основания полагать) необъективность этого участника. Доказывать же саму необъективность участника уголовного процесса не требуется.

В то же время для вывода о том, что уголовно-процессуальная деятельность осуществлялась необъективно следует доказать в чем именно выражалась ее необъективность. Необъективность уголовно-процессуальной деятельности профессионального участника уголовного судопроизводства по существу является правонарушением, за которое указанный участник должен привлекаться к ответственности.

Поэтому объективное или необъективное ведение защиты, по нашему мнению, можно констатировать лишь при наличии следующего обстоятельства: вынесения оправдательного приговора, снижения либо освобождения от наказания, прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям в результате исследования доводов и аргументов, которые представлены органу, принимающему итоговое решение, не защитником, а иными участниками процесса. Обязательным условием при этом является то, что защитник имел реальную возможность представить эти доводы и аргументы в целях защиты прав и законных интересов своего подзащитного, но не представил их в силу предвзятости либо пристрастности, не согласующейся с законным интересом подзащитного.

В данном случае следует согласиться с Ю.П. Гармаевым, который акцентирует внимание на необходимости усиления ответственности адвокатов, нарушающих требование закона «Об адвокатуре» о честном, разумном и добросовестном отстаивании интересов доверителя (п.1 ч.1 ст.7 Закона об адвокатуре) [3].

На протяжении длительного времени предметом острых дискуссий является вопрос о допустимости исключения защитника из уголовного процесса в связи с подозрениями защитника в противоправной деятельности. Данный вопрос в российском уголовно-процес-

суальном законодательстве отражения не получил, хотя проблема исключения адвоката по указанному основанию для отечественного уголовного судопроизводства актуализировалась. В первую очередь это связано с упрочением в России за последние 10–15 лет организованной преступности, ростом коррупции, проявлений терроризма. Защиту по делам первых двух категорий нередко осуществляют так называемые «вовлеченные» либо «коррупцированные» адвокаты [4]. Как показал зарубежный опыт, защиту по делам о преступлениях террористических организаций (проблема терроризма для России превратилась в одну из наиболее острых) иногда осуществляют члены указанных организаций.

По нашему мнению, исключение адвоката-защитника из уголовного процесса при подозрении в преступной деятельности, которая является предметом расследования или судебного разбирательства с его участием, вполне обоснованно. Такое исключение, как и исключение на основании того, что адвокат ранее участвовал в уголовном деле в ином качестве или состоит в родственных отношениях с профессиональными участниками процесса, имеет профилактический характер. Законодатель таким образом стремится предотвратить возможную необъективность защиты. В случае подозрения в совершении преступления защита не может быть объективной по следующим причинам:

- 1) адвокат-защитник, который одновременно является соучастником, весьма вероятно будет искажать свою роль в преступной деятельности (преуменьшать ее или напротив, преувеличивать);
- 2) адвокат, выступающий в роли защитника, скорее всего, будет сосредоточен не на защите прав и законных интересов своего подзащитного, а на собственной защите от обвинения;
- 3) в такой ситуации адвокат, являющийся соучастником, с высокой вероятностью не будет отстаивать права и законные интересы подзащитных, а станет оправдывать само преступление, в котором он участвовал.
- 4) весьма вероятно, что под угрозой уголовного преследования, успешное осуществление которого приведет к запрету профессиональной деятельности, адвокат-защитник прибегнет к незаконным методам осуществления защиты.

В то же время дискуссионным является вопрос о процессуальных основаниях исключения защитника из уголовного процесса на основе подозрения в преступной деятельности, которая является предметом расследования или судебного разбирательства с его участием.

Так, наиболее обширный перечень оснований рассматриваемой категории был установлен в уголовно-процессуальном законодательстве Германии после судебного разбирательства по делу о преступлениях

террористической организации Баадер-Майнхоф. В ходе процесса было установлено, что защиту осуществлял агент этой организации. [5] В соответствии с законами «О дополнении первого закона о реформе уголовно-процессуального права» от 20.12.74 и «Об изменении уголовно-процессуального кодекса» от 14.04.78, который получил широкую известность как «Закон против терроризма», в УПК Германии были внесены следующие основания для исключения защитника из уголовного процесса:

- если он подозревается в том, что совместно со своим подзащитным участвовал в совершении уголовно наказуемого деяния (§138 а, УПК);
- если, по крайней мере, существует достаточное подозрение в том, что защитник злоупотребляет общением с обвиняемым, находящимся под стражей и тем самым создает существенную угрозу совершению уголовно-наказуемого деяния;
- если в отношении защитника существует достаточное подозрение в том, что он злоупотребляет общением с обвиняемым, находящимся под стражей, и таким образом создается большая угроза безопасности места заключения (§138, а УПК);
- если участие защитника по определенным делам о защите государства угрожает государственной безопасности ФРГ (§138 б УПК).

Решение об исключении защитника из процесса принимает высший земельный суд (§138в УПК) [6].

Обоснованность указанных законоположений вызывает сомнение. В данном случае следует согласиться с германским правоведом Г.Г. Кюне, который полагает, что «так как для обоснования исключения защитника достаточно простого подозрения, то по этим уголовным делам теоретически возможно исключение любого не понравившегося защитника» [7].

Отметим, что Европейский суд по правам человека, принимая решение по конкретному делу, констатировал, что государство может устанавливать условия, которым должны будут отвечать допускаемые к суду адвокаты, а также правила деонтологической этики, которые они обязаны будут соблюдать. Суд счел совместимым с требованиями абзаца с пункта 3 ст.6 Европейской Конвенции по Правам Человека отстранение некоторых адвокатов по той причине, что в отношении них существовали серьезные подозрения в поддержке ими преступной организации, в которую как предполагалось, входили обвиняемые [8].

Таким образом, по мнению Европейского Суда по Правам Человека, исключение защитника возможно лишь в случае серьезного подозрения. На наш взгляд, для решения вопроса об исключении защитника из уголовного процесса по рассматриваемым основаниям

национальный законодатель должен предусмотреть дополнительные процессуальные гарантии, в которых бы четко отражались критерии «серьезности» подозрения. В данном случае какой-либо субъективизм крайне опасен, ибо речь идет не о нейтральных основаниях исключения адвоката-защитника из уголовного процесса (участия в деле в качестве другого субъекта уголовного процесса, наличие родства и т.д.), а об обстоятельствах, констатация которых ставит под сомнение саму возможность данного лица заниматься адвокатской деятельностью по уголовным делам.

Кроме того, необходимо учитывать и один из важнейших принципов уголовного процесса — презумпцию невиновности. Поскольку речь идет о подозрении в совершении адвокатом преступления, на него полностью распространяется действие указанной презумпции.

На наш взгляд, основанием для исключения адвоката-защитника из участия в уголовном деле в связи с подозрением в совершении противоправной деятельности, являющейся предметом данного дела, может являться лишь официальное признание адвоката-защитника подозреваемым или обвиняемым по данному делу.

Думается, что решение об исключении адвоката-защитника из процесса не может приниматься лишь на основе сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, подтверждающих «общение», «сотрудничество», и даже «соучастие» адвоката с лицами (группами) лиц, которые привлекаются к уголовной ответственности. Иное дело, если данные сведения в соответствии со ст.89 УПК РФ отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, и наряду с доказательствами были использованы в данном качестве в доказывании, по результатам которого адвокат-защитник был признан подозреваемым либо обвиняемым.

По нашему мнению, с учетом требований УПК РФ, адвокат-защитник должен быть исключен из участия в уголовном процессе по рассматриваемому основанию, если:

- в отношении него возбуждено уголовное дело;
- он задержан в соответствии со ст.91 и 92 УПК РФ;
- к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст.100 УПК РФ;
- в отношении него вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- в отношении него вынесен обвинительный акт.

С учетом изложенного обоснованным представляется внесение следующего дополнения в УПК РФ:

Основанием исключающим дальнейшее участие адвоката в уголовном процессе по причине подозрения в совершении противоправных действий, связанных

с рассматриваемым делом, является лишь признание этого лица подозреваемым или обвиняемым в рамках конкретного производства, в соответствии с процедурами, установленными статьями 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как уже отмечалось ранее, мы считаем, что решение о выводе или исключении адвоката из уголовного процесса на стадии предварительного расследования должно приниматься судом. Результаты проведенного автором опроса показали, что практически все опрошенные адвокаты и большинство (71 %) судей, а также значительная часть следователей (42 %) согласны с указанным предложением.

В заключение отметим, что проблема обеспечения объективности адвоката-защитника может и должна решаться не только путем создания процессуальных гарантий, но и организационно-правовыми средствами.

Так, в последнее время серьезной проблемой стало участие в уголовных делах коррумпированных адвокатов-защитников, ранее работавших в правоохранительных органах, и установивших со своими бывшими коллегами прочные криминальные связи. Согласно данным опроса, проведенного среди адвокатов, входящих в состав МГКА, большинство участников считают важным ввести запрет для адвокатов — бывших сотрудников следственных органов — заниматься делами по месту своей прежней работы. Такой запрет обусловлен опасениями, что связи между следователями и их бывшими коллегами-адвокатами могут способствовать возникновению конфликтов интересов и злоупотреблений [9]

Думается, что данная рекомендация (при условии определения срока запрета до 3-х или 5 лет) вполне может быть реализована и в других крупных городах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трунов И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе / И.Л. Трунов. М., 2005. С.100–101.
2. Филимонов Б.А. Защитник в Германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. М., 1997. С.85.
3. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве / Ю.П. Гармаев. М., 2005. С.358–363.
4. Подробнее о характеристике адвокатов, осуществляющих незаконную деятельность см.: Гармаев Ю. П. Указ. соч. С. 80–111.
5. Филимонов Б.А. Защитник в Германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. М., 1997. С. 80.
6. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. М., 2001. С.453.
7. Филимонов Б.А. Защитник в Германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. М., 1997. С.81.
8. Гротрайн Эндрю. Статья 6 Европейской конвенции по правам человека. Право на справедливое судебное разбирательство / Эндрю Гротрайн. Страсбург, 1994. С.34.
9. Петрухин И.Л. Отчет о социологическом исследовании факторов, влияющих на деятельность адвокатов Московской городской коллегии адвокатов // Рассказывают адвокаты. М., 2000. С. 114–115.

© Федорин Владимир Евгеньевич (fedorin-ve@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯВКА С ПОВИННОЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

TURNING IN ONESELF: MYTH OR REALITY?

A. Yunusov
B. Gilmutdinov

Summary. Despite the rather long path of origin and development, the interdisciplinary institute of confession remains very relevant for both law enforcement officers and researchers. Insufficient regulation at the legislative level gives rise to conflict situations during the preliminary investigation and in the judicial stages. It seems that compliance with the conditions and recognition by law enforcement officials of the legitimacy of confession as voluntary is an exception rather than a rule. As we established during the study, the majority of respondents reported that they wrote a confession after a «conversation» with law enforcement officials, a lawyer, close relatives, or under the threat of subsequent criminal prosecution, as well as for the possibility of implementing the institute of pre-trial agreement, where admission of guilt is a mandatory condition. In other words, they «repented» under duress and for favorable consequences for themselves in subsequent criminal prosecution.

Keywords: criminal trial, plea appearance, crime, law enforcement, punishment, repentance, coercion.

Юнусов Ахат Ахнафович

доктор юридических наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (федерального) университета
axatuk@rambler.ru

Гильмутдинов Булат Халитович

полковник полиции, начальник филиала
Казанского юридического института МВД России
(г. Набережные Челны)
Gbh117@mail.ru

Аннотация. Несмотря на достаточно длительный путь зарождения и становления, межотраслевой институт явки с повинной и в настоящее время остается весьма актуальным как для правоприменителя, так и для исследователей. Недостаточная урегулированность на законодательном уровне порождает коллизионные ситуации в ходе предварительного расследования и в судебных стадиях. Думается, что соблюдение условий и признание представителями правоохранительных органов правомерности явки с повинной, как добровольности, скорее исключение, чем правило. Как было нами установлено в ходе исследования, большинство опрошенных нами лиц сообщили, что написали явку с повинной после «беседы» с представителями правоохранительных органов, адвокатом, близкими родственниками или под страхом последующего уголовного преследования, а также для возможности реализации института досудебного соглашения, где признание вины является обязательным условием. Иными словами, «раскаялись» под принуждением и для благоприятных последствий для себя в последующем уголовном преследовании.

Ключевые слова: уголовный процесс, явка с повинной, преступление, правоохранительные органы, наказание, раскаяние, принуждение.

Являясь межотраслевым институтом [1, С. 65–68] — явка с повинной, несмотря на многочисленные исследования, до настоящего времени представляет интерес как для правоприменителя, так и для представителей доктринальных исследований

Изначально, хотелось бы отметить, морально-психологическую составляющую данного межотраслевого института, как ранее было отмечено отдельными исследователями [2, 191 с.]. У лица намеревающегося явиться с повинной достаточно тяжелый выбор: по доброй воле обратиться в правоохранительные органы, и признав вину быть привлеченным к уголовной ответственности и в последующем, по судебному решению получить наказание за совершенное преступление; с другой стороны, не проявляя инициативу дожидаться возможной реализации норм ст. 78 УК РФ, с соблюдением условий предусмотренных ч. 3 ст. 78 УК РФ, чтобы течение сроков давности не приостанавливалось. Мнения опрошенных нами респондентов из числа представителей правоохрани-

тельных органов разделились: 90 % считают, что 80 % явившихся с повинной не раскаялись в совершенном и, несмотря на то, что они сами явились в правоохранительные органы ими двигал страх перед предстоящим уголовным преследованием и получением максимального наказания, а также, что данные «добровольные» действия были совершены под внешним воздействием, в том числе из числа представителей правоохранительных органов¹.

Остальные представители правоохранительных органов считают, что 20 % явившихся с повинной искренне раскаялись в совершенных преступлениях, они добровольно пришли в правоохранительные органы, не опасаясь и не чувствуя страха перед уголовным преследованием и уголовным наказанием. В ходе исследования

¹ Толковый словарь С.И. Ожегова исключает при добровольности какое-либо принуждение. См. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2006

были выявлены единичные случаи, когда лица являлись с повинной после беседы со священнослужителем и исповеди. С нашей точки зрения, явка с повинной, это преодоление себя с точки зрения психологии и моральных основ личности, однако, выяснить истинные мотивы явившегося с повинной лица достаточно сложно. Без сомнения, для правоприменителя, в первую очередь, значение имеет сам факт явки, а не его мотивация, особенно по преступлениям, о совершении которых правоохранительным органам не было известно и явившееся лицо впервые об этом сообщает.

Исходя из анализа правоприменительной практики мы можем констатировать тот факт, что из морально-правового — институт явки с повинной превращается в формально-правовой. С нашей точки зрения, явка с повинной не может быть таковой, если мотивация лица направлена лишь на формальное желание смягчить размер наказания при условии признания судом ее таковой в соответствии с п. и ч. 1 ст. 62 УК РФ. Большинство опрошенных нами респондентов заявили, что обязательным условием реализации данного межотраслевого института должно явиться раскаяние лица совершившего преступление, что без сомнения, достаточно трудно установить.

В современном состоянии, при формальной ее реализации, без морально-психологического воздействия на лицо, не явившееся с покаянием и раскаянием, а лишь с целью получения «бонусов» со стороны органов предварительного расследования и суда, данный институт не может восприниматься обществом и государством как позитивный. Нами, данный институт не воспринимается как морально-правовой и в тех процессуальных ситуациях, когда в отношении лица проявляется интерес со стороны правоохранительных органов или в отношении него, или с его участием, начинают проводить следственные или процессуальные действия. Явиться добровольно, и сообщить о совершенном им преступлении гражданин должен внутренне раскаявшись, осознав и приняв, в том числе и негативные последствия совершенного им преступления.

Современное состояние криминалистической науки и техники на таком уровне, что, практически, любое преступление может быть раскрыто при соответствующих профессиональных качествах, умениях и навыках представителей органов предварительного расследования. И, думается, в современных реалиях правоохранителю не имеет смысла оказывать воздействие на лицо с целью его склонения к явке с повинной. Однако самосознание, мировосприятие личности и сформированное на этой основе, внутренне состояние современного общества, под воздействием внешних факторов стало более эгоистично-потребительским, чем нравственно-религиозным. И современный человек, думается, перед тем как

написать явку с повинной не будет рассуждать о морали и нравственности, а посоветовавшись с адвокатом, будет подчитывать на какие правовые «преференции» он сможет рассчитывать после явки с повинной.

Редко, но иногда в правоприменительной практике возникают ситуации, когда лицо искренне раскаявшись, не боясь быть привлеченным к уголовной ответственности обращается в правоохранительные органы с явкой с повинной. При этом, не ожидая, что могут возникнуть коллизионные ситуации, связанные с регистрацией и с разрешением его обращения, и приняты непроцессуальные решения представителями органов уголовного преследования.

По общему правилу в соответствии со ст. 144 УПК РФ законодатель установил императивные требования, по которому «...Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа **обязаны** принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении...». Достаточно детальный механизм реализации данной уголовно-процессуальной нормы содержится в ведомственных нормативных актах. Однако, в правоприменительной практике нередко встречаются факты ненадлежащего исполнения требований ведомственных актов и норм уголовно-процессуального законодательства РФ при принятии заявлений и сообщений о преступлениях, в частности, явки с повинной.

Например, исходя из содержания п. 20 приказа СК № 72 «Об организации приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы следственного комитета Российской Федерации» «...Заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в книге и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном статьями 144, 145 УПК...» логично утверждать, если в обращении говорится о совершенном преступлении, то оно должно быть в **обязательном** порядке зарегистрировано, и рассмотрено (проверено) в установленные с уголовно-процессуальным законом сроки.

Являясь одним из поводов для возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 142 УПК РФ, явка с повинной в ряде случаев не воспринимается таковой и отвергается представителями ряда правоохранительных органов. В большей степени, с нашей точки зрения, это результат десятилетиями устоявшейся порочной практики непризнания своих ошибок, просчетов и возведенная в степень безответственность и безнаказанность отдельных представителей правоохранительных органов который носит, к сожалению, системный характер.

Так, в частности, 09 апреля 2019 года Председателю Следственного комитета России А.И. Бастрыкину, г-н Б. через адвоката отправил с явкой с повинной с просьбой организовать процессуальную проверку сведений, изложенных в ней. Г-н Б. заявил, что следователь-криминалист СО по городу Альметьевск СУ СКР В., фальсифицировал доказательства, на основании которых г-н С. по уголовному делу № 1-129/2016 01 августа 2016 года был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренного ч. 4 ст.111 УК РФ и ч.1 ст.161 УК РФ и приговорён Альметьевским городским судом Республики Татарстан к 11 годам лишения свободы, которое он в настоящее время отбывает. Б. также сообщил, что следователь-криминалист В. принудил дать в отношении С. заведомо ложные показания, что якобы, он видел, как С. избивает потерпевшего Г. и допросил его в качестве засекреченного свидетеля под псевдонимом «Петров Иван Иванович». В явке с повинной Б. не только признался в даче заведомо ложных показаний в отношении С., но и просил привлечь к уголовной ответственности следователя В.² за принуждение его (Б.) к даче заведомо ложных показаний и собственноручно записал, что об уголовной ответственности за заведомо ложный донос он осведомлён.

Фактически, обращение с явкой с повинной Б., и заявление осужденного С. являются сообщениями о преступлениях, совершённых следователем В.. По существу, г-н Б. сообщает о совершенном им преступлении, надеясь, что по итогам его рассмотрения будет возбуждено уголовное дело и возможно он будет привлечен к уголовной ответственности и наказан³.

30 апреля 2019 года исх. №221/4-р-19 инспектор отдела по работе с обращениями управления по рассмотрению обращений граждан и документальному обеспечению СКР В., уведомила, что обращение адвоката и Б. на 114 листах направлены для проверки в СУ СКР по РТ.

Рассмотрев указанные материалы, заместитель руководителя второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СКР по РТ капитан юстиции Г. 04 июня 2019 года исх. № ОТСК-203-53688-19, ссылаясь на приказ

² По иронии судьбы следователь-криминалист В. по истечении определенного времени был изобличен сотрудниками ФСБ РФ в получении взятки и в настоящее время отбывает наказание.

³ При своевременной регистрации и рассмотрения данной явки с повинной г-н Б., наверное, был бы привлечен по ч. 2. ст. 308 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний соединенных с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Хотелось бы отметить, что при обращении с явкой с повинной сроки давности не были истечены. Возможно, что он был бы освобожден от уголовной ответственности в порядке ст. 40 УК РФ, так как, согласно его заявлению, следователь В. заставил его дать ложные показания под угрозой его изнасилования с использованием фалоимитатора.

Председателя Следственного комитета Российской Федерации № 72 от 11 октября 2012 года, уведомил адвоката, Б. и С., о том, что заявление последнего и явка с повинной Б. не подлежат регистрации в книге регистрации сообщений о преступлении и не требуют проверки в порядке, предусмотренном ст. ст. 144. 145 УПК РФ⁴.

Однако, необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ еще 25 января 2005 года Определением N 42-О определил, что нормы уголовно-процессуального закона, в том числе статьи 7 УПК РФ, в их конституционно-правовом толковании не допускают отказа дознавателя, следователя, прокурора и суда при рассмотрении заявления, ходатайства или жалобы участника уголовного судопроизводства от исследования и оценки всех приводимых в них доводов, а также мотивировки своих решений путём указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания, по которым эти доводы отвергаются рассматривающим соответствующее обращение органом или должностным лицом⁵.

Последующие попытки обжаловать отказ в регистрации явки с повинной Б. в ведомственных, надзирающих и судебных органах к положительному результату не привели.

Неоднозначно можно воспринимать и позицию тех авторов, которые предлагают не распространять действие института явки с повинной на тех лиц, сообщивших о совершенных ими деяниях, которые уже были известны правоохранительным органам [3, 672 с.] (по ним возбуждены уголовные дела), либо уголовные дела не были возбуждены, но по ним проводились оперативно-розыскные мероприятия и по итогам данных мероприятий решался вопрос о возбуждении уголовного дела, но не было известно лицо их совершившее. С нашей точки зрения, информированность правоохранительных органов или обратное не должны иметь значения для реализации института явки с повинной. Как было заявлено ранее, у лица, явившегося с повинной, имелась возможность ожидания наступления сроков давности и быть освобожденным от уголовной ответственности, без сомнения с учетом категорий преступлений, которые он совершил и когда реализация института сроков давности

⁴ Данные получены от адвоката Ю.А. Удовенко. Адвокатский кабинет Удовенко Ю.А. внесён в реестр адвокатов Республики Татарстан под № 16/1931 423812, РТ, город Набережные Челны, пр. Сююмбике д.6, кв.42, т.8.9274683102, email: Yr_Udovenko@mail.ru

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 N 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

сти зависит от судебного усмотрения. И, если уголовное дело было возбуждено, и по которому лицо или лица, его совершившие не были установлены (преступление не раскрыто), либо правоохранительным органам о совершенном деянии известно, однако, по нему проводятся оперативно-розыскные мероприятия с целью документирования действий разрабатываемых лиц, при обращении лица совершившего это деяние, данное обращение должно быть оформлено как явка с повинной.

Думается лицо, которое собирается явиться с повинной не должно (не обязано) знать об информированности правоохранительных органов о совершенных их преступлениях, о возбуждении уголовного дела по данным преступлениям и иных процессуальных или оперативно-розыскных мероприятиях проводимых по ним, чтобы в отношении него был реализован институт явки с повинной как в уголовно-процессуальном так итак и в уголовно-правовом аспектах.

Согласно позиции большинства исследователей в сфере уголовного судопроизводства, поддержанных Верховным Судом Российской Федерации при оформлении явки с повинной обязательно должен присутствовать адвокат, который должен разъяснить явившемуся лицу о правовых последствиях (как положительных, так и негативных) до составления и подписания протокола явки с повинной [4, 29 с.]. Участие представителя адвокатского формирования, с позиции адвоката Ю.А. Удовенко, является гарантией, исключающей сообщение о совершенном преступлении под различного рода воздействием (физическим, психологическим, обещанием и т.д.).

С другой стороны, объективно возможна ситуация, когда лицо принципиально отказывается от присутствия адвоката при оформлении явки с повинной, даже номинально, заявляя, что это его принципиальная позиция. Думается, в данной ситуации правоприменитель не имеет права отказать в принятии явки с повинной. **Тем более уголовно-процессуальное законодательство этого не требует.** Не исключаем и иных ситуаций, когда также, объективно, обеспечить участие адвоката при явке с повинной не представляется возможным. Для исключения проблемной ситуации необходимо законодательно закрепить положение о том, что участие адвоката обязательно лишь в той ситуации, когда об этом требует само лицо, явившееся с повинной, после разъяснения его права на защиту. Понимая и ожидая критику со стороны коллег, можем отметить, что в ходе предварительного расследования или в ходе судебного данное лицо может отказаться от своего заявления, что логично поставить данный акт в статус недопустимых доказательств, в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

Однако, в данном весьма болезненном для всех сторон уголовного процесса вопросе, противоречива и по-

зиция высшей судебной инстанции системы судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации. В п.10 своего постановления о «Судебном приговоре» Верховный Суд Российской Федерации для признания явки с повинной доказательством обязывает установить при **проверке** сообщения о преступлении были ли обеспечены права явившегося предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Не совсем понятно, почему Верховный Суд Российской Федерации свое внимание обращает сразу на ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, а не анализирует ч.1 данной статьи, где говорится сначала о принятии, а затем проверке данного обращения. Принятие и регистрация заявления и сообщения о преступлении как процессуальное действие в большей степени носит процессуально-технический характер, когда уполномоченные лица в соответствии с УПК РФ и ведомственными приказами обязаны принять заявление и соответствующим образом его зарегистрировать. И, только после выполнения данного действия приступить к процессуальной проверке данного обращения.

В то же время, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации диаметрально противоположна позиции Верховного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации, обосновывая [6] свое решение, отмечает, что «...именно в силу добровольного характера явки с повинной законодатель не установил обязательного разъяснения заявляющему ее лицу предписаний статьи 51 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников...» [7].

Отмечаем, что само посещение правоохранительного органа вызывает у многих отрицательные эмоции, ряд опрошенных нами граждан заявляли, что дойдя до органов полиции или увидев сотрудника в форме, они меняли свое решение связанное желанием сообщить о совершенном им преступлении. С данных позиции государству необходимо осуществить правовую пропаганду, направленную на стимулирование обращений с явкой с повинной через адвокатские формирования. В то же время, наблюдаемая в последнее время тенденция совершаемых представителями адвокатского сообщества преступлений и нарушений адвокатской этики вынуждает граждан заняться поисками «хороших адвокатов». Нередко адвокаты в нарушении норм адвокатской этики начинают сами оказывать воздействие на своих доверителей, идя на непроцессуальные отношения с представителями органов предварительного расследования⁶. В боль-

⁶ Как справедливо отмечает Е.А. Зайцева «...При этом не следует исключать негативную роль, так называемых коридорных или карманных адвокатов, для которых следователи и дознаватели являются регулярными «поставщиками» клиентов. Вряд ли от таких представителей адвокатского сообщества можно ожидать

шинстве случаев мотивация такого противоправного поведения — корысть.

В частности, по одному из уголовных дел, находящихся в производстве Набережночелнинского городского суда, адвокат А., участвующий в деле по назначению впервые увидев своего доверителя в коридоре здания суда, вопреки ее интересам начала уговаривать подсудимую отказаться от особого порядка судебного разбирательства (который возможен только при условии признания вины), обнадеживая оправданием ее, если уголовное дело будет рассматриваться в обычном режиме, по уголовному делу № 12301920004000164 находившемуся в производстве отделения дознания отдела МВД России по Тукаевскому району Республики Татарстан, со слов осужденного К. адвокат, при производстве отдельных следственных и процессуальных действий не присутствовала (несмотря на то, что с ней было заключено адвокатское соглашение), также защитник ознакомилась с материалами оконченого производством уголовного дела без участия самого обвиняемого, убеждая доверителя тем, что она имеет на это право, забывая (или по злему умыслу) с содержанием ч. 1 ст. 217 УПК РФ предусматривающий такой порядок лишь при наличии взаимного ходатайства обвиняемого и защитника⁷.

В итоге — замкнутый круг. Мы можем лишь констатировать, что для предполагаемого обеспечения гарантий от противоправных воздействий со стороны представителей органов уголовного преследования при явке с повинной, лицо может явиться с адвокатом, либо потребовать обеспечения его участия представителями стороны обвинения. При этом не будучи уверенным, на чьей стороне адвокат, либо будет ли адвокат добросовестно выполнять взятые на себя обязательства, если он участвует в данной ситуации по назначению.

Однако уголовно-процессуальный кодекс РФ не ограничивает право лица собственноручно написать явку с повинной и отправить (лично доставить) в органы уголовного преследования данное обращение. В подобных ситуациях, с нашей точки зрения, гарантией добровольности и соблюдения его прав и интересов также будет присутствие адвоката, который при этом разъяснит лицу правовые последствия собственноручного составления явки с повинной раскаявшегося лица. Обращение явкой с повинной через собственноручно написанное заявление (в присутствии адвоката) не должно являться препятствием для регистрации и дальнейшего рассмотрения данного обращения.

принципиальной позиции в защите интересов их клиентов...» См. Зайцева Е.А. Явка с повинной: от позиции высших судебных инстанций к конкретному правоприменению. Уголовное судопроизводство. — 2019, № 2. С. 25–30.

⁷ Данные получены одним из соавторов (Юнусовым А.А.) при оказании консультационной помощи представителям стороны защиты.

Несмотря на возможную критику ряда представителей адвокатского сообщества и публичных правоохранительных органов, с нашей точки зрения дополнительной гарантией соблюдения прав и интересов лица, желающего сообщить о совершенном им преступлении, будет законодательно установленная возможность принятия и процессуального оформления явки с повинной представителями квазиправоохранительных органов — адвокатурой. В данном случае гарантировано, исключена возможность противоправного воздействия, на лицо, желающее обратиться явкой с повинной. При этом остается определенной проблемная составляющая, связанная с соблюдением адвокатской тайны. Процессуальное оформление адвокатом явки с повинной допускается после разъяснения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых последствий реализации данного междотраслевого института явно выраженного добровольного согласия доверителя.

Доверитель, после разъяснений адвокатом негативных последствий в виде гарантированного привлечения к уголовной ответственности и ожидаемо — уголовного наказания может изменить свои намерения и отказаться от дальнейших действий связанным с оформлением явки с повинной. При оформлении явки с повинной публичных правоохранительных органах данной проблемы не существует, сам факт обращения лица, и сообщение им информации о неизвестном для них преступлении является позитивной составляющей, несмотря на возможный последующий отказ от явки с повинной или отказа от подписи протокола явки с повинной.

Однако, при обращении к адвокату и в последующем отказе от процессуального оформления явки с повинной о преступлении, который носит латентный характер, представитель адвокатского сообщества становится носителем информации о совершенном, в ряде случаев, тяжкого и особо тяжкого преступления. Требования ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», кодекса профессиональной этики адвоката обязывают под угрозой лишения статуса адвоката сохранять в тайне не только предмет общения, но и сам факт обращения данного лица к адвокату. В ходе опроса представителей адвокатского сообщества было выявлено, что у отдельных адвокатов, после получения от доверителя информации о совершенных преступлениях, особенно против личности и в отношении несовершеннолетних, возникало желание сообщить об этом, конфиденциально, представителям органов, осуществляющих уголовное преследование. Думается, в данной ситуации нормы права, направленные на сохранение адвокатской тайны, вступают в противоречие с индивидуализированными нормами морали конкретной личности.

Наиболее аргументировано и объективно по данной проблеме высказался один из авторитетных представи-

телей адвокатского сообщества С.Л. Ария. Требование о соблюдении адвокатской тайны, с позиции С.Л. Ария, относительно информации о совершенном преступлении в независимости от категории преступления должно носить абсолютный характер. Относительно соблюдения адвокатской тайны по информации о готовящемся преступлении, полученном от доверителя С.Л. Ария ставит в зависимость от внутренних морально-нравственных устоев представителя адвокатского сообщества⁸.

⁸ «...Здесь речь идет уже вовсе не о помощи в карательной деятельности, а о помощи другим людям, о предотвращении реально нависшей над ними беды. Здесь голос морального долга звучит уже непереносимо мощно. И устоять перед ним трудно...».

Уголовно-правовая составляющая института явки с повинной в основе своем связана с его влиянием на назначаемое судом наказание. При этом, как показывает правоприменительная, и в этом, казалось бы, достаточно простом вопросе возникают проблемные ситуации. Как показывает анализ судебной практики реализация данного межотраслевого института при судебном разбирательстве и последующем назначении наказания с учетом явки с повинной достаточно противоречива, о чем будет проведено исследование в последующем.

С.Л. Ария. Не стоит звенеть ключами тайн. Адвокатская газета. № 22, 2009 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумов А.М. Явка с повинной как смягчающее наказание обстоятельство. Законность, 2020, № 3, С.65–68.
2. Яджин Н.В. Психология явки с повинной и тактика проверки заявления явившегося: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. — 191 с.
3. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 672 с.
4. Классен М.А. Явка с повинной в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012, — 29 с.
5. Об участии адвоката при оформлении явки с повинной в правоохранительных органах, в зависимости исключительно от волеизъявления явившегося лица, закреплено и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. См. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 года № 326-О, от 17 июля 2012 года № 1280-О, от 20 марта 2014 года № 638-О, от 24 июня 2014 года № 1338-О и от 23 октября 2014 года № 2380-О. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2025)
6. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2003 N 34-О// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2025)
7. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 2270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой, 2 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»././ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2025)

© Юнусов Ахат Ахнафович (axatuk@rambler.ru); Гильмутдинов Булат Халитович (Gbhl117@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ УПРОЩЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РФ

THE SPECIFICS OF THE LEGAL SUPPORT OF THE SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ju. Yakovleva

Summary. In this publication, the author explores the features of the legal regulation of the simplified taxation system, focusing on the advantages. The work reflects the specifics of the functioning of this system in relation to various subjects of taxation. Considering the simplified system as a significant and relevant legal institution, the author identifies the key patterns of its implementation, while paying attention to the problems. Based on the studied material, the author attempts to develop recommendations for improving the legal regulation of the simplified taxation system.

The purpose of the work is to identify the specifics of the legal support of the simplified taxation system. The object is the functioning of the simplified taxation system, the subject is taxes paid by tax subjects. Based on the analysis of the literature, the author explores the main mechanisms for ensuring the payment of taxes under a simplified scheme, as well as the legal tools for creating a comfortable tax space that promotes the fair payment of taxes and the optimization of this procedure. The components of this system in relation to individual business entities are considered, as well as their effectiveness is analyzed.

Keywords: taxes, simplified system, legal support, regulatory mechanisms, payment of taxes, subjects of taxation, law institute, legal structure, small business.

Яковлева Юлия Георгиевна

Старший преподаватель,
Федеральное государственное образовательное
бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»
ygyakovleva@fa.ru

Аннотация. В этой публикации автор исследует особенности правового регулирования системы упрощенного налогообложения, акцентируя внимание на преимуществах. Работа отражает специфику функционирования данной системы применительно к различным субъектам налогообложения. Рассматривая упрощенную систему как значимый и актуальный юридический институт, автор выявляет ключевые закономерности ее реализации, при этом уделяя внимание проблемам. На основании исследованного материала автор предпринимает попытки разработки рекомендаций по совершенствованию правового регулирования системы упрощенного налогообложения.

Целью работы автор определил выявление специфики правового обеспечения системы упрощенного налогообложения. Объект — функционирование системы упрощенного налогообложения, предмет — налоги, уплачиваемые субъектами налогообложения. На основе анализа литературы автор исследует основные механизмы обеспечения уплаты налогов по упрощенной схеме, а также правовой инструментариий создания комфортного налогового пространства, который способствует добросовестной уплате налогов и оптимизации данной процедуры. Рассматриваются компоненты данной системы в отношении отдельных субъектов предпринимательства, а также анализируется их эффективность.

Ключевые слова: налоги, упрощенная система, правовое обеспечение, механизмы регулирования, уплата налогов, субъекты налогообложения, юридический институт, правовая конструкция, малое предпринимательство.

Введение

Современная система налогообложения претерпевает серьезные изменения в контексте обеспечения максимальной уплаты необходимых платежей, доступности услуг по оплате различным категориям налогоплательщиков.

Специальные налоговые режимы, которые применяются к отдельным категориям налогоплательщиков, позволяют обеспечить максимальную уплату налогов, предоставляя стимулы для развития хозяйственной деятельности. Упрощенная система налогообложения помогает снизить нагрузку на налоговые органы, также повышая доступность данных услуг для субъектов уплаты налогов. Кроме того, субъекты упрощенной системы налогообложения (УСН) могут самостоятельно выбирать

налоговую ставку из вариантов, предложенных Налоговым кодексом РФ. Подобная вариативность и демократичность российской налоговой политики обуславливают необходимость более детального изучения правовых механизмов, регулирующих данную систему.

Целью работы автор определил выявление специфики правового обеспечения системы упрощенного налогообложения. Объект — функционирование системы упрощенного налогообложения, предмет — налоги, уплачиваемые субъектами налогообложения.

В контексте полноценного изучения предложенной темы автор определил необходимость решения нескольких исследовательских задач:

- 1) выявление специфики налогообложения субъектов малого предпринимательства;

- 2) конкретизация основных проблем реализации упрощенной системы налогообложения;
- 3) определение путей решения выявленных проблем.

Материалы и методы исследования

Основные методы: формально-юридический и теоретико-методологический, являются основой для сопоставления различных точек зрения авторов, актуализированных в следующих работах:

- посвященных содержанию и функционалу УСН (Г.А. Башимова, Ш. Ачилова, В.С. Земцова и пр.);
- отражающих особенности данной системы уплаты налогов (Е.К. Безручкин, З.В. Каменева, Б.Я. Лазарев);
- исследующих перспективы развития УСН (А.Б. Быля, Д.В. Устинов, А.Л. Осмоловская-Суслина, С.Р. Борисова).

Результаты и их обсуждение

Специфика налогообложения субъектов малого предпринимательства

Особенности специальных режимов налогообложения, к которым, в том числе, относится и упрощенная система, обусловлены, прежде всего содержанием и функционалом самих субъектов.

Как отмечают А.Л. Осмоловская-Суслина и С.Р. Борисова [10], совершенствование правового обеспечения работы субъектов малого предпринимательства является одной из приоритетных задач российской финансовой и социальной политики, меры которой направлены на стимулирование хозяйственной активности. Являясь полноценными участниками отраслевой и финансовой деятельности, данные субъекты также платят налоги, иные обязательные платежи, что, зачастую составляет немалые сложности в организационном и административном аспектах. Подобные субъекты дифференцируются от других в отдельную категорию и могут использовать специальные режимы налогообложения, в том числе, и упрощенную систему. Данная система налогообложения, как отмечают вышеуказанные авторы, обеспечивает около 90 % налоговых поступлений в бюджет. Это обусловлено:

- 1) простотой процедуры налогообложения, которая не предполагает многоэтапности и сложности;
- 2) возможностью выбора из нескольких вариантов налоговых ставок, предложенных российским законодательством;
- 3) относительно невысокой налоговой ставкой, что является немаловажным для субъектов хозяйственной деятельности с небольшим финансовым оборотом.

По мнению Е. Безручкина [2], именно добровольный переход на УСН обеспечивает ее эффективность, отражая мнение субъекта предпринимательства. Несмотря на популярность и востребованность данной системы, не все могут ею воспользоваться. Важно отметить несколько признаков, которыми должен обладать субъект налогообложения:

- 1) количество работников у субъекта не должно превышать 130 человек;
- 2) доход не должен быть больше определенной суммы (в 2023 г.
- 3) остаточная стоимость имущества не должна превышать 150 млн руб.

Ориентируясь на эти критерии, мы понимаем, что они применимы к субъектам именно малого предпринимательства, для которых, как мы уже говорили, сама процедура может представлять определенную сложность, в отличие от крупных хозяйствующих субъектов, где в штате работают бухгалтеры, юристы, финансовые консультанты и пр.

Н.С. Никулин, Ю.А. Кожухова, А.Р. Хаметова [9] отмечают, что возможность выбора налоговой ставки из вариантов: «доходы» или «доходы минус расходы» позволяет субъектам налогообложения учитывать не только масштабы, но и перспективы развития своей хозяйственной деятельности.

Разница в дефинициях понятия «Доход» (чистая прибыль с вычетом расходов либо общий доход, полученный за определенный период), обуславливает разные ставки (до 15 % и 6 % — соответственно) и необходимость самостоятельно контролировать пролонгирование своего права использования субъектом УСН, т.к. оно зачастую заканчивается одновременно с превышением суммы допустимого дохода либо нарушением какого-либо критерия, указанного нами выше.

Согласно п. 1.1 ст. 346.15 НК РФ при налогообложении в данной системе не учитываются:

- доходы, указанные в ст. 251 НК РФ;
- дивиденды и доходы от некоторых видов долгосрочных обязательств, которые облагаются налогом на прибыль;
- доходы индивидуального предпринимателя, облагаемые НДФЛ по ставкам 35 % и 9 %.

Однако, при этом необходимо понимать, что доходами необходимо считать поступившие и денежные, и материальные средства [2], среди которых необходимо выделить:

- полученные задатки и залоги (обеспечительные платежи);
- взносы в уставный капитал;
- заемные средства;
- суммы целевого финансирования.

Все вышеназванное не учитывается как доходы и поэтому налогом не облагается.

Подобный нюанс должен быть подтвержден документами, чтобы средства, поступившие на счет организации либо ИП не были зачтены в качестве налогов. Документально необходимо подтвердить и наличие расходов для тех субъектов, которые выбрали ставку «доход минус расход». Тем субъектам налогообложения, которые выбрали данный вариант, необходимо учитывать расходы, которые отражены в п.1 ст. 346.16 НК РФ. Данный перечень является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Понесенные затраты принимаются в учет для целей налогообложения только, если они соответствуют определенным критериям, которые закреплены в п. 1 ст. 252 НК РФ и отражены в документах. Это обеспечивает конкретизацию суммы налогообложения, обеспечивает наибольшую вероятность уплаты.

Подобная дифференциация упрощает систему налогообложения, но одновременно обуславливает необходимость повышения уровня правовой и финансовой грамотности хозяйствующих субъектов малого предпринимательства, а также социальную ответственность за выбор ставки и соблюдение условий ее применения.

Основные проблемы реализации упрощенной системы налогообложения и возможные пути их минимизации

Как мы отметили ранее, УСН предоставляет определенному кругу налогоплательщиков ряд преимуществ. Однако, она имеет некоторые сложности, которые значительным образом влияют на эффективность и усложняют понимание налогоплательщиками самой процедуры работы по данной системе.

Такие авторы как З.В. Каменева и Б.Я. Лазарев [6] определяют их не столько в качестве проблем, сколько в качестве особенностей, которые обуславливают необходимость «доработки» правовых механизмов. К примеру, размер дохода, который влияет на возможность реализации УСН. Несколько выше мы говорили о ставках 6% и 15% для режимов «доход» и «доход минус расходы» при доходе до 150 млн. руб. (изначально) и численности сотрудников до 100 человек.

Однако данные границы являются «промежуточными» и в соответствии ст. 346.20 НК РФ, изложенными в новой редакции, если доходы налогоплательщика за налоговый период превысят 150 млн руб., но останутся меньше 200 млн руб. и (или) численность сотрудников превысит 100 человек, но будет меньше 130 человек, то должны применяться повышенные налоговые ставки — 8 % для объекта «доходы» от 15 % для объекта «доходы, уменьшенные на величину расходов».

Подобная разница в доходе и количестве работников позволяет говорить о некотором «переходном» режиме, в котором налогоплательщик подходит к пониманию возможности утраты УСН в качестве инструмента налогообложения при выходе за определенные законодательством границы. Подобные феномены предусмотрены не только в правовом поле нормативно — правовых актов, но и в федеральных и региональных программах и проектах. Например, проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [3], ряд программ в регионах РФ, создание Автоматизированной системы упрощенного налогообложения позволяют субъектам осуществлять отраслевую деятельность в качестве основной, минимизируя сложности с расчетами и уплатой налогов.

Выбор ставки позволяет учитывать особенности бизнеса, объемы оборота товаров и услуг, определять границы получения доходов, обеспечивать максимальное вливание в бюджет поступлений от налоговых платежей. Это подчеркивают Е.В. Кузьмина и О.К. Бойко [7, с. 40], фиксируя тот факт, что 75 % поступлений в бюджет одного из регионов (Волгоградской области) — из сферы налогов, связанной с упрощенной системой, т.к. малые предприятия, которых в регионе очень много, выбирают УСН, тем самым обеспечивая максимально полную уплату.

До 2019 г. в юридической, в частности налоговой практике актуализировался вопрос об уплате налогов на доход тех субъектов предпринимательства, которые не имеют достаточных объемов финансового оборота, а кроме того, в ряде случаев, не обладали определенным правовым статусом (отсутствовала регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, действующие субъекты переоформляли предпринимательство на других людей, закрывали предпринимательство, ведя незаконный бизнес).

Одним из последствий этого необходимо считать сокрытие налогов, неполную их уплату. Указанные факты не были случайностями: ставка НДС слишком велика для бизнеса небольшого масштаба либо для человека, открывшего свое дело, процедуру исчисления и уплаты налога также нельзя назвать слишком простой.

С введением налога на профессиональный доход ряд таких проблем как: необходимость регистрации в качестве ИП, обязательность применения кассовой процедуры для формирования доходной части субъекта и пр. были решены. И здесь мы согласны с А.Б. Былей и Д.В. Устиновым [3], что некие подобные решения возможны и в реализации УСН. Это также необходимо, чтобы минимизировать еще одну, выявленную нами в ходе анализа источников, проблему — дробления бизнеса [8]. О.А. Леонова, говоря о данной сложности, констатирует

проблематику ее выявления: основной участник бизнеса, подходя к порогу превышаемых значений по доходу либо по численности работников, создает дополнительные подразделения (организации, ИП), которые документально не имеют к нему никакого отношения. Подобное дробление — это не только снижение платежности субъекта, но и вовлечение в противоправную деятельность людей, которые зачастую не осознают происходящего (регистрация ИП на посторонних лиц и пр.). При этом номинальные организации, подставные лица не являются выгодоприобретателями, не имеют самостоятельности в контексте принятия управленческих, да и других содержательных решений. Подобные ситуации неоднозначны и иногда увеличение числа хозяйствующих субъектов происходит по объективным причинам, не неся негативных последствий. Но О.А. Леонова предлагает обратить особое внимание на наличие ряда признаков, указывающих на уход от налогов:

- взаимозависимость и подконтрольность лиц, которые применяют УСН;
- отсутствие самостоятельной финансовой (но не налоговой) причины разделения бизнеса, которая объективно объясняет необходимость подобной дифференциации.

В контексте этого другие авторы [4], [7] предлагают ряд мер, направленных на борьбу с данным явлением:

- изучение родственных и иных связей, которые характеризуют деление как фиктивное, выявление действий нескольких субъектов по одной схеме иногда с использованием одного имущества, анализ IP-адресов, с которых отправляется отчетность;
- отслеживание направленности и объемов расходов. При дроблении нередки факты, когда участники несут расходы друг за друга, что «не вписывается» в логику деловых отношений;
- определение принадлежности основных и оборотных средств, которые могут отсутствовать у некоторых участников.

В данном случае мы можем говорить и о выявлении, и о предотвращении налоговых правонарушений, связанных с незаконным использованием системы упрощенного налогообложения.

Кроме того, существуют проблемы, не связанные с правовым полем, к примеру, нестабильность дохода и финансового положения налогоплательщиков, что также способствует сокрытию налогов.

Безусловно, подобный фактор лишь косвенно можно назвать причиной подобных правонарушений и во главе угла стоит низкий уровень правосознания и правовой культуры. Именно поэтому необходимо говорить о становлении культуры налогоплательщиков, подчеркивания значимости уплаты налогов и конкретизации преимуществ УСН.

Выводы

Подводя итоги работы, важно отметить актуальность и востребованность УСН в современной экономике и широту ее применения в юридической практике. Предоставляя несомненные преимущества налогоплательщикам, она способствует формированию финансовой и юридической грамотности.

1. Организации и ИП ведут бухгалтерский учет в упрощенной форме;
2. Субъекты налогообложения освобождаются от ряда налогов, таких как (НДС, НДФЛ, налог на имущество физических лиц и пр.);
3. Выбор объекта налогообложения («доходы»/ «доходы минус расходы»).

Однако, в нашей работе были отмечены и правовые проблемы, связанные с регулированием УСН, такие как:

1. Возможность утраты субъектом налогообложения права на упрощенную форму уплаты налогов, к примеру, в результате превышения суммы допустимого дохода;
2. Невозможность заниматься определенными видами деятельности, к примеру, адвокатской.
3. Отсутствие обязанности уплачивать НДС. Это может иметь результатом потерю покупателей покупателей НДС, так как они не смогут предъявить НДС к возмещению из бюджета. И это снижает мотивацию к сотрудничеству, уменьшает продажи;
4. Ограничение размеров доходов обуславливает некоторое торможение развития и не всегда предоставляет возможность отследить тот момент, когда субъект утрачивает право на использование УСН.

Несомненными плюсами являются возможность выбора налоговой ставки и практически ежегодная дифференциация доходов.

Однако данные рамки формируют желание недобросовестных налогоплательщиков к таким действиям как дробление бизнеса, сокрытие доходов, уход от налогов.

Это обуславливает необходимость не столько совершенствования правового обеспечения упрощенной системы налогообложения, сколько конкретизацию механизмов его реализации.

Говоря о правовом поле УСН, важно подчеркнуть то, что именно ее особенности обуславливают формирование социальной категории «ответственности», «самоконтроля» у налогоплательщиков и уменьшению тех специально созданных ситуаций, когда занижается размер дохода, скрываются налоги, осуществляются внеплановые налоговые проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башимова Г.А., Ачилова Ш. Текущее состояние и будущие тенденции упрощенной системы налогообложения // Символ науки. 2024. №3-2-1. С. 59–61.
2. Безручкин Е.К. вопросу об особенностях применения упрощенной системы налогообложения // Право и управление. 2023. №5. С. 162–165.
3. Быля А.Б., Устинов Д.В. Новеллы правового регулирования специальных налоговых режимов: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. №8 (96). С. 83–89.
4. Земцова В.С. Упрощенная система налогообложения // Мировая наука. 2019. №10 (31). С. 65–67.
5. Зотиков Н.З. Специальные налоговые режимы: практика применения // Вестник СурГУ. 2024. №2. С. 32–41.
6. Каменева З.В. Лазарев Б.Я. Понятие и сущность упрощенной системы налогообложения как специального режима // Государственная служба и кадры. 2024. №1. С. 75–79.
7. Кузьмина Е.В., Бойко О.К. Эффективность применения специальных налоговых режимов на территории Волгоградской области // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №12-2. С. 38–41.
8. Леонова О.А. Некоторые аспекты применения упрощенной системы налогообложения // Аудиторские ведомости. 2024. №2. С. 182–186.
9. Никулин Н.С., Кожухова Ю.А., Хаметова А.Р. Особенности упрощенной системы налогообложения // Вестник магистратуры. 2016. №6-3 (57). С. 60–62.
10. Осмоловская-Суслина А.Л., Борисова С.Р. Упрощенная система налогообложения: первые оценки изменений налогового законодательства 2024 г. // Финансовый журнал. 2024. №5. С. 97–108.

© Яковлева Юлия Георгиевна (ygyakovleva@fa.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭФФЕКТИВНОЕ ДЕЛОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ РАБОЧЕЙ СРЕДЫ

EFFECTIVE BUSINESS COLLABORATION IN A HYBRID WORK ENVIRONMENT

**N. Pisarevskaya
I. Tolmacheva**

Summary. The article examines the impact of digital technologies in the processes of work organization, communication and methods of effective business interaction in a hybrid work environment. It analyzes the advantages and disadvantages of implementing activities in a hybrid format. The results of a survey of managers on effective interaction in hybrid work environments are presented.

Keywords: hybrid environment, remote work, business interaction, digital resources, work organization.

Писаревская Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук,
АНОВО «Московский международный университет»
n-pisarevsk@mail.ru

Толмачева Ирина Вильевна

кандидат экономических наук,
АНОВО «Московский международный университет»
i.tolmacheva@mmu.ru

Аннотация. В статье рассматривается воздействие внедрения цифровых технологий в процессы организации труда, коммуникации и способы эффективного делового взаимодействия в гибридной рабочей среде. Проводится анализ преимуществ и недостатков осуществления деятельности в гибридном формате. Приводятся результаты опроса менеджеров об эффективном взаимодействии в гибридных рабочих средах.

Ключевые слова: гибридная среда, удаленная работа, деловое взаимодействие, цифровые ресурсы, организация труда.

В современном мире с развитием цифровых технологий трансформируются все сферы жизнедеятельности человека. Представители различных отраслей активно интегрируют в свою деятельность инновационные технологии для повышения эффективности производственных процессов и решения задач организаций. Активная эксплуатация цифровых ресурсов обуславливает оптимизацию профессиональной деятельности и деловой коммуникации, осуществляемых сегодня не только в традиционном офлайн формате, но и в условиях удаленного взаимодействия, что вносит коррективы в процессы реализации управленческих задач.

Сегодня все более широкое распространение получает новый формат осуществления профессиональной деятельности — гибридная рабочая среда, т.е. выполнение трудовых функций в условиях сочетания офисной и удаленной работы. Подобный способ организации труда становится всё более популярным в бизнес-сфере, поскольку позволяет учитывать интересы всех сторон, вовлеченных в деятельность. Например, компании расширяют возможности для привлечения сотрудников и сокращают расходы на содержание и эксплуатацию помещений. Для сотрудников же гибридная модель привлекательна возможностью самостоятельного выбора графика, места и времени работы, совмещения личных и деловых задач. В результате осуществление деятельности в гибридном формате способствует возрастанию заинтересованности и вовлеченности персонала в профессиональную деятельность, а также увеличивает его

лояльность к компании и повышает эффективность, как каждого отдельного сотрудника, так и организации в целом.

Выделяют следующие типы гибридного командного сотрудничества: в офисе синхронно, в офисе асинхронно, удаленная синхронная работа, удаленная асинхронная работа, смешанная синхронная [4]. Модель сотрудничества *в офисе синхронно*, предусматривает, одновременное присутствие сотрудников на рабочем месте. Данную модель используют для создания наиболее сильной корпоративной культуры и оптимизации решения задач, вследствие наличия личных встреч членов коллектива. При использовании компанией типа сотрудничества *«В офисе асинхронно»* у сотрудников появляется возможность выбора времени посещения офиса, что обеспечивает большую гибкость и дает им возможность для осмысления задач в собственном темпе, однако не позволяет получать от сотрудников мгновенные реакции на транслируемую информацию и поставленные задачи.

Удаленная синхронная работа предусматривает одновременную дистанционную работу сотрудников вне зависимости от их географического положения и временного разрыва. *Удаленная асинхронная* работа позволяет сотрудникам выполнять задачи в соответствии с их собственным графиком. Данный тип подходит для проектов, в которых не требуется подробное обсуждение деятельности, однако необходимо пространство для са-

мостоятельного решения задач. При использовании *смешанного синхронного* типа организации труда компании позволяют членам команды выбирать, время посещения офиса, что обуславливает наличие, как удаленных, так и офисных сотрудников, осуществляющих совместную деятельность. Данный стиль гибридного сотрудничества способствует выстраиванию отношений в команде, координации проектов, поддержанию сотрудничества в реальном времени и вовлечению широкого круга заинтересованных сторон в принятие решений.

Таким образом, выбор подходящей модели взаимодействия зависит от специфики деятельности компании, ее культуры, решаемых задач и предпочтений сотрудников, что подчеркивает значимость гибкости и адаптивности при выборе модели управления коллективом в условиях интеграции в деятельность цифровых технологий.

Следует отметить, что при использовании гибридной модели осуществления деятельности возникает необходимость трансформации деловой коммуникации в коллективе, которая будет сочетать в себе элементы офлайн и онлайн взаимодействия. В таблице 1 приведены особенности осуществления коммуникации в традиционном и онлайн форматах.

Так, офлайн и онлайн форматы осуществления коммуникации имеют свои уникальные характеристики, воздействующие на эффективность взаимодействия. Офлайн-коммуникация обеспечивает высокое качество восприятия сообщений собеседниками и глубокие межличностные связи благодаря личному общению, однако ограничена временем и местом осуществления взаимодействия, а также требует значительных затрат на организацию встреч. При осуществлении коммуникации онлайн возможны риски, связанные с обеспечением безопасности данных, задержка при передаче материалов и сложности в интерпретации сообщений, затрудняющие процесс общения и снижающие его эмоциональную составляющую. При этом онлайн коммуникация позволяет осуществлять взаимодействие вне зависимости от времени и географического положения участников, передавать большие объемы данных, сопровождающих сообщение, сохранять текстовые материалы и видео встреч и т.д.

Следует отметить, что, несмотря на преимущества удаленного формата взаимодействия в ходе осуществления профессиональной деятельности общение с коллективом офлайн остается значимым фактором, оказывающим воздействие на эффективность деятельности сотрудников. Как отмечают исследователи, «многочисленные опросы подтверждают, что возможность хотя бы время от времени посещать офис является существенной ценностью для сотрудников» [3, с. 278].

Таблица 1.

Особенности офлайн и онлайн деловой коммуникации

Параметр	Офлайн коммуникация	Онлайн коммуникация
Форма взаимодействия	Личное взаимодействие	Дистанционное взаимодействие посредством электронных ресурсов
Гибкость	Ограничение взаимодействия временем и местом	Доступность коммуникантов вне зависимости от времени и географического положения.
Скорость обмена данными	Мгновенная передача информации	Определяется техническими характеристиками. Возможны задержки из-за асинхронности и отсроченности коммуникации. Возможность сохранения истории взаимодействия.
Качество восприятия информации	Высокое, благодаря личному взаимодействию	Сложности в интерпретации сообщений, связанные с минимизацией невербальных сигналов, возможности двойственного понимания текста, задержкой передачи данных. Возможность возвращения к истории взаимодействия.
Эмоциональная составляющая	Глубокие межличностные связи, трансляция эмоций посредством вербальных и невербальных элементов	Ограниченная возможность трансляции и распознавания эмоций
Уровень затрат	Высокие затраты на содержание или аренду помещения, техники, транспорт, организацию встреч и т.д.	Низкие затраты на инфраструктуру, но высокие на обеспечение безопасности данных

Таким образом, в современном мире наиболее оптимальным форматом осуществления делового взаимодействия становится качественная интеграция цифровых ресурсов и офлайн-взаимодействия. Вследствие баланса распределения задач, осуществляемых удаленно и посредством очных встреч с коллегами и руководством, возрастает производительность всего коллектива. Так, гибридная модель осуществления деятельности позволяет сочетать в совместной работе преимущества личного общения и цифровых инструментов, что способствует развитию корпоративной культуры, поддержанию командного духа и эффективному обмену знаниями между сотрудниками и т.д.

Для улучшения процессов осуществления деятельности в гибридной рабочей среде необходимы адаптация сотрудников к работе в цифровом пространстве,

построение корпоративной культуры в соответствии с новым форматом взаимодействия, минимизация технических сложностей осуществления коммуникации, оптимизация использования офисного пространства, адаптивность стратегий управления цифровыми средами, усиление мер кибербезопасности, повышение эффективности коммуникации посредством цифровых помощников [5].

В результате опроса, проведенного Русской школой управления и сервисом «Зарплата.ру» о формате работы, наиболее предпочтительном для россиян, было выявлено, что «44 % россиян предпочитают гибридный формат: им удобно работать несколько дней в офисе, несколько — дома. 20 % выбрали исключительно офисный формат, а 19 % — только удаленный. Для 17 % формат работы оказался не важен» [2]. Так, большинство сотрудников предпочитают удаленный или частично удаленный формат осуществления трудовой деятельности. Однако, как показывает исследование, проведенное Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в 2024 году «сокращалась численность работающих в гибридном формате, свидетельствуя о том, что работодатели все чаще предпочитают видеть сотрудников в офисе» [1]. Данная тенденция указывает на то, что при всех преимуществах удаленной и гибридной форм организации труда руководители стремятся сохранить традиционные условия управления коллективом и взаимодействия с ним.

Следует отметить, что вследствие возможного возникновения различных барьеров при осуществлении взаимодействия в гибридных рабочих средах, например, недостатка личного общения или некорректного понимания сотрудниками распоряжений руководства, для их преодоления необходимо использование приемов административного и психологического воздействия на коллектив, таких как применение асинхронных методов коммуникации, позволяющих сотрудникам работать в собственном комфортном темпе, поощрение спонтанного и неформального общения посредством групповых чатов, внедрение инструментов прозрачного планирования и управления задачами, обучение руководителей навыкам поддержки сотрудников, распознаванию признаков выгорания и эффективной обратной связи, а также создание и внедрение программ командообразования, повышающих у членов коллектива чувство принадлежности к команде и собственной значимости и т.д.

Таким образом, для осуществления качественного взаимодействия и повышения эффективности деятельности коллектива при организации труда в условиях гибридной рабочей среды, следует учитывать особенности цифрового пространства и соблюдать баланс между общением офлайн и онлайн, развивая корпоративную

культуру, поддерживая психологический комфорт сотрудников и тем самым увеличивая результативность деятельности команды.

Для подтверждения актуальности темы исследования нами был проведен опрос об организации эффективного взаимодействия в гибридных рабочих средах среди 40 менеджеров в возрасте 25–55 лет, из которых 10 человек занимают должности топ-менеджеров и 30 — менеджеров среднего звена.

На вопрос об организации труда в компании 60 % респондентов указали, что сотрудники их организации все рабочее время проводят в офисе, однако взаимодействие в основном осуществляется удаленно, 25 % ответили, что осуществляют деятельность в гибридном формате и только 15 % указали, что работают полностью удаленно. При этом для осуществления взаимодействия в компаниях используются такие инструменты коммуникации, как электронная почта (70 %), сервисы для управления бизнесом (60 %), мессенджеры (20 %), программы организации видеоконференций (55 %), телефонные звонки (30 %), личные встречи (20 %).

О частоте проведения офлайн встреч коллектива, направленных на обсуждение рабочих вопросов, респонденты ответили следующее: «Раз в две недели или реже» — 40 %, «Раз в неделю» — 30 %, «Ежедневно» — 15 %, «Несколько раз в неделю» — 10 %, «Только при необходимости» — 5 %. Так, тенденции развития деловой среды в условиях цифровизации обуславливают необходимость интеграции деловой коммуникации в цифровое пространство вне зависимости от способа организации деятельности.

При ответе на вопрос о недостатках гибридного формата осуществления деятельности, респонденты указали плохую координацию взаимодействия членов коллектива (40 %), нехватку мотивации группы (25 %), неравномерное распределение задач (20 %), трудности с совместным доступом к файлам — 15 %. При этом на психологический комфорт и чувство связи с коллегами гибридный формат осуществления деятельности не влияет ответили 40 % респондентов, незначительно ухудшает связь — 30 %, ухудшает связь — 15 %, улучшает связь — 15 %. При этом о наличии в команде структурированных правил общения 40 % респондентов ответили, что они редко соблюдаются, 32,5 % указали, что взаимодействие в их организации регламентировано, 25 % указали, что общение в коллективе в основном неформальное, а 2,5 % не определились с ответом. Так, основным недостатком взаимодействия в условиях гибридной рабочей среды, по мнению менеджеров, является отсутствие продуктивной коммуникации, способствующей повышению эффективности деятельности коллектива.

При ответе на вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа о наибольших сложностях, возникающих при дистанционном осуществлении делового взаимодействия большинство респондентов (50 %) указали на отсутствие личного взаимодействия и сложность построения отношений с коллегами (45 %), для 40 % трудности составляет отсроченность коммуникации и задержки в ответах, 35 % выбрали вариант «неправильная интерпретация сообщений», 30 % указали на возникновение технических проблем, 20 % на разницу во времени у членов коллектива, а 25 % испытывают трудности, связанные с информационной перегрузкой в цифровом пространстве. При взаимодействии с коллективом в рамках гибридной рабочей среды частью команды чувствуют себя 65 % респондентов, из них 25 % полностью ощущают принадлежность к коллективу, а 40 % указали на наличие дистанции при коммуникации с командой. При этом 15 % чувствуют себя изолированно при удаленной работе, а 20 % нейтрально относятся к формату осуществления взаимодействия с коллективом. Так, для повышения вовлеченности в деятельность коллектива и как следствие оптимизации производственных процессов необходимо осуществление взаимодействия, как в традиционном, так и в офлайн формате.

Улучшить связь в команде, по мнению опрошенных, возможно посредством увеличения количества видеозвонков (50 %), оптимизации инструментов для совместной работы, посредством которых осуществляется удаленное взаимодействие (40 %). При этом 35 % отметили, что им необходимы мероприятия по командообразованию, 30 % считают, что следует внедрить более четкие правила общения и для 25 % необходимо обучение эффективному общению онлайн. Обратную связь большинство респондентов (40 %) предпочитают получать в форме письменных развернутых комментариев, 30 % посредством личных видео- или аудиосообщений, 20 % в ходе обсуждения на групповых встречах, а 10 % предпочитают формальные оценки через систему KPI.

Респонденты отмечают, что вследствие отсутствия четких границ работы и отдыха, постоянного напряжения удаленная работа повышает уровень стресса (55 %), 25 % опрошенных указали, что не ощущают каких-либо

изменений в своем состоянии, а у 20 % уровень стресса значительно снижается вследствие того, что при осуществлении трудовой деятельности удаленно они чувствуют себя более комфортно. При этом сохранять продуктивность при дистанционном формате осуществления трудовой деятельности респондентам помогает наличие строгого распорядка дня (35 %), цифровые инструменты тайм-менеджмента (25 %), поддержка коллег (20 %), контроль со стороны руководителя (15 %), ничего не помогает (5 %).

Так, при осуществлении делового взаимодействия в условиях гибридной рабочей среды одним из наиболее значимых факторов для сотрудников становится эффективное деловое взаимодействие с коллегами и руководителем. Вследствие чего менеджерам необходимо разрабатывать каналы для осуществления различных типов коммуникации, внедрять в рабочие процессы гибкие графики, сочетающие онлайн и офлайн встречи, устанавливать четкие границы между рабочим и личным временем для снижения уровня стресса. Также следует активнее использовать методы мотивации сотрудников, например, публичное признание заслуг для повышения уровня их вовлеченности, обеспечивать регулярную корректную обратную связь, проводить обучение сотрудников эффективному общению онлайн и использованию цифровых инструментов. При этом следует сохранять баланс между онлайн и офлайн взаимодействием, поскольку дистанционное общение оптимизирует процессы работы с данными и передачи информации, а личные встречи позволяют укреплять связи между сотрудниками и поддерживать гармоничную рабочую среду.

Таким образом, цифровизация и интеграция новых технологий в деятельность организации обуславливают необходимость в адаптации к условиям работы в цифровом пространстве всех членов коллектива, создании поддерживающей рабочей среды для повышения удовлетворенности сотрудников и эффективности командной деятельности. При этом возможность использования гибридной модели организации труда позволяет интегрировать преимущества удаленной и офисной работы, оптимизируя процессы коммуникации и повышая эффективность делового взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянова А.В., Талакаускас Д.С., Покровский С.И. Удаленная занятость в России. URL: <https://issek.hse.ru/news/976040462.html> (Дата обращения: 16.04.2025)
2. Кораблева М. 44 % опрошенных россиян выбрали гибридный формат работы. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67dbe0dc9a794798d9b0e64f?from=soru> (Дата обращения: 16.04.2025)
3. Тамаоки, Ю.П. Эволюция EVP: как удаленный и гибридный форматы работы влияют на ценностное предложение работодателя / Ю.П. Тамаоки // Наукосфера. — 2023. — № 11-2. — С. 274–279.
4. ActivTrak. 7 Tips for Encouraging Hybrid Team Collaboration. URL: <https://www.activtrak.com/blog/hybrid-team-collaboration/> (Дата обращения: 22.04.2025)
5. YAROOMS. 10 Hybrid Work Challenges (and Fail-Proof Solutions) URL: <https://www.yarooms.com/blog/hybrid-work-challenges> (Дата обращения: 20.04.2025)

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru); Толмачева Ирина Вильевна (i.tolmacheva@mmu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: НОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: A NEW MODEL OF BUSINESS-SOCIETY INTERACTION

F. Safiullina

Summary. The research analyzes the evolution of social entrepreneurship in the context of digitalization and institutional transformations. It explores the emergence of new business models that combine market efficiency with social missions. Particular attention is given to the role of digital platforms and ecosystems in developing sustainable models of social impact. The article examines key barriers that hinder the scaling of social innovations and outlines approaches for overcoming them at different levels. The conclusion emphasizes the increasing relevance of cross-sector cooperation and institutionalized support mechanisms.

Keywords: social innovation, entrepreneurship, digitalization, sustainable development, institutional ecosystems, digital platforms, cross-sectoral cooperation.

Сафиуллина Фарида Рафисовна

Кандидат социологических наук,
старший преподаватель, Казанский государственный
энергетический университет
far491@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу эволюции социального предпринимательства в контексте цифровизации и институциональных трансформаций. Раскрываются предпосылки появления новых форм предпринимательской активности, сочетающих рыночную эффективность с социальной миссией. Особое внимание уделяется роли цифровых платформ и экосистем в развитии устойчивых моделей социального воздействия. Рассматриваются барьеры, сдерживающие масштабирование социальных инноваций, а также предлагаются направления их преодоления на различных уровнях. Делается вывод о возрастающей значимости межсекторного сотрудничества и нормативного закрепления институциональных механизмов поддержки.

Ключевые слова: социальные инновации, предпринимательство, цифровизация, устойчивое развитие, институциональные экосистемы, цифровые платформы, межсекторное сотрудничество.

В последние десятилетия в мире наблюдаются существенные трансформации социального и культурного характера, обусловленные усилением стремлений к гуманистическим принципам развития, предполагающим всеобъемлющую инклюзию личности в социальные процессы на всех уровнях. На фоне этих изменений возрастает значение таких направлений, как социальная и экологическая устойчивость, что находит отражение не только в приоритетах государственной политики, но и в управленческих стратегиях различных организаций. Одним из ключевых инструментов реагирования на растущие общественные запросы стали социальные инновации, под которыми в современной научной и практической среде принято понимать новые и эффективные подходы к решению социальных задач, обладающие потенциалом масштабирования и устойчивости.

На этом фоне особую актуальность приобретает социальное предпринимательство, позиционирующееся как активно развивающаяся область деятельности, ориентированная на разработку и внедрение нестандартных решений в ответ на общественные вызовы. Несмотря на то, что классические формы такой деятельности в ряде случаев демонстрировали эффективность, их распространение зачастую ограничивалось институциональными барьерами и слабой масштабируемостью.

Внедрение цифровых технологий и платформенных решений стало поворотным моментом в развитии данной сферы, способствовавшим переходу к качественно новому этапу — цифровому социальному предпринимательству.

Технологические ресурсы, находящиеся в распоряжении современных социальных предпринимателей, позволяют существенно расширить географию оказываемого воздействия, активизировать диалог с широкими слоями населения и выстраивать устойчивые модели взаимодействия на основе цифровых данных и аналитики. Виртуальные платформы становятся не только средствами коммуникации, но и опорной инфраструктурой для развития кооперации, распределения ресурсов и выработки коллективных решений, что оказывает влияние на рост эффективности и масштаб деятельности социальных инициатив.

Появление и институционализация социального предпринимательства во многом обусловлены ограниченностью возможностей традиционных государственных и общественных институтов в обеспечении адекватного уровня социального обслуживания. Становясь катализатором позитивных изменений, социальные предприниматели берут на себя инициативу в поиске альтернативных способов решения актуальных обще-

ственных проблем, выступая в роли агентов трансформации. В этом контексте особое внимание уделяется новой организационной форме — социальному предпринятию, которое сочетает рыночную ориентацию с выраженной социальной миссией. Такие организации демонстрируют устойчивость к внешним вызовам благодаря сбалансированному подходу к экономической эффективности и общественному вкладу, что делает их объектом пристального интереса со стороны исследователей и практиков.

Возникновение социального предпринимательства тесно связано с эволюцией концепции корпоративной социальной ответственности, в рамках которой предпринимательская деятельность рассматривается не только как способ получения прибыли, но и как инструмент содействия социальному прогрессу [1, с. 110]. Согласно этой парадигме, предприниматели обязаны участвовать в решении актуальных социальных задач, оказывая влияние на общественное развитие посредством специально организованных инициатив.

Несмотря на то, что стремление объединить экономическую выгоду с общественным благом имеет долгую историю, системное теоретическое осмысление таких практик получило импульс лишь в последние десятилетия [2, с. 566]. Исследовательский интерес к данному направлению стал заметно усиливаться в условиях необходимости поиска альтернативных моделей социальной поддержки и устойчивого роста. В этой связи особое значение приобрели социальные инновации, под которыми понимаются оригинальные подходы, технологии, модели организации, а также рыночные и институциональные механизмы, направленные на более эффективное удовлетворение общественных потребностей и усиление способности сообществ к самостоятельному действию [3, с. 757].

Современная научная литература выделяет два преобладающих методологических подхода к интерпретации сущности социального предпринимательства — англо-американский и европейский. Первый из них делает акцент на ведущей роли частных субъектов экономики и формировании доверительных рыночных отношений между заинтересованными сторонами как основе для решения социальных проблем. Второй, в свою очередь, подчеркивает необходимость жёсткого нормативного регулирования, а также активного участия государственных институтов в поддержке и структурировании деятельности социальных предприятий [4]. Для целей настоящего исследования под социальным предпринимательством предлагается понимать определение, предложенное Н.П. Казаренковой, Т.С. Колмыковой и И.В. Лобановым: экономически обоснованную инициативу, направленную на устранение или смягчение конкретных социально значимых, культурных либо эко-

логических вызовов [1, с. 110]. Такая деятельность должна обеспечивать финансовую устойчивость, допускать реинвестирование прибыли в решение поставленных задач, базироваться на использовании ранее не востребованных ресурсов и стремиться к долгосрочным позитивным трансформациям в общественной жизни.

С содержательной точки зрения корпоративная социальная ответственность представляет собой управленческую стратегию, направленную на гармонизацию трёх ключевых векторов: прибыльности, социальной полезности и экологической устойчивости. При этом в рамках ресурсного подхода (RBV — Resource-Based View) КСО рассматривается как ресурсно-интегративный механизм, обеспечивающий получение конкурентных преимуществ за счёт формирования позитивного социального капитала, укрепления внутренней организационной среды и налаживания внешних партнерских связей [5, с. 4568].

В условиях стремительного изменения глобальной повестки и усиления взаимозависимости различных общественных акторов особую актуальность приобретает разработка новых форм и моделей сотрудничества между государственными институтами, частным сектором и гражданским обществом. Современные подходы к такому взаимодействию строятся на инновационных управленческих решениях, предполагающих учет интересов всех сторон и стремление к формированию устойчивых сообществ, ориентированных на повышение качества жизни и реализацию общественно значимых целей.

Интеграция цифровых решений в сферу социального предпринимательства способствует укреплению взаимосвязи между социальными инновациями и предпринимательской инициативой. Развитие цифровых платформ формирует новые условия для коллективного взаимодействия, эффективной мобилизации ресурсов, а также системной оценки социального воздействия [6, с. 622]. Благодаря подобным инструментам социальные предприниматели получают возможность сочетать стремление к общественно значимым результатам с предпринимательской рациональностью, инновационным подходом и высокой степенью целенаправленности в реализации проектов. Появление социальных инноваций как способа удовлетворения насущных потребностей общества стало возможным именно в эпоху сетевых технологий, обеспечивших ранее недоступный масштаб и темп внедрения изменений [3, с. 756]. Технологические разработки, играя роль катализаторов экономического развития, сегодня все чаще воспринимаются сквозь призму платформенных моделей и сетевых структур, выходящих за рамки традиционной ориентации на производство. Это позволило расширить понимание инноваций как таковых — от классических

производственно-технических решений до архитектуры цифровых экосистем. Цифровая трансформация оказывает комплексное влияние на индустриальные сектора, способствуя переходу от устаревших бизнес-моделей к новым, технологически адаптированным формам организации деятельности [7]. Этот процесс включает в себя использование цифровых платформ не только как средств коммуникации или обмена, но и как инструментов достижения стратегических целей [8, с. 671]. Применение цифровых решений позволяет оптимизировать сбор и обработку данных, выявлять устойчивые закономерности и принимать управленческие решения на более обоснованной аналитической основе.

Переход к цифровой модели функционирования требует глубокой реорганизации всех элементов предпринимательской деятельности: от внутренней структуры и распределения ресурсов до логики взаимодействия с партнерами, каналов коммуникации с клиентами и способов формирования ценности [9, с. 631]. Помимо изменения операционных процессов, цифровизация затрагивает сами принципы формирования продуктов и услуг, трансформируя базовые подходы к построению бизнес-моделей. Одним из ключевых направлений в данном контексте становится использование краудфандинговых платформ, которые существенно расширили доступ социальных предпринимателей к финансовым ресурсам, позволив преодолеть ограниченность традиционных источников инвестиций [2, с. 583].

Цифровые платформы, обладающие высокой степенью масштабируемости, стали неотъемлемым компонентом продвижения социальных инноваций, обеспечивая скорость и гибкость, ранее недоступные в рамках аналоговых механизмов [3, с. 758]. Особенно значимыми являются многосторонние платформы, которые выполняют функцию интеграции различных групп пользователей и производителей, формируя уникальные сетевые эффекты и новые каналы создания добавленной стоимости [10, с. 775]. Такие платформы не только усиливают экономическую отдачу от внедряемых решений, но и создают устойчивые формы цифровой кооперации. Массовое распространение цифровых технологий оказывает всё более существенное воздействие на экономическую и социальную сферы, способствуя становлению цифрового предпринимательства как особой формы хозяйственной активности. Оно характеризуется высокой степенью инновационности, гибкой структурой, способностью быстро адаптироваться к изменяющейся внешней среде и привлекать социально ориентированные инвестиции [11, с. 7]. В этом контексте цифровизация выступает не просто как технический прогресс, а как важнейший драйвер трансформации социальной предпринимательской модели.

Понимание социального предпринимательства невозможно без учета его институциональной обуслов-

ленности. С теоретической точки зрения данное явление подлежит осмыслению в рамках институциональной экономики, поскольку функционирует в пределах сложившихся социальных, нормативных и организационных структур, определяющих правила взаимодействия между субъектами [12]. Институциональная среда формирует предпосылки и ограничения для реализации социально ориентированной предпринимательской активности, влияя как на мотивацию участников, так и на устойчивость применяемых бизнес-моделей.

В контексте трансформации современных экономических систем значительное внимание уделяется формированию предпринимательских экосистем. Эти структуры формируются на основе признания того, что индивидуальной инициативы недостаточно для устойчивого развития: необходима среда, которая будет стимулировать креативность, содействовать принятию предпринимательского риска и обеспечивать взаимодействие между различными участниками экономической деятельности [13, с. 453]. Именно в такой поддерживающей экосистеме социальное предпринимательство получает возможность развиваться как на микро-, так и на макроуровне. Одним из ключевых факторов, обеспечивающих институциональную устойчивость социального предпринимательства, выступает развитие цифровых платформ поддержки. Такие структуры, как Yunus Social Business, Impact Hub и аналогичные им инициативы, демонстрируют, насколько значимым может быть вклад цифровых решений в организацию систем наставничества, финансирования и распространения инновационных моделей [14, с. 9]. Благодаря этим платформам создаются возможности для масштабируемого взаимодействия, обмена знаниями и репликации успешных практик на международном уровне.

Особую роль в институциональной архитектуре нового типа играют платформенные экосистемы. Под ними понимаются объединения компаний, взаимодействующих на основе общей цифровой инфраструктуры, которая позволяет пользователям получать доступ к широкому спектру продуктов и услуг. Переход к модели предпринимательских экосистем наблюдается в большинстве современных экономик и обусловлен совокупным воздействием ряда факторов: изменением структуры потребительского спроса, технологическими сдвигами и стремлением преодолеть пространственные ограничения через цифровизацию. Тем не менее в российской правовой практике до сих пор отсутствует четкое и закрепленное на законодательном уровне определение понятия «предпринимательская экосистема». Это создает неопределенность в вопросах нормативного регулирования, препятствует формированию единого понятийного аппарата и затрудняет институционализацию новых форм предпринимательской кооперации [15, с. 80, 81, 87]. Такой правовой вакуум ограничива-

ет возможности участников в построении устойчивых партнерских связей и формировании инновационной инфраструктуры. Эффективное развитие технологических инноваций в социальной сфере требует межсекторального взаимодействия. Подход «п-спирального сотрудничества» подразумевает участие в совместных инициативах не только бизнеса и государства, но и образовательных учреждений, гражданских организаций и исследовательского сектора [16, с. 77]. Этот подход позволяет учитывать многообразие интересов и выстраивать более гибкие, инклюзивные и адаптивные формы поддержки предпринимательства.

Значительное препятствие для нормативного оформления понятий, связанных с социальным предпринимательством, заключается в недостаточном развитии этической культуры внутри коммерческих организаций [17, с. 480]. На протяжении длительного времени практика саморегулирования и формализации внутренних норм поведения оставалась нерегулярной, что осложняет формирование единой нормативной базы. Институциональные механизмы поддержки, такие как бизнес-инкубаторы, акселерационные программы и предпринимательские центры, функционирующие при вузах и исследовательских институтах, играют ключевую роль в формировании благоприятной среды для начинающих предпринимателей. Они предоставляют доступ к необходимым ресурсам, обеспечивают экспертное сопровождение и создают условия для устойчивого запуска и развития социально значимых инициатив.

Италия стала первой страной, закрепившей социальное предпринимательство на законодательном уровне, положив начало институционализации данной формы экономической активности через развитие социальных кооперативов. Успешность этой модели проявилась в её масштабируемости: начиная с середины 1990-х годов, аналогичные структуры получили распространение по всей Европе. Так, в Бельгии появились предприятия с выраженной социальной направленностью, в Португалии — совместные социальные предприятия, в Германии — кооперативы с ограниченной ответственностью, а в Великобритании — общественные компании [1, с. 110].

В итальянском контексте мотивационной основой для создания кооперативов социальной солидарности послужили ценности христианской этики, ориентированные на оказание помощи социально уязвимым категориям населения. Это подтверждает важность культурно-ценностных оснований, влияющих на формирование национальных моделей социального предпринимательства. Сопоставление итальянского и российского подходов выявляет принципиальные различия: если в Италии в круг субъектов социального предпринимательства входят также некоммерческие организации, то в России

такая практика нормативно слабо поддерживается и не находит широкого применения [18, с. 275, 277]. Это сдерживает развитие сектора и ограничивает его институциональное разнообразие.

На международной арене сложились две ключевые модели регулирования социального предпринимательства: европейская и американская. Европейский вариант предполагает активное участие государства в инициировании и поддержке социальной ответственности бизнеса, тогда как в американском подходе доминирует рыночная логика, в которой инициативу берут на себя сами экономические агенты. При этом существуют и гибридные модели. Ю.А. Трубина и соавторы отмечают, что канадская система базируется на институционализированном контроле за деятельностью средних и крупных компаний в сфере социальной ответственности, одновременно сохраняя пространство для автономии. Британская модель отличается высоким уровнем вовлечённости гражданского общества в процесс контроля и оценки социальных инициатив [19, с. 101]. Социальные предприятия активно действуют по всей Европе, особенно в области возобновляемой энергетики [4]. Они представлены в различных организационных формах — от инициатив на уровне местных сообществ до интегрированных кооперативов и сетевых объединений.

Анализ территориальных сообществ, проведенный А. Клариным и Ю. Сусено, в частности опыта Северной Шотландии, показывает положительное влияние социального предпринимательства, основанного на участии граждан, на развитие локальной экономики и социальной сплоченности [2, с. 584]. По данным ряда зарубежных источников, социальные предприниматели в странах Европы доказали свою способность не только участвовать в решении острых социальных проблем, но и оказывать стабилизирующее воздействие на экономику. В подтверждение этому М.В. Борисенко и Е.А. Ягмур приводят реализацию европейской программы «Занятость и социальные инновации 2018–2020», способствовавшей укреплению инфраструктуры социальной экономики на уровне Европейского союза. При этом эмпирические исследования демонстрируют высокий уровень институционализации сектора: так, в Италии, Венгрии, Бельгии, Люксембурге и Франции количество зарегистрированных социальных предприятий превышает 1500 на миллион жителей, что значительно превосходит аналогичные показатели в Российской Федерации и свидетельствует о высоком уровне вовлеченности и поддержки на государственном уровне [14, с. 8].

Тенденции признания значимости социального предпринимательства приобретают глобальный характер. В различных регионах мира фиксируется рост внимания к его потенциалу как источнику устойчивого развития [12]. А.Г. Шеломенцев, А.Н. Семин и К.С. Гончаров в своем

научном исследовании указывают на то, что в странах Латинской Америки развитие социальных инициатив часто является результатом децентрализации, в ходе которой формируются самостоятельные механизмы экономической и административной поддержки локальных сообществ. Венгерский опыт демонстрирует синергетический эффект, возникающий на стыке усилий различных участников в сфере социального, экономического и экологического развития [20, с. 14, 15]. Такой подход подчеркивает необходимость межсекторного сотрудничества как условия устойчивости инновационных решений.

С момента, когда Мухаммад Юнус в начале 1980-х годов представил концепцию социального бизнеса, данное направление получило признание на глобальном уровне и стало предметом активного научного и практического интереса [21]. Однако, несмотря на международные успехи, лишь немногие европейские инициативы смогли масштабироваться до уровня национальных или транснациональных структур [22]. Многие из них осознанно остаются в нишевом пространстве как альтернатива доминирующим экономическим практикам, сохраняя верность своим социальным ценностям.

Развитие социального предпринимательства сталкивается с рядом устойчивых ограничений, среди которых доминируют нормативно-экономические барьеры. Одним из существенных затруднений является необходимость конкуренции новых, зачастую экономически уязвимых инициатив с устоявшимися рыночными игроками, располагающими значительными финансовыми и организационными возможностями [22]. Такие условия ограничивают манёвренность начинающих предпринимателей и повышают для них уровень рыночной неопределённости, снижая шансы на устойчивое развитие.

Несмотря на усилия, направленные на изучение факторов, способствующих расширению и репликации успешных практик социального предпринимательства, система распространения социальных инноваций всё ещё остаётся недостаточно исследованной [3, с. 757]. Отсутствуют чётко выстроенные механизмы, способные обеспечить их адаптацию к различным институциональным и культурным условиям, а также масштабирование на уровне территорий и секторов. Институциональная неустойчивость также формирует значительные препятствия. В развивающихся экономиках, где правовые и организационные рамки ещё не приобрели завершённого характера, недостаток институциональной поддержки препятствует становлению социального предпринимательства как полноценной формы экономической активности [2, с. 589]. Отсутствие специализированных институтов, способных оказывать сопровождение, консультационную поддержку и инфраструктурную помощь, делает реализацию социальных проектов особенно уязвимой.

Цифровая трансформация, имеющая потенциал значительного укрепления сектора, в свою очередь сталкивается с внутренним сопротивлением. М.Ж. Анжелико Гонсалвеш, А.К. Феррейра да Силва и К. Гонсалвеш Феррейра выделяют три ключевых барьера: инерционность организационной культуры, высокие транзакционные затраты на переход к цифровым системам, а также недостаточная готовность сотрудников к изменениям [23]. Отдельное внимание следует уделить этическим и нормативным вызовам, возникающим при попытках реализации социальных изменений в рамках иерархически организованных обществ. В таких условиях социальным предприятиям приходится учитывать не только универсальные ценности, но и специфику локальных культурных и правовых систем [24, с. 754]. Это требует гибкости и способности к институциональному диалогу, а также разработки индивидуализированных стратегий взаимодействия с сообществами.

Малые и средние предприятия, являясь важной частью социально ориентированной экономики, обладают ограниченным объемом доступных ресурсов. В условиях жёстких бюджетных ограничений им зачастую приходится делать выбор между вложениями в социальную ответственность и инвестициями в технологическую модернизацию. Это порождает необходимость поиска баланса между общественными задачами и задачами производственного развития. При этом социальный эффект может быть ограничен объективными рамками ресурсной обеспеченности. Несмотря на признание значимости участия МСП в формировании социальной ответственности, их вклад часто оказывается сдержанным ввиду ограниченности свободных средств [25, с. 91, 93]. Такие компании, в отличие от крупных корпораций, не всегда могут позволить себе реализацию масштабных социальных инициатив, что снижает уровень их вовлечённости в устойчивые трансформационные процессы.

Реализация цифровых инициатив в сфере социального бизнеса требует не только модернизации технологических инструментов, но и глубоких трансформаций в управленческих структурах, командной координации и внутренней культуре организаций [26]. Повышение квалификации персонала должно сопровождаться пересмотром подходов к организационному развитию, стратегическому планированию и цифровому лидерству. Эффективное развитие социального предпринимательства требует преодоления комплекса барьеров — от законодательной неопределённости до институциональной фрагментации и ресурсной уязвимости. Решение этих проблем невозможно без согласованных усилий государства, исследовательского сообщества и самих предпринимателей, направленных на создание благоприятной среды, стимулирующей инновации и социальную инклюзивность. Ключевые барьеры и вызовы социального предпринимательства представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Барьеры развития социального предпринимательства и возможные пути их преодоления. Составлено автором

№ п/п	Ключевые барьеры и вызовы	Предлагаемые пути преодоления
1.	Нормативно-экономическое давление со стороны крупных рыночных игроков	Введение льготных режимов налогообложения, субсидий и преференций для новых социальных инициатив.
2.	Низкая рыночная устойчивость начинающих социальных предпринимателей	Создание механизмов акселерации, гарантирования и менторской поддержки в ранней стадии проектов.
3.	Недостаточная разработанность механизмов масштабирования социальных инноваций	Разработка методологических подходов и инструментов для тиражирования успешных практик.
4.	Институциональная нестабильность и слабость правовых рамок в развивающихся экономиках	Укрепление правовой базы через принятие специализированных законов о социальном предпринимательстве.
5.	Отсутствие специализированных институтов поддержки	Создание национальных и региональных центров инфраструктурного и консультационного сопровождения.
6.	Внутреннее сопротивление цифровой трансформации	Продвижение программ организационного развития, цифрового лидерства и повышения цифровой грамотности.
7.	Инерционность организационной культуры	Внедрение гибких управленческих практик, основанных на принципах инновационного менеджмента.
8.	Высокие транзакционные издержки внедрения цифровых решений	Государственная и частная поддержка цифровизации: гранты, технологические субсидии, аутсорсинг.
9.	Недостаточная готовность персонала к цифровым изменениям	Реализация программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров.
10.	Этические и нормативные вызовы в культурно-гетерогенных сообществах	Разработка локализованных стратегий взаимодействия с учетом культурных, социальных и правовых норм.
11.	Ограниченность ресурсов малых и средних социальных предприятий	Расширение доступа к финансированию через микрокредитование, социальные инвестиции и краудфандинг.
12.	Необходимость выбора между социальной миссией и технологическим развитием	Формирование сбалансированных стратегий, интегрирующих элементы устойчивости и инноваций.

№ п/п	Ключевые барьеры и вызовы	Предлагаемые пути преодоления
13.	Недостаток стратегического планирования в условиях цифровизации	Внедрение долгосрочных моделей цифрового планирования и проектного управления.
14.	Фрагментарность институциональной среды	Согласование усилий государства, исследовательских центров и предпринимательского сообщества.

Современное социальное предпринимательство утвердилось как эффективный механизм реагирования на ключевые индивидуальные и общественные запросы. Оно демонстрирует высокую адаптивность к трансформационным вызовам и становится одним из опорных элементов устойчивого социально-экономического развития, ориентированного на долгосрочное решение структурных общественных проблем. В условиях цифровой трансформации социальное предпринимательство получает мощный импульс для расширения масштабов воздействия благодаря активному внедрению цифровых платформ и инновационных технологических решений.

При этом развитие предпринимательских экосистем становится важным фактором, способствующим созданию рабочих мест, внедрению технологических новаций и общему социально-экономическому прогрессу. В таких экосистемах происходит взаимное усиление ресурсов, знаний и социальных капиталов, что обеспечивает благоприятную среду для масштабирования социального воздействия. Следует подчеркнуть, что инновационные процессы, происходящие в технологической, экономической, социальной и политической сферах, не являются изолированными — они развиваются через коэволюцию и требуют комплексной взаимной адаптации. Подобная интеграция открывает путь к системным изменениям, обеспечивая устойчивость на уровне как отдельных организаций, так и макроэкономических структур.

Дальнейшее развитие социального предпринимательства предполагает формирование новых организационных форм, расширение спектра социальных услуг, а также интеграцию с системами государственной поддержки и гражданскими инициативами. Рост численности социальных предприятий, а также разнообразие предоставляемых ими продуктов и услуг в соответствии с миссией устойчивого развития, способствует удовлетворению растущих социальных потребностей. Это, в свою очередь, приводит к увеличению занятости, особенно среди социально уязвимых групп, расширяет экономическую активность, снижает уровень неравенства и укрепляет социальную сплочённость. В результате социальное предпринимательство предстает как перспективная модель взаимодействия бизнеса и общества, способная инициировать качественные изменения, ориентированные на устойчивое и справедливое будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казаренкова, Н.П. Цифровая трансформация социального бизнеса / Н.П. Казаренкова, Т.С. Колмыкова, И.В. Лобанов // Организатор производства. — 2022. — Т. 30, № 4. — С. 108–116. — <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.30.4.010>.
2. Klarin, A. An Integrative Literature Review of Social Entrepreneurship Research: Mapping the Literature and Future Research Directions / A. Klarin, Y. Suseno // Business & Society. — 2023. — Vol. 62, Iss. 3. — PP. 565–611. — <https://doi.org/10.1177/00076503221101611>
3. Caridà, A. Digital Platform for Social Innovation: Insights from Volunteering / A. Caridà, M. Colurcio, M. Melia // Creativity and Innovation Management. — 2022. — Vol. 31, Iss. 4. — PP. 755–771. — <https://doi.org/10.1111/caim.12499>
4. Bataineh, M.J. Hacia la Sostenibilidad: El Papel del Emprendimiento Social en la Creación de Valor Socioeconómico en las Empresas Sociales de Energía Renovable / M. J. Bataineh, C. Marcuello, P. Sánchez-Sellero // REVECO. Revista de Estudios Cooperativos. — 2023. — Vol. 143. — <https://doi.org/10.5209/reve.85561>
5. Villa-Castaño, L.E. Business–Society Interface: An Exploration of a Paradigmatic Heuristic Model of Corporate Social Responsibility in Colombia / L.E. Villa-Castaño, J. Perdomo-Ortiz, S. Dueñas-Ocampo // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. — 2023. — Vol. 30. — PP. 3203–3221. — <https://doi.org/10.1002/csr.2547>
6. Rengaraju, N. Tech-Enabled Social Innovation: The Role of Digital Platforms in Social Entrepreneurship / N. Rengaraju, S.G. N.R. Vembu, D. Indhumathi, V. Rengarajan // Acta Scientiae. — 2024. — Vol. 7, Iss. 1. — PP. 618–631. — <https://doi.org/10.17648/acta.scientiae.6389>
7. Yoo, I. Economic Innovation Caused by Digital Transformation and Impact on Social Systems / I. Yoo, C.-G. Yi // Sustainability. — 2022. — Vol. 14, Iss. 5. — <https://doi.org/10.3390/su14052600>
8. Rupeika-Apoga, R. The Effect of Digital Orientation and Digital Capability on Digital Transformation of SMEs during the COVID-19 Pandemic / R. Rupeika-Apoga, K. Petrovska, L. Bule // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. — 2022. — Vol. 17, Iss. 2. — PP. 669–685. — <https://doi.org/10.3390/jtaer17020035>
9. Tavoletti, E. Business Model Innovation and Digital Transformation in Global Management Consulting Firms / E. Tavoletti, N. Kazemargi, C. Cerruti, C. Grieco, A. Appolloni // European Journal of Innovation Management. — 2022. — Vol. 25, Iss. 6. — PP. 612–636. — <https://doi.org/10.1108/EJIM-11-2020-0443>
10. Casciani, D. Exploring the nature of digital transformation in the fashion industry: opportunities for supply chains, business models, and sustainability-oriented innovations / D. Casciani, O. Chkanikova, R. Pal // Sustainability: Science, Practice and Policy. — Vol. 18, Iss. 1. — PP. 773–795. — <https://doi.org/10.1080/15487733.2022.2125640>
11. Гордеев, В.А. Теоретическая экономика: дополнительные идеи к избранной концепции / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. — 2023. — № 12(108). — С. 4–10.
12. Iskandar, Y. Systematic review of the barriers to social enterprise performance using an institutional framework / Y. Iskandar, J. Joeliaty, U. Kaltum, H. Hilmiana // Cogent Business & Management. — 2022. — Vol. 9, Iss. 1. — <https://doi.org/10.1080/23311975.2022.2124592>
13. Tula, S.T. Entrepreneurial ecosystems in the USA: a comparative review with European models / S.T. Tula, O.C. Ofole, C.C. Okoye, A.O. Ajayi Nifise, O. Odeyemi // International Journal of Management & Entrepreneurship Research. — 2024. — Vol. 6, Iss. 2. — PP. 451–466. — <https://doi.org/10.51594/ijmer.v6i2.799>
14. Борисенко М.В., Ягмур Е.А. Обобщение существующих практик функционирования бизнес-инкубаторов для решения проблем социального характера в донецкой народной республике / М.В. Борисенко, Е.А. Ягмур // Вестник Института экономических исследований. — 2024. — № 1 (33). — С. 5–21.
15. Найденова, Т.А. Предпринимательские экосистемы в исследовательском поле / Т.А. Найденова, Е. Н. Новокшопова // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. — 2022. — № 3. — С. 79–90. — DOI 10.18101/2304-4446-2022-3-79-90.
16. Турабаева, А.М. Институт социального предпринимательства как фактор развития малых городов / А.М. Турабаева // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. — 2022. — Т. 20, № 2. — С. 74–83. — DOI 10.24147/1812-3988.2022.20(2).74-83.
17. Тогузаева, Е.Н. Пропаганда бизнес-этики в России: правовые основы / Е.Н. Тогузаева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2023. — Т. 23, № 4. — С. 478–483. — DOI 10.18500/1994-2540-2023-23-4-478-483.
18. Пронина, П.А. Особенности правового обеспечения социального предпринимательства в России и Италии: перспективы применения в отечественной практике / П.А. Пронина // Научные известия. — 2022. — № 27. — С. 274–277.
19. Трубина, Ю.А. Сравнительный анализ страновых моделей социальной ответственности малого и среднего предпринимательства / Ю.А. Трубина, П.Ш. Шихгафизов, Е.А. Трунова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2023. — № 3(67). — С. 96–106. — DOI 10.21685/2072-3016-2023-3-7.
20. Шеломенцев, А.Г. Модели территориального развития: в поиске эффективности / А.Г. Шеломенцев, А.Н. Семин, К.С. Гончарова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2024. — № 5. — С. 7–25. — DOI 10.24412/2071-6435-2024-5-7-25.
21. Suriyankietkaew, S. Sustainable Leadership Practices and Competencies of SMEs for Sustainability and Resilience: A Community-Based Social Enterprise Study / S. Suriyankietkaew, K. Krittayaruangroj, N. Iamsawan // Sustainability. — 2022. — Vol. 14, Iss. 10. — <https://doi.org/10.3390/su14105762>
22. Dall-Orsoletta, A. A systematic review of social innovation and community energy transitions / A. Dall-Orsoletta, J. Cunha, M. Araújo, P. Ferreira // Energy Research & Social Science. — 2022. — Vol. 88. — <https://doi.org/10.1016/j.erss.2022.102625>
23. Angélico Gonçalves, M.J. The Future of Accounting: How Will Digital Transformation Impact the Sector? / M. J. Angélico Gonçalves, A.C. Ferreira da Silva, C. Gonçalves Ferreira // Informatics. — 2022. — Vol. 9, Iss. 1. — <https://doi.org/10.3390/informatics9010019>
24. Bhatt B. Ethical Complexity of Social Change: Negotiated Actions of a Social Enterprise / B. Bhatt // Journal of Business Ethics. — 2022. — Vol. 177. — PP. 743–762. — <https://doi.org/10.1007/s10551-022-05100-6>
25. Шихгафизов, П.Ш. Особенности реализации принципов социальной ответственности малого и среднего предпринимательства / П.Ш. Шихгафизов, В.М. Ераносян // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 7(183). — С. 90–96. — DOI 10.24158/tipor.2023.7.12.
26. Montero Guerra, J.M. The impact of digital transformation on talent management / J.M. Montero Guerra, I. Danvila-del-Valle, M. Méndez-Suárez // Technological Forecasting and Social Change. — 2023. — Vol. 188. — <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.122291>

© Сафиуллина Фарида Рафисовна (far491@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

PROBLEMS OF PERSONAL SOCIALIZATION IN THE CONTEXT OF TECHNOGENIC CIVILIZATION

V. Skopa

Summary. The modern sociological paradigm has significantly expanded the horizons of understanding socialization. Today, scientific discourse covers not only the younger generation and middle-aged representatives, but also elderly individuals. Such a holistic approach is due to the need for a comprehensive analysis of social transformations of the macrosystem. The scientific community is trying to comprehend and conceptualize a new social reality, where traditional mechanisms of interaction between the individual and society are radically transformed. Technogenic civilization creates fundamentally new conditions for human interaction with the social environment, radically changing traditional mechanisms of communication and adaptation. Traditional social institutions — family, education, professional communities — are losing their monopoly on the formation of personality. Digital systems, network communications and virtual spaces of self-realization come to the fore. The process of socialization increasingly resembles the continuous construction of identity in conditions of total uncertainty.

Keywords: socialization of personality, civilization, society, individual, social processes.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. Современная социологическая парадигма существенно расширила горизонты понимания социализации. Сегодня научный дискурс охватывает не только молодое поколение и представителей среднего возраста, а также пожилых индивидов. Такой холистический подход обусловлен необходимостью комплексного анализа социальных трансформаций макросистемы. Научное сообщество пытается осмыслить и концептуализировать новую социальную реальность, где традиционные механизмы взаимодействия личности и общества радикально трансформируются. Техногенная цивилизация создает принципиально новые условия взаимодействия человека с социальной средой, кардинально меняя традиционные механизмы коммуникации и адаптации. Традиционные социальные институты — семья, образование, профессиональные сообщества утрачивают монополию на формирование личности. На первый план выходят цифровые системы, сетевые коммуникации и виртуальные пространства самореализации. Процесс социализации все более напоминает непрерывное конструирование идентичности в условиях тотальной неопределенности.

Ключевые слова: социализация личности, цивилизация, социум, индивид, социальные процессы.

В эпоху стремительной технологической трансформации человечество переживает глубинный цивилизационный сдвиг. Научное сообщество пытается осмыслить и концептуализировать новую социальную реальность, где традиционные механизмы взаимодействия личности и общества радикально трансформируются. Техногенная цивилизация создает принципиально новые условия взаимодействия человека с социальной средой, кардинально меняя традиционные механизмы коммуникации и адаптации.

Погружаясь в глубины человеческой природы, невозможно обойти стороной ключевой механизм интеграции индивида в социальную среду — процесс социализации. Для полноценной адаптации в коллективном пространстве субъекту социальных отношений требуется не просто усвоить, но и интернализировать существующие социальные конструкты, нормативные паттерны и аксиологические координаты [2, 3, 8].

Традиционно исследовательский фокус был сосредоточен на траектории взросления — от детства через

подростковый период к молодости — в контексте статичных аграрных и ранних индустриальных сообществ [1]. Однако современная социологическая парадигма существенно расширила горизонты понимания социализации. Сегодня научный дискурс охватывает не только молодое поколение, но и представителей среднего возраста, а также пожилых индивидов. Такой холистический подход обусловлен необходимостью комплексного анализа социальных трансформаций макросистемы [13].

Подобная методологическая стратегия отчетливо прослеживается в работах отечественных и зарубежных исследователей Г.М. Андреевой, З. Баумана, Е.П. Белинской, Э. Гидденса.

Социализация — это динамичный, постоянно эволюционирующий процесс, который трансформируется синхронно с трансформацией общественных парадигм. Переход от доиндустриальной к индустриальной, а затем и к техногенной реальности принципиально перестраивает механизмы адаптации индивида в социальном пространстве [11]. Особый исследовательский интерес

представляет не только сам механизм социализации, но и диалектика формирования социальных страт, их последовательная трансформация и взаимозамещение в контексте техногенной цивилизации. Каждый новый социальный пласт привносит собственные уникальные паттерны взаимодействия, коммуникативные практики и системы ценностей. Линейность уступает место мультивекторности, жесткие иерархические структуры — гибким сетевым взаимодействиям. Процесс социализации перестает быть унифицированным и приобретает черты индивидуальной траектории, где каждый субъект выступает активным конструктором собственной социальной реальности [5, 12].

В данной связи уместно выделить ключевые вызовы социализации на современном этапе развития:

1. Цифровая трансформация коммуникаций. Виртуальное пространство все чаще заменяет реальное межличностное взаимодействие. Социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы становятся приоритетными каналами общения, что приводит к редукции эмоционального интеллекта; снижению навыков прямой коммуникации; формированию клипового мышления.
2. Психологическая дезадаптация. Постоянное технологическое воздействие провоцирует информационную перегрузку; синдром хронической усталости; размывание личностных границ; феномен киберзависимости.
3. Трансформация социальных институтов. Технологии кардинально меняются: модели профессиональной деятельности; система образования; брачно-семейные отношения; механизмы самоидентификации личности.

Ключевой парадигмой современного мироустройства становится не просто технологический прогресс, а качественное переформатирование человеческой сущности. Социализация перестает быть процессом передачи социокультурного опыта и превращается в сложную многомерную систему адаптации индивида к гиперизменчивой реальности [3, 10].

Техногенная цивилизация формирует принципиально новые координаты человеческого бытия. Традиционные социальные институты — семья, образование, профессиональные сообщества утрачивают монополию на формирование личности. На первый план выходят цифровые системы, сетевые коммуникации и виртуальные пространства самореализации. Процесс социализации все более напоминает непрерывное конструирование идентичности в условиях тотальной неопределенности [7]. Личность вынуждена постоянно перенастраивать внутренние алгоритмы адаптации, балансируя между технологическими вызовами и сохранением собственной аутентичности.

Ключевой вызов современности — разработка новых подходов, способных концептуализировать возникающую реальность, где граница между человеком и технологией становится все более условной. Человеческая сущность трансформируется не просто под влиянием технологий, а через принципиально новые модели самоидентификации и социального конструирования реальности. В данном контексте можно согласиться с Э.С. Демиденко, который отмечает, что «сейчас же социализация должна исходить из системного социоприродного развития земного мира, из критического осмысления достижений наиболее цивилизованных стран, из необходимости решения глобальных проблем, утверждения гуманизма в новых условиях, сохранения биосферы и биосферной жизни. В условиях нынешнего техногенеза социализация уже включает и техногенную социализацию биоприроды и человека» [6, с. 206]. В его понятии «социализация» трактуется не только с классической позиции об интеграции индивида в общественную систему, передаче норм и правил от поколения к поколению, но и обосновываются трансформации человека с точки зрения расширения техносферы, широкого спектра интеграции человека с техникой, технологиями, включения искусственных веществ в его тело и биологические процессы, то есть разнообразными техногенными изменениями его биосоциальной природы [6]. В своем научном изыскании исследователь раскрывает сложную диалектику взаимопроникновения искусственных систем и человеческой природы. Процесс техногенной социализации предстает как глубинная трансформация биосоциальной сущности через тотальное внедрение технологических артефактов в жизненное пространство индивида. Речь идет о принципиально новом механизме адаптации человека, где технологическая среда становится не просто инструментом, но полноправным соучастником социокультурной эволюции. Ключевой акцент делается на качественном переформатировании естественных оснований человеческого бытия под влиянием всепроникающей техносферы, которая методично окультуривает не только социальные практики, но и саму природу человеческого восприятия и взаимодействия с реальностью [6, 7].

Процесс вхождения личности в социальную структуру представляет собой сложный механизм адаптации и интеграции индивида в общественную систему. Традиционно ключевую роль в этом процессе играли социальные институты — семья и образовательные учреждения, формирующие базовые модели поведения и мировоззрения.

Социализация выступает стержневым элементом становления человека как социального субъекта, где переплетаются индивидуальные устремления и общественные механизмы развития. Личность находится в постоянном взаимодействии между собственными

потребностями и социальными ожиданиями, что создает динамичное пространство самореализации. В современных условиях трансформирующейся реальности процесс социального становления приобретает принципиально новые характеристики. Технологическая революция, информационная насыщенность и глобальные коммуникативные процессы кардинально перестраивают традиционные модели социализации [4, 11]. Особенно рельефно эти изменения проявляются в российском социокультурном пространстве, где высокая скорость социальных изменений создает принципиально новые вызовы для формирования идентичности. Конкуренция между устоявшимися социальными паттернами и новыми формами коллективного существования становится определяющей характеристикой современного социального ландшафта.

Глобализация, цифровизация и транснациональные коммуникации выступают ключевыми трендами, трансформирующими механизмы социальной интеграции личности в XXI веке.

Современная социальная парадигма возводит человека в статус ключевого созидателя цивилизационных трансформаций. Молодое поколение становится генератором, который перекодирует социокультурное пространство, наполняя его принципиально новыми смыслами и координатами существования.

Сегодняшние молодые люди выступают своеобразными социальными архитекторами, конструирующими уникальные модели адаптации в турбулентной реальности. Их миропонимание формирует контуры будущего, где индивидуальность провозглашается наивысшей ценностью [9]. Парадоксальность текущей ситуации заключается в диалектическом противоречии между тотальной индивидуализацией и стремлением к новым формам коллективности. Человек дистанцируется от традиционных социальных институтов, одновременно интегрируясь в виртуальные системы с принципиально иными механизмами коммуникации и самоидентификации.

Информационное пространство трансформируется в альтернативную социальную матрицу, где классические межпоколенческие связи замещаются сетевыми конструктами. Духовная преемственность редуцируется до набора клиповых фрагментов, а солидарность приобретает черты ситуативной конъюнктуры.

Сообщества нового типа становятся не просто коммуникативными площадками, а полноценными социализирующими институтами, которые генерируют собственные нормативные системы, ценностные координаты и модели поведения.

Человек XXI века балансирует между жадой уникальности и потребностью в причастности, создавая принципиально новую онтологию социального бытия. Коммуникативное пространство современности всё чаще напоминает зашифрованный лабиринт символов и сокращений. Трансформация знаковых систем порождает лингвистический хаос, где традиционные понятия размываются, уступая место туманным, многослойным конструкциям [13].

Межпоколенческий разрыв на сегодняшний день достиг критической точки: между старшими и младшими существует не просто языковой барьер, а целая цивилизационная пропасть. Наставники утрачивают сакральный статус, натываясь на стену клипового сознания. Молодежь всё чаще выбирает в качестве ориентиров химерных персонажей из виртуальных миров, размывая грань между реальностью и симуляцией.

Информационная среда сегодня — это лоскутное одеяло смыслов, где когнитивный диссонанс стал нормой. Личность балансирует между потоками данных, борьбой со своим «Я», дабы найти свою собственную идентичность. Цифровые сообщества трансформировались в пространства самоконструирования, где каждый может создать идеализированную версию себя. Виртуальная реальность предлагает комфортные протезы самореализации — удобные, безопасные, но катастрофически далёкие от подлинного существования. Человек оказывается в плену самопрезентационных стратегий, где важнее не быть, а казаться, где иллюзорное самощущение заменяет глубинную рефлексию.

Резюмируя результаты исследования, важно акцентировать внимание на многогранности концепта «социализация», который раскрывается через два взаимосвязанных контекста: узкий — социологический и широкий — социально-философский. В узком понимании социализация представляет собой динамичный социальный механизм адаптации индивида к коллективным нормативам, культурным паттернам и модальностям совместного существования. В широком контексте социализация представляет собой глобальный эволюционный процесс, где техногенное выступает катализатором фундаментальных трансформаций человеческой природы.

Социум, генерирует сегодня все более сложные технологические системы, неминуемо подвергается внутренней трансформации, радикально реконструируя биологические и социальные параметры человеческого существования. Нарастающая динамика технологических изменений обуславливает необходимость пристального междисциплинарного исследования процессов социализации, поскольку современные техногенные реалии демонстрируют принципиально неконтролируе-

мый, стихийный характер антропологических мутаций. Этот контекст актуализирует потребность в разработке принципиально новых методологических стратегий осмысления взаимовлияния технологий, социальных институтов и человеческой природы.

Таким образом, техногенная цивилизация предъявляет новые требования к социализации личности.

Успешность адаптации зависит от способности человека гармонично интегрировать технологические возможности, сохраняя при этом базовые социально-психологические характеристики. Только осознанный подход к взаимодействию с технологической средой позволит современному человеку эффективно социализироваться и раскрыть свой личностный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aron R. Progress and Disillusion. The Dialectics of Modern Society. N. Y. ; Washington ; L., 1968.
2. Баринов В.И. Парадоксы техногенной культуры // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2020. — №04. — С. 5–8. DOI 10.37882/2500-3682.2020.04.03
3. Белинская Е.П. Проблемы социализации: история и современность: хрестоматия / сост. Е.П. Белинская. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013.
4. Булкин А.Н. Социально-философские аспекты ценностного ориентирования молодежи. Автореф. дис. на соиск. ученой степени к.ф.н. Ставрополь, 1997.
5. Габриелян О.А., Ильянович Е.Б. Молодёжь в динамике культурных и общественных трансформаций // Молодёжь VS культура: духовно-нравственное воспитание. Симферополь, 2011.
6. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: науч. докл. М.: РАН, 2017.
7. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.
8. Дубовская Е.М. Социализация в изменяющемся мире // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.
9. Крылов Д.А. Техногенная цивилизация и культура: основные тенденции развития в современном контексте // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Пер. с англ. — М.: REFL-book, 1994.
11. Скопа В.А. Ценностный аспект прав человека: философский дискурс // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2022. — №07. — С. 92–95. DOI 10.37882/2500-3682.2022.07.18
12. Степин В.С. О человеческом в человеке. М., 1991.
13. Храпов С.А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Fedorin V. — Candidate of Legal Sciences, Voronezh State University

Gamazin S. — Postgraduate student, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Gilmutdinov B. — Police Colonel, Head of the branch of the Kazan Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia (Naberezhnye Chelny)

Gryzaikina S. — North-West Institute of Management — Branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Huang Hai — Heihe University, Heihe, China

Iontsev M. — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow; Head of the Legal Support Center for Digitalization in the Financial Market (as a Department) of the Legal Department, Bank of Russia, Moscow

Korovyakovsky D. — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities

Ma Baofa — Heihe University, Heihe, China

Nie Xuan — Lomonosov Moscow State University

Oleynik N. — PhD (Economics), Associate Professor, North-West Institute of Management — Branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (Saint-Petersburg)

OUR AUTHORS

Pisarevskaya N. — Candidate of Philological Sciences, ANOVO «Moscow International University»

Romanova M. — PhD in Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

Safullina F. — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Kazan State Power Engineering University

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sokolova Zh. — Doctor of Economics, Chief Researcher of the FSBSI FRC AESDRA VNIIESH

Teryaeva E. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management — branch of RANEPA (Orel)

Tolmacheva I. — Candidate of Economic Sciences, ANOVO «Moscow International University»

Yakovleva Ju. — Senior Lecturer, Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»

Yunusov A. — Doctor of Law, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Federal) University

Zhang Wei — Heihe University, Heihe, China

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).